

**Андрей Белянин Эва Бялоленьская Анджей Пилипик
Христо Поштаков Пламен Митрев Галина Чёрная
Казачьи сказки (Сборник)**

BY SeaCat

«Андрей Белянин и его друзья «Казачьи сказки»»: Альфа-книга, Армада; Москва; 2007
ISBN 5-93556-742-3

Аннотация

Андрей Белянин не нуждается в представлении. Талантливый, плодовитый, читаемый, почитаемый. Его книги вы, конечно, читали (и наверняка перечитывали). А теперь ваш любимый писатель решил попробовать себя в амплуа составителя сборника, собирателя, если хотите, под одной обложкой авторов земель славянских. Пани Эва и пан Анджей из Польши, господа Христо и Пламен из Болгарии — его добрые знакомые и друзья. Читаемые и почитаемые у себя на родине писатели. Откройте для себя их творчество — поверьте, рекомендация Андрея Белянина дорогого стоит. Как говорится, скажи мне, кто твой друг...

Андрей Белянин, его друзья

Казачьи сказки

От составителя

Я совершенно не умею писать предисловия. Подразумевается, что читатель должен слышать что-то глубокомысленно-умное, полное филологических изысков, утончённой концепции и специфического взгляда критика-редактора-шоумэна, заставляющего поверить всех в настоятельную необходимость поставить данный сборник себе на книжную полку! На самом-то деле всё далеко не так...

Пойдём традиционным путём, с самого начала. А началось всё с того, что, когда я достиг определённого уровня известности, меня стали приглашать на творческие встречи и конвенты в другие страны. Дело приятное — приехал, выступил, пообщался, посмотрел страну, обзавёлся новыми друзьями! Вот с этой кодовой фразы «обзавёлся новыми друзьями» всё и началось...

В стародавние времена, когда мне было семь лет, мама за руку привела меня в детскую библиотеку, ибо дома все сказки уже были прочитаны. А читал я только сказки, и ничего другого, принципиально, искренне наслаждаясь народным литературным творчеством. В те времена у нас в стране активно публиковались и популяризировались сказки всех стран мира. Так что с детства для меня были родными и близкими — Гурвинек, Алдар Куса, Бел Полянин, Молло Настрадаин и многие, многие, многие другие... Сказки о них переводили, и мы их знали, как знали, что были не одни.

Сейчас всё не так. В Польше, Болгарии, Чехии — везде, где наша славянская речь имеет одинаковые корни, писатели сетуют на то, что на их родине мало переводят русских. А ведь они нас читают и любят! Мне цитировали русских классиков, декламировали стихи, говорили со мной только по-русски, словно вспоминая школьные и студенческие годы...

А что я?! Я, к своему глубочайшему стыду, не мог вспомнить ни одного польского стишка, ни одной болгарской песенки, ни одной чешской поговорки... Но окончательно меня добила беседа юной польки и русской девочки из Питера — они разговаривали на английском! Представляете, наша славянская молодёжь уже не понимает даже основ языка наших предков!!! Взрослые поляки, вздыхая, опускали глаза, а я сказал себе тогда, что обязательно попытаюсь хоть как-то исправить этот бред и начну с изучения польского, болгарского, чешского...

Мою первую попытку вы, уважаемые читатели, держите сейчас в руках. Я хочу вернуть вам очень популярных у себя на родине, но почти неизвестных нам славянских писателей-фантастов. Они — мои друзья и наши братья, а о родне не забывают...

Давайте я немного представлю каждого.

Анджей Пилипик — молодой, премированный, перспективный писатель из сказочного Кракова. Издал уже двенадцать книг, его стартовые тиражи уступают лишь знаменитому пану Сапковскому. Является родоначальником польского «чёрного юмора» в стиле фолк. Главный герой его успешных рассказов — старый крестьянин, экзорцист, пьяница и совершенно безбашенный дед Якуб Вендерович. Эдакий усохший польский Конан, сотнями крушащий нечисть и не боящийся ни Бога, ни чёрта...

Эва Бялоленьская — тихая, интеллигентная полька из янтарного Гданьска. Обладательница всех премий польского фэнтези, классическая рассказчица о рыцарях, принцах и драконах, плюс — блистательный художник-ювелир! Её в России ещё только начинают открывать, и она старательно учит русский...

Христо Поштаков — мой болгарский друг, его роман «Меч, магия и челюсти» выходил в нашем издательстве. До этого Христо не раз публиковал в различных русских журналах и газетах свои рассказы. Он признанный мастер жёсткой научной фантастики, переведён уже на шесть языков и мечтает посетить наш Ро-скон...

Пламен Митрев — могучий, здоровенный болгарин. Бывший спортсмен, певец, бизнесмен и книготорговец, а ныне — писатель и основатель знаменитого Конан-кона, клуба поклонников Роберта Говарда. Раз в году он собирает в болгарских горах всех поклонников бессмертного кимерийца и вручает редкостные премии за лучшее продолжение его приключений. У нас в стране Пламен известен именно серией книг о Конане-варваре.

Помните хоть ту же «Конан и Золотая пантера»? Так вот, за английским псевдонимом прячется наш славянский братушка из Софии...

Вот чешскую сторону я подготовить не успел. То есть авторов нашёл, но переводы пока в работе... А тут как раз мой соавтор Галина Чёрная вернулась из Праги и привезла кучу заметок и легенд. Так что пока попробуем окунуться в мир чешских сказок с её слов...

О! Едва не забыл о себе... Чтобы всё было по-честному, в каждой нашей «коллективке» будут какие-то мои вещицы. Вот здесь целых десять миниатюр из цикла «Сказки астраханских казаков». Я пишу их давно, не торопясь, они забавные и, наверное, когда-нибудь насочиняются на большую, полновесную книгу. А пока буду рад, если понравятся...

Ну вот вроде и всё. Сказал, что мог, сумбурно, но от души. Я не берусь судить, насколько хорош или плох данный сборник, но мне кажется, что он НЕПРЕМЕННО должен быть. Рано или поздно наши народы вновь повернутся лицом друг к другу и распахнут объятия, вспомнив голос крови и общих корней. Так почему первыми не быть нам?!

Искренне ваш, АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Андрей Белянин **Приключения бравого казака**

Сказ о святом Иване-воине и разбойных казаках

Было это в стародавние времена... Пески степные любые следы заносят, памяти людской кроме. Вот и рассказывали встарь казаки о чуде Господнем, в Астраханской земле явленном.

За что, про что — неведомо, а объявил шах турецкий Мухаммед войну государю московскому. И пошло по лету на Русь войско великое, янычарское. Лишком не двести тыщ ратного люда с ятаганами да пушками, конницей да пешим строем, все под бунчуками и знаменами зелеными с полумесяцем. Как идут — земля дрожит, зверь бежит, птицы с небес падают.

А ведь из краев турецких как ни иди, а только Астрахань нашу все одно не минуешь. И стоит на море Хвалынском, в самом устье Волги-матушки, белый город, ровно щит рубежи южные ограждаючи... По ту пору воеводствовал у нас боярин Серебряный, самого Грозного Иоанна сподвижник, умный да храбрый. Услыхал он про беду неминуемую, стал горожан, рыбаков, люд работный да служилый под ружье ставить. Да только со всех краев тыщи четыре защитничков и набралось. Куды как мало супротив такого врага, да что ж поделаешь? От Москвы помощь поспешает, но когда будет — одному Богу ведомо... Рано ли, поздно ли, а подошел шах под стены крепостные, тугой осадой город стянул, железным кольцом спеленал. Днем — гром стоит от лошадиного ржания, а ночью — сколько глаз достанет, горят по степи костры турецкие да луна кровавая скалится!

А Мухаммед ихний все посмеивался, дескать, жаль такую красоту рушить, шли бы вы, люди русские, из города вон — мы не тронем... Кто страх Господень да совесть в сердце имел — тех речей не слушал, а у кого нутро грехом изъедено — призадумались...

И была тогда в Астрахани сотня разбойных казаков, тех, что расшивы купеческие на кривой нож брали. Им перед царем отслужиться нечем, а за дела лихие только плахой и жалуют, вот они к туркам и пошли. Не стали астраханцы злодеев-предателей насилком держать, распахнули ворота, пустили на все четыре стороны. Вот идут они от ворот Никольских, посередь войска огромного, перед пашами-башибузуками сабельки наземь складывают. Сменяются враги — иди, урус, беги, урус, не стой на пути великого шаха турецкого! Стыдобственно то казакам, да ведь не трогают их янычары, слово держат.

А только вдруг со стен крик бабий... Обернулись, глядь, что за дела — у самых ворот мальчоночка трехгодовалый! Волосенки русые, глазоньки синие, рубашонка белая... То ль тайком за ворота шмыгнул, то ль от мамки сбежал; кто ведает? Со стен стрельцы шумят, народ

волнуется, а тока сызнава открывать не будешь — турок вон скока нагнано, в сей же час город возьмут. Малец в голос ревет, янычары гоголом заходятся да казаков разбойных взашей толкают, мол, не ваше горе...

И тут громыхнуло в ясном небе, ровно на миг один свет погас! Глядят люди, а у ворот астраханских высоченный казак стоит. Сам в справе воинской, борода окладистая, в руке сабля острая, а из-под бровей очи грозные так и светятся. Приподнял мальчонку, к себе прижал да кулаком врагу могучему грозит. Один — супротив всех! Турки-то опешили сперва, а потом в смех впали. Весело, вишь, им такую картину зреть — как один казак всему войску турецкому грозить смеет. А уж как отсмеялись, так и за ятаганы взялись...

Глянули на это разбойные казаки — и словно прорвало ретивое! Загорелась кровь, будто благодать Божия очерствелых душ прикоснулась. Развернулись они, в глаза друг другу глянули да и пошли турок валять голыми руками! Что с того, что оружия нет? Недаром в разбойных ходили, никто и охнуть не успел, как добыли они мечи турецкие и к воротам, богатырю чудесному на выручку! Вот уж где удаль была, где слава... Как черти дрались разбойные казаки, и дрогнуло войско вражье!

Сто душ христианских на небеса вознеслись, ни один не уцелел... Раскрылись ворота, вышла дружина боярская — и дитя спасли, и Мухаммеду урок знатный дали. Опосля боя того не пошел шах на Москву, забоялся. Застрял до холодов в степях Заволжских, а потом и вовсе назад повернул. Не пустила Астрахань врага на землю русскую...

А казака того высокого искать искали, да не нашли. Старики бают, что и не казак то был, а пресвятой мученик Иван-воин, всякого служилого люда хранитель и заступник.

Так ли оно было, правда ли — про то летописи путаются. Но и доньне стоит в Москве первопрестольной храм Ивана-воина, а случись мимо проходить астраханскому казаку — так непременно зайдет и свечку поставит. За дела ратные, за души грешные, за память дедову...

Как казак с ведьмой разбирался

В одном селе жила-была ведьма. До определенного времени — видная баба, все при ней — и фигура, и хозяйство, и прочие полезности. А как встанет не с той ноги, так просто жуть — людей ела ровно куренков каких. Так что стал народ на селе замечать неладное. Однако прямых улик ни у кого нет, хотя люди по-прежнему исчезают.

Раз гуляли парень с девицей по переулочку. Глядит на них ведьма из-за занавесочки и думает: как бы девицу съесть? На двоих сразу не нападешь... Вот и разбросала она на дорожке горсть бусин. Ясное дело, как девушка первую бусину заприметила — бух на колени и давай собирать, а хахаль, чтоб зазнобушке угодить, вперед забежал и там собирает. Ведьма бочком, бочком к девице и говорит:

— Вот мой дом, заходи — сколь хошь бус подарю.

Та сдуру и пошла. На ее счастье, успел парень заметить, как у хаты калиточка хлопнула. Дособирали он бусины, подошел и в окошко глядит. Ну ведьма ввела девицу в горницу, а там кости человеческие так на полу и валяются, Девка, ясное дело, сперва в визг, потом в обморок. Ведьма ее на стол положила да за ножом пошла.

Парень не промах, смекнул, что к чему, подошел к дверям, постучал хорошенько и бегом к окну. Пока ведьма дверь открывала да кумекала, кто хулиганит, парень в окно влез, девицу на плечо и бежать. Увидала ведьма, выругалась матерно и в погоню!

Парню тяжело, он же на своих двоих, да еще и дуру эту тащит. А ведьма бодренько бежит, ноги так и мелькают. Чувствует, что догоняет, так и руками загребать стала. Понял парень, что не уйдет. Развернулся, сжал кулаки. Девица очухалась и опять в обморок бухнулась. В тот же миг ведьма на парня и бросилась. Он руками, а она клыками. Рычит по-волчьи, когтями одежду рвет, вот-вот до горла доберется.

В ту пору шел мимо казак. Штаны синие, лампасы красивые, ремень скрипучий, сапоги блестящие, на боку шашка, на голове фуражка — красавец мужчина!

Глядит, в пыли на дороге смертный бой идет. Смикитил он, что к чему, выхватил

шашку, а куда рубить? Они ж так быстро катаются — где чья рука, где нога, не разобрать. Вот тут-то вдруг от натуги юбка на ведьме лопнула, и показался на свет маленький пороссячий хвостик! Изловчился казак да как плюнет ведьме на хвост!

Взвыла она дурным голосом и рассыпалась черным пеплом по ветру... Парня с девицей потом обвенчали, честным пирком да за свадебку. Ну и казака пригласить не забыли, уважили.

Р. С. Почему ведьмы умирают, если им плюнуть на хвост, я, честно говоря, и сам не знаю... Но эффект поразительный!

Как казак царевну замуж выдавал

Жил-был царь. Неглупый, общительный, и было у него большое горе. Дочь.

Овдовел он рано, со всех сторон дела, войны, интриги, забот полон рот, так оно и вышло, что воспитанием царевны отец-государь не утруждался. В результате такая дочь образовалась — оторви и брось! Нет, внешне хоть куда — коса ниже пояса, глазищи зеленые, брови сурьмленные. Что спереди, что сзади — округлой благодати, И глаз радует, и в руке подержать приятно. Но вот характер... Горда, заносчива, высокомерна, другие люди для нее ровно мартышки какие. Слова не скажет, взгляда не кинет, пальцем не пожестичулирует. Лед баба!

Однако настала пора царевну замуж выдавать. Царь-батюшка и так, и эдак, и на хромой козе, и с пряником — ни в какую заносчивая дочь родителя не уважает. От разных европейских домов лица королевской крови сватались... и всем от ворот, попутным ветром, обратным курсом. Раз по осени даже африканский принц на верблюде заезжал, так не поверите — и ему отказала! Царь нервный стал, чуть что — в слезы.

В ту пору шел по улице казак. Усы сивые, нос красивый, шашка трень-брень, фуражка набекрень, грудь колесом — молодец молодцом! Видит, на подоконничке царь стоит, петлю на гардины ладит, и лицо у него такое грустное... Пожалел казак царя;

— Помилуй, батюшка-государь! Не лишай нас своего светлого правления. Скажи лучше, какая нелегкая тебя до такого паршивого состояния довела? Глядишь, и поможем твоему горю.

— Дочь не могу замуж выдать... — всхлипывает царь и нос рукавом парчовым утирает.

— Всего-то?! Ну это дело поправимое. Найдем твоей кровиночке суженого по сердцу.

— Дык она же всей Европе понаотказывала! Международная обстановка — хуже некуда, того гляди, все единым фронтом войной пойдут... Побьют же! — в голос заревел царь, а казак его утешает:

— Не убивайся так, твое величество. Побереги себя для отечества. А за дочь не беспокойся, это мы быстренько устроим...

Ну подписал государь грамоту, чтоб на одну неделю все казачьи указы как лично царские исполнены были. А казак время не терял, депеши во все концы слал, заново женихов сзывал и всем твердо поручался за всенепременную женитьбу. Вот уж и гости на дворе, ждут, знакомятся, водку кушают. Царь в перепуге от такой авантюры на валокордине сидит, а казак всех незамужних барышень, ближних к царевой ветви, во дворец согнал. Привел царевну в центральную залу, приказал раздеться догола и на стульчик усадил. А ей на все плевать, у нее высокомерие. Казак туда же и боярышень, в тех же костюмах, то есть с бусами да в серьгах, загнал и в рядок выставил.

Девки как на подбор, высокие, статные, плечи покатые, бедра грузные, груди арбузные, мертвый взглянет — и то встанет! Стоят, смущаются, краснеют, а царева указа послушаться боятся. Тут казак двери распаивает и во всю глотку орет:

— Эй, принцы-королевичи! Кому нужна жена ладная да пригожая, выбирай любую!

Бедная Европа аж обалдела от счастья. Весь товар налицо! Принцы уж о царевне и думать забыли, хватают, кто за чем пришел, а у входа уже и поп венчает, и шубу невесте, и

приданое от казны, и удовольствие полнейшее. Войны не будет — это факт!

Царевна глазами хлоп-хлоп... Да и разобрала ее банальная бабская зависть — да что ж я, никого как женщина не интересую? Обидно ей стало. А я как же?! Я тоже замуж хочу! Спрыгнула со стула да бегом принца али королевича ловить. Поймала-таки! Невзрачный мужичонка, раджа индийский. Он и вообще проездом был, так, одним глазком заглянул ради интереса. Ну вот его-то и захомутали.

Молодых после свадьбы с почетом в Индию отправили, а казака царь при себе первым министром оставил. А что? Казак ведь, он не токмо шашкой махать, он и головой может. Царь на него не нарадуется, поскольку политик зело тонкий...

Как черт с казаком в шахматы играл

Шел по улице казак. Людям улыбался, воздухом дышал, усы крутил — моцион, одним словом. Вдруг видит в одном из освещенных окон — столик стоит, а за ним черт сам с собой в шахматы играет. Не стерпел казак! Как же это можно мимо живого черта пройти и в рыло не заехать? Не по-христиански как-то получается...

Вошел он во дворик, нашел дверь, шагнул в прихожую. Еще раз пригляделся. Все верно — комната с фикусом, патефон в углу, а за столиком натуральный черт в полосатом костюме и штиблетах.

— О, заходи, дорогой казак! По лицу вижу — драться пришел. И что это у вас за манера такая, чуть где черта увидали — сразу в амбицию?!

— Ах ты, нечисть поганая! — говорит казак, а сам уже рукава засучивает. — Да если вас, так через эдак, не бить, то, глядишь, вы всей Россией править вздумаете.

— Ни-ни! — успокаивает черт, но двигается так, чтоб меж ними всегда столик с шахматами был. — Зачем нам такой геморрой? Давай-ка лучше в шахматы сразимся. Игра мудреная, заграничная, всеми военными весьма почитаемая. Сам граф Александр Васильевич жаловал...

— Суворов-Рымникский! — догадался казак. — Ну тогда расставляй. Да только ваше рогатое племя просто так не играет — что ставить будем?

— Душу.

— Не нарывайся!

— Понял, понял... — повинулся черт. — А давай фуражку казацкую. Синий верх, желтый околыш, лаковый козырек! Можно примерить?

— Вот выиграешь, тогда и мерь! — обрезал казачина и покрутил усы. — А ты ставь хвост в мясорубку, если моя возьмет.

— По рукам!

Засели за игру. Черт бутылочку принес, тяпнули за знакомство и начали.

На десятом ходу у казака меньше половины фигур осталось. Обидно ему рогатому проигрывать, да что сделаешь? Изловчился казак, плеснул себе и супротивнику, а пока черт водку пил, взял да и свистнул у него ферзя. А чтоб вражина не заметил чего, он этим ферзем свою стопочку закусил... Через два хода черт — тык, мык, где фигура?

— Съел, — честно отвечает казак.

— Не может быть, побожись!

— Вот те крест!

Пожал черт плечами, налил еще. Выпили, опять сидят, думают. Нечистому и невдомек, что казак вторую стопку его пешкой захрумкал. Зубы крепкие, организм закаленный, главное, чтоб заноза в язык не попала...

— Да у меня здесь пешка стояла!

— Где ж она?

— Ты шельмуешь, казак! Куда пешку дел?

— Съел!

— Врешь! Побожись!

— Вот те крест — не вру! Съел я ее!

Бедный черт аж пятнами пошел. А игра уже не в его пользу. Ход за ходом, зажал казак черного короля в угол. Понял черт, что проиграл. Добавил для храбрости и попросил:

— Вижу, что подфартило тебе. Но будь человеком, Расскажи, на каком ходу ты моего ферзя съел?

— Не помню... — честно закашлялся казак, постучал себя кулаком в грудь и сплюнул горсть опилок.

Посмотрел на него черт, подумал, и счастье догадки озарило его лицо.

— Чтоб я еще раз с вашим братом взялся в шахматы играть — да ни в жизнь! — заключил нечистый и грустно пошел за мясорубкой...

Как казак студента спасал

... Продал как-то раз один студент душу черту, Дело, что и говорить, не особенно красивое, однако в былые времена встречалось не так уж редко, Да и продал-то по глупости, за смешную, можно сказать, цену... Ляпнул, не подумав, разок, дескать, замучили профессора университетские, у них, мол, и сам черт экзамен не сдаст!

Ну а нечистому тока намекни — уж тут как тут: хвостом вертит, ученость изображает, помочь обещается всячески. Поговорили они как два интеллигента, да и подписал студент желтую бумагу с буквами красными! О том, что, дескать, передает он душу свою бессмертную черту в руки, а за то ни один профессор его ни в чем нипочем срезать не сможет.

Сами знаете, откуль у этих молодых атеистов о душе понятие, им бы тока Бога за рукав пощупать да и тиснуть в книженцию, мол, «материальных доказательств не обнаружено, а то, что есть, безобъективная иллюзия», во как!

Сроком поставили тот день, когда студент самый распоследний экзамен сдаст. Все честь по чести — серы нюхнули, договор скрепили, по рюмочке опрокинули за сотрудничество, и каждый к себе пошел, собою довольный.

Уж о чем черт думал, нам неведомо, а тока студент очень счастлив был! Он, вишь, человек городской, образованный, знаниями перегруженный, премудростями книжными набитый, решил: что ему стоит нечистого обмануть? Трудно ли, умеючи, «вечным студентом» стать... Знай учись через пень-колоду, чтоб и выгнать жалко, и в люди выпустить стыдно! Мало ли таких... То-то облапошится хвостатый, долгонько будет меж рогов чесать, души атеистической дожидаясь...

Да почему-то не вышло ничего. С того дня, как ни пойдет студент в аудиторию, дык профессора с ним первые раскланиваются, за ручку здороваться в очередь толкуются, без экзаменов, экстерном все дипломы всучить норовят. Недели не прошло, а готовят на бедолагу полный отчет — уж такой разумности редкой молодой человек попался, что никак нельзя его в университетских стенах томить, а самый наипервейший диплом, со всеми печатями, вручить надобно да и просить самого государя слезно, чтоб он эдакую глыбищу над всем ученым советом наиглавнейшим поставил!

Вот тут-то и присел студент... Чего-чего, а не ожидал он от нечистой силы такенной-то прыти! Перепугался, однако... Они молиться пробовал — да не идет к Богу та мольба, что не от сердца... И в церкви поклоны бил — да только лбом ворота райские не отворишь... Опосля еще к гадалкам и колдовкам за советом бегал — куды тебе, они от него еще резвее деру дали: кто ж у черта законную добычу отнимать посмеет?

Парень с горя да по дурости уж и больным сказался, так к обеду цельная делегация ученая, всем составом профессорским, к нему диплом прямо на дом так и принесла! Только тут и понял студент, что не он нечистого, а нечистый его на хромой кобыле три раза вокруг елки обскакал... Залился он слезами горячими да и пошел с печали великой в садик вишневый погулять, последние часы вольным воздухом с ароматами напитокся.

А в те поры шел по городу казак... На сапогах глянec, на щеках — румянец, лампы

яркие, штаны немаркие, «егорьевский» кавалер — всем героям в пример! Видит, в саду зеленом, за забором крашеным, студент в фуражке сидит, очки стеклянные слезами промывает. Не сдержался казак:

— А и какая же холера молодежь нашу культурную эдакие слезы лить заставляет? Какое ученое название у сей напасти?

— Безальтернативность... — студент отвечает да из-за пазухи договор треклятый пальчиками выуживает.

Глянул казак и так и сая, сверху вниз да боковым зрением по диагонали и не понял ничего. Объяснил студент. Ну тут ровно тучка громовая на чело казацье набежала! Как топнет он сапогом со шпорою, как закричит голосом впечатляющим:

— А не бывать тому! Не позволит честный казак душе христианской, атеизмом научным отравленной, в адском пламени гореть по дури собственной. Ну-кося, появившись здесь сей же час, дух нечистый! Мы с тобою по-иному потолкуем...

Один миг и вот он вам, черт лысый, тока позови — тут как тут: пятачком светит, улыбку клеит, а глаза бесстыжие добрые-добрые...

— Зачем звал меня, казак православный? Ваше племя с нашим дружбу не водит, а ежели морду бить али опять до Петербурга транзитом, так, увы, нет — слуга покорный... Я уж лучше в пекле пересижу. А господин студент еще с полчаса по земле походит, мне разве жалко, я ж тоже не без сочувствия...

— Студента не замай! Нешто сам не видишь, до чего человек образованностью на всю голову ужаленный?!

— Ой, да я бы и рад, но ведь договор — вещь бумажная, нетленная, юридической силы немереной! Хоть бы мне его и отпустить, так начальство со мной такое извращение сделает — ведра вазелина не хватит...

— Не гундось, чертово семя, — строго прикрикнул казак, спиной широкой студента прикрывая. — А вот забирая меня вместо него! Что тебе проку в душе темной, неверующей, страха Божиего не имеющей, покаяния не испытывающей... Бери мою!

— Твою?! — в один голос ахнули черт со студентом.

Кивнул казак.

— Погодь, погодь, — заспешил нечистый. — То есть ежели мы сей же час, полюбовно, договор прежний без претензий расторгаем, так ты согласен в тот же момент мне свою душу передать? Чистую, казацкую, православную, без всяких аннексий и контрибуций?! Побожись!

— Вот те крест, — гордо отвечает казак, осеняя себя крестным знамением.

Студент бледный с переполоху в ноги ему кинулся, сапоги целует, батюшкой своим называет, что-то о величии души русской и ее отражении в литературе графа Толстого лепечет...

Стыдоба, одним словом. Ну да черт везде свою выгоду чувствует: старый договор мигом изорвал, обрывки по ветру пустил, а уж и новый готов, вот он вам — извольте, подпишите!

— От слова казацкого отступаться грешно, где подпись-то ставить?

— А вот тут, туточки. — Черт в конец листа когтем тычет, сам от радости ужо и ножонками сучит, копытцами трется, хвост вензелем вверх держит.

Еще бы, такую удачу словил — душу казацкую!

— Делать нечего... Роспись-то кровью, поди? Дай-кося об шашку руку оцарапаю.

Обмакнул казак предложенное перо в кровь густую, красную, да и поставил в требуемом месте четкий... крест! Хороший такой, жирный, православный! Бумага адова в единый миг вспыхнула и сгорела, ровно и не было ее...

— Это как... это ты что ж... да как ты посмел, дубина стоеросовая... Роспись, роспись ставить надо было! — взвился черт. А у самого уж и губы прыгают, вот-вот в истерику ударится...

— А я завсегда так подписываюсь, — безмятежно пожал погонями казак. — Поскольку грамоте не обучен. Простые мы люди, необразованные...

Черт в ярости только хвостом себя по лбу треснул да и провалился на месте! Поднял казак студента, усадил на лавочку, асам дальше пошел, насвистывая. Благодарностей не ждал, не ими душа жива.

А черту в пекле крепко досталось — не связывайся впредь с казаками! Вот тока насчет ведра вазелина уже преувеличил он — и полведра хватило...

Как казак графа Дракулу напоил

В давние времена, в далекой земле румынской, в горах Карпатских, стоял черный замок. Все жители окрестные за семь верст его обходили, потому как жил там ужасный вампир граф Дракула. Заманивал он к себе одиноких путников да и сосал у них кровушку. Нет, не сразу, знамо дело, он же граф — стало быть, культурою не обиженный, благородных статей, опять же воспитания приличного.

Поначалу всегда накормит, напоит, спать в постелю чистую уложит, свечку лично задует — как же без обходительности... Это уж потом, как стемнеет окончательно да уснет гость разомлевший, тут он и кусаться ползет... Но опять же по благородному, без насилия — так, придушит слегка, в глаза посмотрит эдак, со значеньцем, и уж тогда в шейку белую зубищи-то и вонзает! Ему что мужик, что баба, что дите малое — все без разницы, насосется себе крови и в родной гроб спать-отдыхать завалится. Уж такой вот был малоприятный злодей, прости его господи...

А в те поры шел себе до дому казак. Издалека возвращался, из плена турецкого. Оно, конечно, в Турции-то потеплее будет, и фрукты, и курага, и жен хоть целый гарем иметь можно, но вот потянуло домой человека! Поломал он стенку в тюрьме турецкой, форму свою назад взял, шашку верную забрал, хотел было еще чего попутно разнести, да турки отговорили... Мол, иди отселя, добрый человек, никто тебе препятствие чинить не будет, а минареты ломать тоже не дело — все ж таки культурно-историческое наследие! А дороги-то и не указали... Может, оно не со зла, конечно, да тока рано ли, поздно, заплутал казак. Крюком срезать хотел, да, видать, свернул не в ту сторону...

Долго шел, матерился, но как-то вышел себе к закату солнышка на тропиночку мощеную, а впереди, на горе высокой, здоровенный такой замок стрит. Сам весь черный, архитектуры романской, и вороны над ним кружат с мышами летучими вперемешку. Казак, душа добрая, общительная — дай, думает, зайду рюмку чаю выпить, поздороваться. Его ж и не предупредил никто, что в замке том живет гроза Карпат, сам бледный граф Дракула! Да он бы и не поверил, куда сам не налюбовался...

Однако сказка не кот, чтоб ее зазря за хвост тянуть. В общем, постучал казак в ворота резные, дубовые, — отворились двери без скрипа. Шагнул на порог, а там темно да сыро, а из-под ног тока мыши серые так и прыскают. Подивился казак, усы подкрутил, глядь-поглядь, ан в конце коридора-то огонечек светится! Пошел туда, а двери за спиной сами собой закрываются, засовами лязгают, замками звенят, путь к отступлению отрезают напрочь!

Идет себе казак, шаг печатает — козырек с глянцем, походка танцем, портупея скрипучая, щетина колючая: не брит три дня, плохо... так везде ж без коня, пехом! Доходит до большущей залы красоты неопикуемой — люстры горят хрустальные, стены повсеместно картинами изувешаны, посредине стол богатый, закусью разной щедро уставленный, а в уголочке, на табуреточках, — черный гроб стоит!

— Здорово вечеряли, хозяева, — поклонился казак, да тока не ответил ему никто. — А не будете ль в претензии, коли я от щедрот ваших слегка откушаю? Не пропадать же христианской душе под вечер без провианту, уж не объем небось...

Сел он за стол, перекрестился, да тока первую рюмочку водки налил, как гроб черный вздрогнул, явственно. Пожал плечами казак, шашку на колени уложил поудобнее... В те поры слетает крышка гробовая об паркет с жутким грохотом, и встает из красного бархата красавец мертвец типажу вампирского. Высок да строен, костюм ладно скроен, ликом

бледен, недужен и два зуба наружу!

— Я, — говорит, — хозяин сего замка, бессмертный граф Дракула. Но ты меня покуда не бойся, можешь есть-пить вволю, я позднее ужинать буду...

— Благодарствуем, граф. — Казак кивает. — А тока бояться тебя у нас резону нет. Вот она, шашка златоустовская, клейменная — тока пальчиком помани, сама из ножен выпрыгнет!

— Ха-ха-ха! — демонически эдак граф хихикнулся. — Да разве ж мою бессмертность обычным оружием поразишь?:

— Ну попробовать-то можно?

— Изволь...

Подошел к казаку граф Дракула, плащик черный с изнанкой красною распахнул, манишку белую предоставил, а сам глазом хитрым мигает насмешливо — дескать, бей, руби, казачина! А ить казака-то и самого интерес берет: ткнул он графу в пузо тощее — шашка возьми, со спины и выйди. Стоит вампирская морда, хиханьки-хаханьки строит. Казак клинок назад потянул, а на лезвии, вишь, хоть бы капля крови — так, пыль одна...

— А все потому, что кровью чистою я сам пропитаюсь. И за то сила мне дана великая, могу одной рукой хоть пятерых казаков победить! — Взял граф со стола вилку железную да и скатал в ладошках в шарик ровненький. А сам все ухмыляется: — Ешь-пей, гость долгожданный. Как ты закончишь, так и я начну...

Казак с силою спорить не стал — кто ж голым задом гвозди гнет?! Налил с горя, налил еще, а на третьей чарке водка кончилась. Огорчился он:

— Что ж за гостеприимство такое? И полчаса не посидел, а уж выпить нечего?

— Как нечего, — возмущается Дракула. — Вона вино, да коньяк, да пиво — пей, хоть залейся.

— Баловство энто все! — поясняет казак. — Винцо слабое — хоть до утра пей, а ни в голове, ни в... С пива тока в сортир каждый час бегать, коньяки клопами да портянками пахнут, а вот нет ли водочки?

Осерчал вампир румынский, стакан хересу разбавленного хлопнул да и самолично из подвала бутылку литровую принес. Усидел ее казак за разговором, еще требует. Подивился граф, но спорить не стал — с двумя бутылками возвратился. Казак уж повеселее глядит, фуражку набекрень заломил, анекдотами похабными, турецкими хозяина потчует. Час-другой, а и нет водки-то! Граф со стыда сам не свой, по щекам беленым румянец пополз зеленоватый — в третий раз побежал поллитру добывать! Спешит, спотыкается, вишь, до рассвету-то недалеко, а он всю ночь не жрамши. Один херес на пустой желудок, ить развезет же...

А казак знай свое гнет, он, может, последнюю ноченьку гуляет на свете. Так наливай, злодей, — за Русь-матушку, за волю вольную, за честь казацкую! До краев, полней, не жалей, все одно помрем, че ж скупердяйничать?! Истомился граф, колени дрожат, кадык дергается, изо рта слюнки бегут, на манишку капают...

— Не могу больше, — говорит, — сей же час крови чистой хоть глоточек да отведаю!

А казак, после четырех литров беленькой, тоже языком-то натужно водит:

— Н-наливай, не жалко! Угостил т-ты меня на славу, ни в чем не перечил — потому и я тебя, ик, за все отпотчую!

Сам, своею рукой шашку вытянул да по левой ладони и полоснул! Полилась кровь теплая, красная, густая, казачья, прямо в рюмку хрустальную... Как увидел сие вампир Дракула, пулей к столу бросился, рюмочку подхватил да и в рот! Так и замер, сердешный...

Глазеньки выпучил, ротик расхлебывал, из носу острого пар тонкой струйкой в потолок засеменял, а в животе бурчание на весь зал. Потом как прыгнет вверх да как волчком завертится! Сам себя за горло держит, слова вымолвить не может, а тока ровно изжога какая его изнутрих поедом ест, зубьями кусает, вздохнуть не дает. Кой-как дополз до своего гроба черного, крышкой прикрылся и в судорогах биться начал без объяснений...

Помолчал казак, протрезвел, сидит как мышь, свою вину чувствует. Глядь, а за окошком, в щели узкие, уж и рассвет пробивается. Встал он тогда, руку салфеткой перевязал,

к гробу подошел, прощаться начал:

— Уж ты извиняй, светлость графская, ежели не потрафил чем. За хлеб-соль спасибо! А тока что ж тебя, горемычного, так-то перекорежило?

— А не хрен стока пить, скотина! — из-под крышки донеслось истеричным голосом. — Я ить чистую кровь пью, а у тебя, заразы, апосля четырех литров такой коктейль сообразовался — у меня аж все нутро огнем сожгло! На три четверти — водка! Совесть есть, а?!

— И впрямь... нехорошо как-то получилось... — пробормотал казак, поклон поясной отвесил да и пошел себе — благо с рассветом и двери нараспах открылись.

А тока одну бутылку водки с собой втихаря приобмыслил. На всякий случай, вдруг еще какой другой вампир по пути попасться решит. Ну а нет, так хорошей водочкой возвращение в края родимые отметить!

А граф Дракула, говорят, с тех пор тока кефиром и лечится и о казаках вспоминает исключительно матерно. Уж такой он малопрятный злодей, прости его, Господи...

Как казак банницу отвадил

Завелась в одном селе — банница... Сиречь сила нечистая! А может, скорей всего, и чистая, поскольку в бане живет. Но и нечистая все ж тоже, поелику — покою от нее никому нет. Выглядит соблазнительно до крайности, ажно и в словах описывать неудобно, да уж куда денешься... Внешне баба как баба, леток осьмнадцати будет — телом бела, грудью взяла, фигурою ладная, в любви шоколадная, и че кто ни пожелает — уж ТАК исполняет... Грех, одним словом! Срамотища, а подсмотреть хочется... образованию ради!

Ну дак поселилась она в баньке на отшибе, и с той поры начал народ на селе любовными томлениями мучаться, вплоть до полной чахлости. Зайдет ли в баньку мужик — так она, девка отвязная, во всем безотказная, таковое с ним, на нем, под ним, и сбоку, и с прискоком, и в лежку, и как две ложки...

В общем, выползает человек апосля беспутства этого едва живехонек. Кому везло, тот уж на обычных баб и глядеть-то без содрогания не мог. Кому не везло, у того все хозяйство на корню вяло, и спросу с него, как с хвоста селедочного... Ну а тех, кто здоровьем слаб али в годах седых, бывало, наутро — тока в гроб и кладу. Вроде бы приятственной смертью померли, да поп отпевать стесняется — уж как все было, так и застыло...

А ежели девки в ту баню пойдут, то и тут счастья мало — защекочет, замилует банница ласками нежными, тайнами женскими, куда мужику заглянуть ни ума, ни фантазии не хватит. На все про все мастерица — ей что баба, что девица: уложит, причешет да так разутешит — девки потом на парней и не глядят, загодя инвалидами обзывают обидственно. Сплошной для села раздор и нравов порушение!

А ить банницу-то святой водой не выльешь, молитвой не возьмешь, ладаном не выкуришь... Поп с кадилом пошел, да попадья догнала, за бороду назад развернула, «кобелем» охаяла прилюдно! Пропадай народ честной, хоть в баню не ходи, за так чешись...

В ту пору шел вдоль околицы казак. То ли с походу военного, то ли по делу служебному, ну и заглянул под вечер в сельцо: водицы испить, калачей откусать, а повезет, так и ночлегом разжиться. Сам видный да крепкий, кулаки что репки, из-под фуражки чуб, в речах не груб, бровь полумесяцем, на храм Божий крестится — наш человек, стало быть...

Приняли его, отчего ж не принять, ночлега-то, поди, с собой не возят. Накормили, напоили, а он возьми да и заикнись — дескать, неплохо бы и в баньку с дороги. Объяснили ему люди добрые, мол, дорога-то в баню нахожена, да здоровьице не дороже, а? Ну и, знамо дело, рассказали прохожему про свою напасть. Посмурнел казак, разобиделся:

— Это как же вы в своем-то дому нечистой силе баловать позволяете?! Я уж банницу вашу ногойкой отважу! Будет знать, где гулять, где зад заголять, нехорошая... женщина. Ну-ко, ведите меня туда да бутыл с собой самогонную лейте, покрепче да поядренее!

Всем селом казака отговаривали, все боялися — вдруг да и впрямь передумает?! Хоть

невелика надежда, да и она сердце греет — хужей-то все одно некуда... Вот зашел казак в баньку проклятую, истопил ее как следоват, бутылку открыл, весь как есть разделся, на полоч полез. Тока-тока парку подпустил, как вдруг выходит прямо из пара энтова распрекрасная молодлица, одной косою и прикрытая. Зыркнула очами зелеными: сидит на полке казак — усы густые, глаза простые, собой интересный, явно не местный, сам в чем мать родила, но все при делах...

— Ане потрешь ли ты мне спинку, мил человек?

— Отчего ж не потереть, — казак отвечает. — Вот тока веничек помоложе выберу...

А банница к нему уж и задом крутым клонится, истомилась, извздыхалась, извертелася вся. Взял тогда казак самый что ни на есть длинный веник березовый, опрокинул самогон в шайку банную, да к молодлице в нужной позе и пристроился. Уж она-то рада! Думает в пять минут умоваю дурачка, живым не уйдет.

И пошла промеж них такая полюбовность приятственная, что и слов обсказать нет — тока зависть одна. Банница и так, и вот так, и в присядку, и в гопак! И где смело, где умело, что успела — все посмела! Однако ж время идет, а казак-то с усталости не падает... Чем надо, движет, тяжело не дышит, особо не старается, с ритму не сбивается, от дела не косит и пощады не просит! Час, другой да третий — стала уставать чертовка банная...

— Куда пошла?! — казак рывкает, намотал косу ейную на кулак да и за веничек взялся. — От сейчас я тебе спину-то и намою!

Да как зачнет ее веником хлестать, дела грешного не прекращаючи! Взвыла банница дурным голосом, а куды ж теперь денешься?! Крепка рука казацкая — отлетели листики березовые, поприлипли к местам обязательным, а ветви-то знай секут, гнутся, не ломаются, вокруг округлостей обвиваются... Банница уж и орать не может, ей и больно и сладостно, тока дышит с надрывом да мыльной пеной отряхается. А казак в самогоне веник мочит и дерет со всей мочи! Не сдержалась банница, об милости взмолилась...

— Сей же час клянись, нечистая сила, чтоб добрых людей впредь не морочить, Христа Бога уважать, а на землю русскую и носу блудливого не показывать!

Все она ему честь по чести обещалася, тока б волюшку дал, хоть водички студеной глотнуть. А там уж ей до городу Стамбулу прямым курсом пятки салом мазать и не оборачиваясь! Отпустил он ее под утро, благо душа у казака отходчивая.

Люди бают, летела банница красная, ровно яблочко наливное, земли не касаючись, в сторону турецкую, и любовностью и веником по самые уши сытая! Говорят, в гареме султанском неплохо устроилась... То-то турки на нас войной идти передумали, из бань турецких не вылазят, ну да то их дело, жеребьячье...

А казак сельчанам в пояс поклонился да и пошел себе путем-дорогою. Об одном просил: вслух сию историю не рассказывать, вдруг прознает жена — на всю станицу вою будет. А она у него баба видная, грудью солидная, душой веселая — рука тяжелая, да под той рукой веник ой-ей-ей...

Как казак девицу от слепоты излечил

В одном селе жила семья крестьянская. Ни богато, ни бедно, ни румяно, ни бледно, ни валко, ни шатко: коровка да лошадка, курочка да овечка, изба да печка. И люди-то хорошие, а вот постигло их горе великое через дочь любимую. Уж такая была умница-разумница — и личиком сдобная, и фигурой удобная, и хоть всем мила, а себя соблюла...

Вишь, посватался к ней ктой-то из богатых, да, видать, по сердцу не пришелся — отказала девка. Ну а парень разобиделся, дело ясное, так, может, и впрямь ляпнул чего сгоряча, а может, и дружки его недоброго пожелали... Да только утреннего солнышка на восходе девица уж не увидела — как есть ослепла!

Вот уж родителям слез, соседям печали, а ей самой всю жизнь света белого не видеть, об пороги спотыкаться, ложку горячую мимо рта носить... И к лекарям в город ее возили, и к знахаркам обращались, в святой церкви свечи ставили — ничто напасть злосчастную не

берет. Пропадай во цвете лет красна девица!

А только в одну ноченьку снится ей сон, будто бы ангел небесный лба ее крылушком белым касается и враз прозревает она... Видит село родное, поля зеленые, небо синее, всю красоту природную в красках жизненных. И до того энтот сон ей в душу запал, что ни о чем более и слышать не желает — ждет девка ангела-исцелителя! Ну дело-то нехитрое — ангела ждать, да где его взять?

Во ту пору шел дорогою стольною казак. Глаза синие, руки сильные, портупая скрипящая, шашка блестящая, на мордень не страшный, но зверь в рукопашной... Как проходил вдоль села да за заборчик глянул, а там... Сидит краса-девица, коса — хоть удавиться, лицом — Венера, и все по размеру! Обалдел казачина от нарядности такой и полез знакомиться по симпатии:

— Здравствуй, краса-девица!

— Здравствуй, добрый человек.

— А не угостишь ли странничка ковшиком воды колодезной, истомился в пути, иссох весь.

Девица кивает, ковш наливает, на голос шагает да и все как есть проливает! Стоит он — ах! — в мокрых штанах, и дела ему — все к одному — хошь в ругани, хошь в слезах, а суши портки, казак! Тут-то и понял он, что девица бедою горькой обижена, слепотой ущерблена... Взяла его за сердце жалость.

— А и нет ли какого средства, чтоб тебе, краса ненаглядная, зрение возвернуть?

— Отчего же, есть одно...

— Так скажи, поведай какое! Уж я-то не поленюсь, на край света заберусь, а без лекарства не вернусь, вот чем хошь клянусь!

— Клятвы мне не надобны, — девица отвечает скромненько. — А вот тока ежели ангела Божьего приведешь да коснется он крылом белым лба моего, я уж, поди, в энтот миг и прозрею!

Тут и сел казак... Мыслимое ли дело — живого ангела с небес приволочь?! Однако ж слово казачье не мычанье телячье, коли дал, держи — не то срам на всю жизнь!

— Жди, — говорит, — меня через три дня. Раздобуду тебе ангела, не попустит Господь таковой красоте помирать в слепоте!

Ну девка с радости в избу побежала, два раза стукалась, но живой до дверей добралась. А казак в путь-дорогу отправился, ангела искать. Далеко от села ушел, да ничего не нашел. Уж и людей спрашивал, и к попам ходил — не знает никто, где ангела Божьего сыскать.

К исходу срока, в ноченьку последнюю, задремал он во чистом поле, и был ему явлен дивный сон... Будто бы спустился с небес ангел Божий в одеждах сияющих, крылышком эдак у виска повертел, с намеком, да тем же крылышком казаку по лбу постучал. А звук-то долги-ий...

Как вскочит казак! Как пронзит его мысль умная! Как побежит он в то село дальнее, ночь не в ночь, а версты прочь! Добежал к утру, успел, стало быть... А уж девица-то на заре у заборчика стоит, все лицо горит, ждет обещанного, как любая женщина... Так казак, не будь дурак, хватает за шею гуся соседского, клюв ему ладонью зажимает и к красе ненаглядной спешит.

— Вот, — докладывает, — прибыли мы с ангелом! Не отказал Всевышний мольбе казацкой, уж теперича тока изволь лобик свой белый подставить для благословения...

Девка-то и обмерла! Слезы в три ручья пустила, у самой дар речи пропал. Пальчики вперед тянет, а они на перья так и натыкаются. Ахнула она тихим писком, а казак крылом гусиным нежно эдак лба ее выпуклого докоснулся. Гусь аж извивается весь, но крикнуть не смеет сильна рука казацкая...

На тот момент, как почуяла девушка лбом своим пера благословение — в сей же миг в обморок и хлопнулась! Из дому родные набежали, кричат, шумят, соседи за птицей домашнею заявились, ужо, того и гляди, побьют казака. Да отдал он им гуся, не жалко... А тока тут девице в личико водой попрыскали, она глазоньки открыла да и видит все!

Прозрела, стало быть!

— Вот, говорит, — мой избавитель! Он слово сдержал, ангела с собой привел, что меня исцелением осчастливил...

— Ангел, вишь, улетел, — казак с улыбкой старательной отвечает, — а ты, любовь моя распрекрасная, не подаришь ли поцелуем в награду за старание?

... В общем, тут и поженили их. Свадьбу сыграли веселую, да и жили потом молодые душа в душу и вплоть до самой старости вспоминали ангела Божьего. Особенно казак, причем того, что у виска крылышком крутил...

Тока к чему я это? А бывает, и ложь правому делу служит, главное, чтобы сказка хорошо кончалась, так-то...

Как казак сироту от свадьбы избавил

В одной деревеньке жила-была девка. Сирота-сиротинушка, одна тока тетка старая из родни у ней и осталась. Да и девка-то сама собой обычная, душа лиричная, все в меру, небольшого размера, нраву веселого — есть такие в селах...

Вот как-то раз по бабьему лету пошла она раз с подружками в ночь гулять, хороводы водить. Ну, там, пляски, гулянки всякие, частушки народные, парни, через одного, тверезые... Поют да хохочут, разных девок щекочат, с ними же обнимаются, в любви признаются, прячутся по двое — дело-то молодое...

Девка от подружек не отстает, веселится, как умеет, а тока глядь-поглядь, да и начал крутиться вокруг ней парень. Сам высокий да красивый, одет нарядно, пострижен опрятно, в красном да черном — смерть девчонкам! На других-то и не смотрит, а все вокруг сиротинушки вьется — то спляшет перед ней, то песню громче всех запоем, а уж через костер высокий не тока прыгал, а и перешагивал, эдак с расстановочной. Все ему нипочем! Девке-то лестно таковое внимание, краснеет она, за ручку себя подержать позволяет, внимает речам сладким.

— Уж ты скажи, краса милолика, пойдешь ли замуж за меня?

— Ой, ну я подумаю...

— Да ты сразу скажи — жить мне теперича али помереть?

— Ой, ну я не знаю...

— А коли откажешь молодцу, сей же час при тебе полное самоубийство исполню! Вона, об пень башкой, и вся недолга...

— Ой, ну я согласная...

Дали они друг дружке слово верное, прилюдное да и опять всем хороводом в пляс пошли. Подружки все косятся, завидствуют — эдакого барина неместного отхватила, дуреха... А тут незаметно и ночь прошла, небушко розовым окрасилось. Нареченный взбледнел как-то, а с первым криком петушиным — рассыпался черным пеплом по ветру! Тока и донеслось из-под сырой земли:

— Вот уж я за тобой приду, невестушка-а...

Тут тока и поняли все, что был энтó — всамделишный черт! А сирота ажно так в крапиву и села — поняла, кому слово дала, за кого замуж собралась...

... Поутру вой на все село! Виданное ли дело — черт живую девку просватал, а кто сам доброй волей нечистому поручился, тому спасения нет. Поп в церкви и на порог не пустит, и грех не отпустит, да еще поглядит грозно, что ж теперь реветь — поздно...

Ну а покуда она плачет-убивается, у старой тетки в ногах валяется, шел вдоль деревни казак! Из краю ордынского, от шаха хивинского, кудряв головой, собой удалой, при форме, при шашке, в чуть мятой фуражке, идет-шагает, на груди «Егорий» играет! Вроде бы дел у него в той деревеньке и не было, другой бы прошел да не оглянулся — мало ли с чего девка глупая слезами заливается... А этот не стерпел:

— Что ж за печаль-кручина такая у вас приключилась? Али помер кто?

Девке тож выговориться надо, она и рада, цельный час казака грузила, все как есть

изложила... А закончила рассказ — снова в слезы сей же час!

— Ладно, девка, тока не ной. Осень на дворе, а ты сырость разводишь. Пусти-ка меня в избу, посижу-покумекаю, как твоему горю помочь...

Ну сирота да тетка в дом его приглашают, за стол сажают, подают остатки каши да еще щи вчерашние. Казак за все благодарствует, а сам лоб морщит, думу думает. Долго думал, соопределялся, в уме взвешивал, а потом и говорит:

— Надо замуж идти! Коли слово дадено, так бери честь и неси — много дур на Руси... Доставай самое что ни на есть разнарядное платье да платок поцветастее, а соседям накажи и носу через забор не просовывать — не ровен час, цельным кагалом нечистая сила за невестой явится!

Девка, как снулая рыба, сказала «спасибо», и хоть слезы роняет, а, что велено, исполняет. Вот закатилось ясно солнышко, отпели петухи зорьку вечернюю, собирается сирота во последний путь. Не успела платье переменить, как за окошком стук да гром! Едет-скачет цельный кагал свадебный — три телеги разбитые, всякой нечистью набитые: тут и лешие, и овинные, и бесовки рылосвинные, и скелеты с балалайками, и кикиморы, и бабайки... А впереди всех женишок — наиглавнейший черт! Уже ничем и не скрывается, ни под какие личины не рядится — за своим пришел, за обещанным!

Сирота как в оконце глянула, так и в обморок... А казак времени не теряет, надевает поверх формы платье девичье, платком накрывается, сапоги под подолом прячет.

— А и где ж тут моя суженая? — черт кричит.

— А и тута я, родимый, не радуйся, — казак из дверей выходит.

Уж нечисть вой подняла, смех да шутики, им же праздник — душу христианскую извести.

— Один поцелуйчик! — черт разлакомился, да казак его с размаху кулаком в пятак.

— Не смей, — говорит, — до венца и облизыватца!

Еще громче взревели гости, на телегу «невесту» сажают, на кладбище везут, дескать, там и обвенчаесть. Черт нос протер да вновь полюбовности строит:

— Дайте-кося ножки вашей нежной докоснуса...

— Не смей, — казак отвечает и наступает сапогом черту на копытце. — До алтаря и не лапай зазря!

Рогатый ажио взвизгнул от боли невыносимой. Ему уж и женитьба не в радость — какую драчунью выискал, даром что сиротина, а дерется не хуже мужчины... Подъезжают они к старому погосту, меж крестов проходят, а тут холм могильный прямо на их глазах и раскрывается.

— Вот, — черт говорит, — и постеля наша брачная. А у вас, кажись, сзади юбка примялася, ужю поправлю...

— Не смей, — казак рявкает, пнув нечистого промеж ног. — До брака не хватай за всяко!

Бедный черт на коленки брякнулся, слова вымолвить не может, чует — женихалку отбило навзничь! Еще чуть-чуть, и хоть на паперти пой фальцетом... А нечисть уж: с телег повскакала, кругом стоит, в ладоши плещет, зубами скрежещет, всей толпой захотела девичьего тела! Кой-как чертушка встал да и высказался:

— Вот кладбище мертвое — это церковь наша! Упыри да ведьмы — гости с дружками, плита могильная — алтарь! Так скажи при всех, идешь ли за меня, краса-девица?

— Отчего ж не пойти, коли не шутишь.

— Я шучу?! — ажно захохотал нечистый. — Да я тебя хоть в сей же миг готов на руках унести в могилу!!!

— Охти ж мне, — казак притворно вздыхает. — А не хочешь ли послушать сперва, как сердечко девичье стучит?

Подпрыгнул черт от радости, сладострастием заблестел, грешными мыслями оперился да и кинулся к казаку на грудь. А на груди казацкой, под платьем невестиним тоненьким, сам Егорьевский крест... Прямо через ткань белую на пяточке чертячем свое отражение

выжег! Дурным голосом взвыл женишок рогатый... Казак платье сорвал да за шашку:

— Эх, порубаю в колбасу, бесово племя! — да как зачал махать клинком крестообразно, в православной траектории, только нечисть и видели!

Возвернулся он к утру, сам потный, весь день спал с усталости. А уж прощаясь, девке-сироте рубль серебряный оставил, на приданое. Пусть и ей, дурехе невинной, когда-нибудь счастье будет...

Как казак на том свете гостил

Было это во времена далекие, в войну Германскую, пулеметную, окопную да дельтапланную. Не раз и не два ходили казаки наши в атаки конные на заставы немецкие. Много славы добыли, много крови пролили, не себе в честь — России во имя! Немало народу в те поры ко станицам родным не вернулось, облаком белым над хатой отчей проплыло, ветром полынным у околицы ковыль всколыхнуло...

Однако ж не о том сказка будет. Как раз по приказу командному, по велению государеву, по слову атаманскому пошла лава казачья немцу мурло бить, пятки топтать, ухи драть безжалостно. Кони донские высокие, казаки соколами по полю летят с гиками, врага ищут пиками! Ну а германец, ясно дело, супротив нашего завсегда пожиже будет, да техника у их на предмет сурьезнее...

Застучали пулеметики черенные, зажужжали осы свинцовые, вспыхнула трава под копытами пылью красною! Вот и рухнул в тех рядах казак молодой бравый, с конем да чрез голову, упорным лбом об землю брустверную, так что и дух вон! Лава конная дальше покатила, супостату мстительность оказывать, а за героями павшими уж опосля возвращаются...

Ну казак-то лоб почесал, чихнул, глазоньки открыл, а вокруг — мать честная... Небушко синее, газоны зеленые, солнышко ласкательное, да не遠деке ворота золоченые, так сиянием и переливаются. Перед воротами сидит на лавочке сам святой Петр-ключник, книгу обширную через очки почитывает.

— Вот, — говорит, — и помер ты, герой, смертью славной за Бога, царя и отечество! Потому место тебе в Раю определено, заходи, гляди, знакомства заводи. Хошь спи, хошь с арфою гуляй, хошь отдыхай всячески, вечной жизни радуйся!

— Чей-то невдохновительно. — Казак в затылке чешет. — Скука одна, хоть и в Раю, да без службы штаны просиживать...

— Ну будет тебе служба, да вон и за порядком вокруг присматривать. Оно, конечно, и Рай, да мало ли... Души-то порой по одной по кущам шастают, песнопения пропускают, ангелы занятия не находят, без дела облака топчут, вот и займись...

— Благодарствую, — козырнул казачина. — Небось не подведу!

Распахнул святой Петр ворота, пустил новопреставленного да, и на боковую. Долго ли, коротко ли, а, покуда он спал, уж до Всевышнего престолу известия чудные доходить стали. Дескать, гудит Рай! Посмотрел он одним глазком, а там... Гремят песни казачьи, души православные тока строем ходют, носок тянут, шаг печатают, ангелы лозу шашками рубят, джигитовку осваивают, а кто без старания, у того уж и фонарь под глазом радугой небесной переливается... Того гляди войной пойдут на кого ни попадя!

Осерчал Господь, святого Петра за объяснениями потребовал, тот тока плечьми жмет, на казака кивает, с себя ответственность снимает...

— Ах каков смутьян! Гнать его взашей до самого Пекла на перевоспитание!

Един миг — и стоит казак на земле черной, вокруг пламя адово, а перед воротами ржавыми наипервейший Дьявол собственной персоною поганой изгаляется.

— Э, брат, — говорит, — вот и влип ты в смолу горячую по самы булки с лампасами! Вот и отольются тебе над чертячьим племенем все насмешки да оскорбительства. Вишь, сам Господь тебя сюда на исправление затолкнул...

— Коли на то воля Божья, дык нам муки терпеть не в новиночку. Ужо отстрадаем свое,

тока б черти твои не подвели...

Разобиделся Дьявол на таковы слова да и свистнул свою ораву нечистую — нате, мол, тешьтесь! Ввечеру заглянул — что за дела? Сидит казак грозный да красный во котле со смолой-серой кипящей да на чертей же матерно и покрикивает:

— Почему огонь невысок? А ну в три смены жечь! Обещали муки адовы, а сами и ноги толком пропарить не дают... Иззяб весь! Шевелись, рогатые, не доводи до греха, ить за такую леность перекрещу, не помилую!

Черти бедные уж и с копыт сбились, язык на плечо вешают, из последних сил бревнышки катят, на валокордине сидят, заразу энту усатую услаждаючи... Охнул тут Дьявол, к Господу Богу записочку шлет, дескать, сделай милость, забери ты душу казачью, нет с ним моченьки управиться, того гляди, все черти коллективно увольняться начнут. Всему Пеклу раздрай и поругание...

Развел руками Господь, волей небесною казака перед очами своими светлыми ставит:

— Ни в Раю, ни в Аду ты ко двору не пришелся. Куда ж мне определить тебя, детинушку?

А казак глазки опускает скромненько и просит робким полупшепотом:

— Дык на землю-матушку нельзя ли? Ведь и не догулял вроде, и война Германская того гляди без моего участия к концу придет. А как сподоблюсь куда, так уж по вашей Божьей воле в единый миг предстану, не откажусь...

— Еще б ты отказался, — Господь усмехается. — Ладно-ть, иди уж, да смотри у меня...

Ахнуть не успел казак, как стоит он на поле бранном, и держат его под руки товарищи верные, а в небесах синих тока крест православный из облаков розовых тает...

Вот с тех пор и пошло по Руси Божье откровение — настоящему казаку ни в Раю, ни в Пекле места нет, а тока на родимой земле, на лихом коне, с верной шашкою. Любо жить, братцы, и умирать нестрашно, потому как — казачьему роду нема переводу!

ЭВА БЯЛОЛЕНЬСКАЯ **(Перевод с польского Дины Коган)**

ДРАКОН

Говорят, будто седьмой сын в семье предназначен для дел великих и необычайных. То какое-никакое чудовище убьет, а то разбойников разгонит... злого волшебника надует или, наоборот, — его пожизненную благодарность заслужит. А разные там короли, принцы да вельможи такому герою наперегонки предлагают своих дочек в жены, ну разумеется, самых младших и красивейших. И якобы никогда ещё ни один из этих счастливых, под седьмым номером на свет явившихся, не должен был головой своей рисковать ради пригоршни серебра да ломать оную голову над тем, как бы расплатиться за своего чудесного коня, не любовался дырками в подошвах своих башмаков и не покидал на рассвете постоялый двор через окошко, оставляя на память хозяину доску с записью своих долгов, подобную лестнице до неба. Однако ж неприятности происходят иногда и с седьмым сыном, как будто он — самый обычный смертный. Я-то уж об этом всё знаю, потому как до меня матушка шестерых пареньков на свет родила. А я — тот самый, седьмой... Да ещё идиот в придачу.

Потому как только идиот, совершенно лишенный разума, будет биться об заклад, что убьет дракона на поединке. Оно, конечно, я был пьян. Потому как на трезвую голову я бы ничего подобного не выдумал. Такого рода дела надлежит оставить в ведении всякого рода драконоборцев или магов, а обычный наёмник должен знать своё место на этом свете. Целых девятнадцать лет своей жизни я вёл себя вполне примерно (по мере возможности). Рассудителен был, чёрт подери! Благонравен! Даже сметлив! Так, по крайней мере, мне казалось до того, как в трактире «Под весёлым зайцем» я отрезвел настолько, что стал

шарить по своим карманам, дабы понять, сколько же у меня осталось денег. И вот тогда оказалось, что моё имущество несколько увеличилось, прибавился к нему документ, в котором чёрным по белому было написано, что некий Берилян Стаборт — это я — дает слово чести, что дракона, опустошающего окрестности, умертвит или сам в битве голову сложит (что было гораздо более правдоподобно). А ежели слово своё я нарушу и в течение сорока дней не доставлю головы мертвого дракона господину... — тут были изображены какие-то каракули, затем стояло «из Равелн» — ...то долг мой возрастет на сумму... И тут взвыл я, как измученная душа в аду, ибо сумма была так велика, что её не за сорок дней, а и за год мне не собрать. Я не верил своим глазам, но подпись под документом была без сомнения моя. А трактирщик подтвердил, что я на самом деле побился об заклад с господином из Равелн и спор шёл действительно о драконе, но я выглядел вполне трезвым, а потому он, трактирщик, не вмешивался, а только потом следил, чтоб никто мне в карман не влез.

Я чуть не бился головой об стол. Жаль, что почтенный трактирщик не был знаком со мной раньше. Если за кружкой я выгляжу вполне свеженько, это означает, что позади уже все стадии глубочайшего опьянения и не хватает лишь четвертушки, чтобы полностью отключиться. Когда бы я в тот момент преставился, то черви в моей могиле не протрезвели бы и через два месяца.

Я мог бы ещё удрать. Забыть собственное имя, семью и прошлую жизнь. Забыться куда-нибудь в глушь и не подавать признаков жизни. Но тогда уж смело можно было снова побиться об заклад, что пресветлый господин из Равелн явится на пороге жилища моего отца с копией этой паршивой бумаженции и потребует от родителя уплатить мой долг. Правда, не знаю, что он мог бы забрать в нашем доме. Стаборт избил только мышинными норами. А если б я своим братьям признался, какую глупость совершил, они, верно, живьём содрали бы с меня шкуру и натянули её на барабан. Мне стало совершенно ясно, что выход у меня только один: погибнуть глупо, зато с честью.

Для побега из дому у меня было три причины: моя глупая сестричка Увра, вторая моя ещё более глупая и ещё более несносная сестричка Парр-нагет и моя ограниченная мамочка — безнадежная материалистка. Каким чудом мой дед — очаровательный старичок со склонностью к философствованию и высшей математике — умудрился породить мою тупую матушку, видимо, навсегда останется генетической загадкой. К счастью, кое-что я от бабушки всё-таки втихомолку унаследовала. Заявляю об этом без фальшивой скромности. Меня абсолютно не устраивали планы моей родительницы, заключающиеся в том, чтобы как можно скорее подыскать мне пару, которую не оттолкнули бы мои странности... (ага, прям сейчас!), и выдать меня быстренько замуж... (животики надорвешь!), и чтоб я живенько так родила (караул!). А всё ради того, чтоб выбить у меня из головы всякие глупости. Глупости же, среди прочего, проявлялись в том, что я не лизалась без передышки, как Увра, у которой от таких нежностей всё время колтуны в желудке образовывались, и не заигрывала с каждым самцом на острове, как Парр-нагет — пискливая семейная поэтесса, ловко выпекавшая рифмы вроде «кровь — любовь». Зато я лазила по развалинам и откапывала оставшиеся от прадавних жителей следы; пробовала пересчитать все звезды и понять, почему луна превращается в месяц; но самое главное... самое главное, я научилась плавать, и это просто приводило мою матушку в бешенство... «Ни один нормальный дракон НЕ входит в ВОДУ!!!» Ну ладно, я была ненормальная.

Ничего удивительного, что в один прекрасный день я сказала «прощайте» родным берегам и отправилась в сторону континента навстречу приключениям. За свою жизнь я уже насиделась на одном месте, поэтому порхала повсюду. Подглядывала за людьми, которые оказались гораздо интереснее моих прежних соседей. У двуногих полным-полно разных занятий, и они так всё время спешат, что можно с ума сойти. А сколько всего

нового увидишь! И сколько услышишь! Порой я превращалась в какое-нибудь небольшое животное, чтобы подобраться поближе, не привлекая внимания. Наблюдала, что люди делают, учила их язык. С едой тоже не было никаких хлопот: повсюду она бегала целыми стадами — упитанная, вкусная, только выбирай! Почему-то людям страшно не нравилось, когда я кормилась на их землях (а ведь на самом деле я ела так мало!), и они весьма деликатно давали мне понять это. Кидались в меня палками. Чаще всего палки были заостренными, и, если какая-нибудь из них попадала в меня, то было несколько неприятно. Я предпочитала не задерживаться надолго в одном месте, поскольку двуногие становились очень нервными. Ну видно, не нравилось им, что я больше их. Над местностями, заселенными людьми, мне приходилось проделывать невероятные воздушные петли и зигзаги. Летела я туда, куда меня ветер нес, но в общем держалась одного направления — на север. Некоторое время спустя добралась я до гор. Конечно, никогда прежде я гор не видела, но они явно выглядели именно так, как в описании: нечто огромное, серо-зелёное, массивное, слегка изломанное сверху и присыпанное чем-то белым. Белое было неприятно холодным. Двуногие с гор оказались ещё более негостеприимными, чем их сородичи из низин, так что я без всякого сожаления полетела дальше. И правильно сделала, поскольку вскоре нашла весьма подходящее укромное местечко, где и решила задержаться и отдохнуть после долгого пути. На моих новых землях находились довольно приветливые леса, полные дичи. Пригорки, поросшие травой, где так приятно вздремнуть на солнышке. Было даже озеро, где я могла вволю плавать, нырять и ловить рыбу.

Люди там тоже были, но немного, поэтому я не ожидала особых конфликтов. К сожалению, едва я начала обустриваться на новом месте, как они заявили собой целой толпой, да с палками, и старая история повторилась. Только на этот раз я не намерена была отказываться от столь привлекательного уголка. Как они выглядели? Ну что ж... люди как люди. Сами понимаете, их так трудно отличать одного от другого. В общем-то они были как бы слегка посветлее, чем те, с юга, и пахли немного по-другому. Зато палки совершенно такие же, как везде.

Я притворялась спящей, пока они «подкрадывались», топая при этом как стадо коров. Когда они были уже совсем близко, я кааак вскинусь! Как зарычу во всё горло! Потом я просто каталась от смеха по пригорку, ведь герои все удирали так быстро, что даже их собственные тени за ними не поспевали. Даже палочки свои растеряли второпях. Раз-два они так пробовали подобраться, а я развлекалась вволю.

Потом люди стали появляться по одному или маленькими группами. И это была уже совсем другая разновидность, потому как и пахли они по-другому, и больше блестели. Точь-в-точь навозные жуки, усевшиеся враскоряку на лошадь. С этими новыми мне было ещё веселее, потому как они уже не удирали сразу и развлекались мы подольше; а если удавалось схватить кого-нибудь, то они так приятно гремели, если потрясти. Одного я хотела оставить себе на потом. Посадила его на вершину дерева, но этот озорник всё-таки умудрился удрать. На следующий день я нашла только доспехи. Как куколка, в бабочку превратился, что ли?...

К сожалению, один из потрепанных сумел всё-таки вывернуться и уколол меня каким-то ишпом прямо в глаз! Ой... вы даже не представляете, как это больно! Сама не знаю — от неожиданности или со злости — я покрепче стиснула зубы, и он перестал шевелиться. Как-то неловко мне потом было. На этом нечаянно перекушенном развлечения закончились. Больше никто ко мне не приходил... Мне стало скучно, и я уже подумывала о перемене мест, но тут появился ОН.

Пришлось мне пойти к мастеру и заказать себе копьё — ничего лучше я не придумал, и с этим куском дерева отправился на свой последний в жизни бой. Чудовище оказалось величиной с дом (по крайней мере, мне так показалось), с уродливой пастью, полной острых, как ножи, зубов, и кроваво-красными глазищами.

«Боже... ну... это... сам знаешь, в чём дело», — почему-то я не сумел тогда придумать

лучшей молитвы.

Коня моего не готовили для боя с драконами, поэтому я заранее прикрыл ему глаза, чтоб не понёс при виде чудовища. Животина доверяла мне (хотя я сам в себя не верил) и позволяла управлять собой даже вслепую. И вот помчались мы галопом прямо на то драконище. Я был абсолютно уверен, что пришли мои последние мгновения на этом прекрасном свете. Каштан несся вперёд, я опустил копьё... и тут дракон отступил в сторону. Вот ей-богу, этот скот подвинулся! Каштан, старательно гремя копытами, проскакал прямо под крылышком чудовища и с разгону пролетел ещё довольно приличное расстояние, пока мне удалось его остановить. Дракон, повернув голову на длинной шее, посмотрел нам вслед, и мне показалось, что он слегка удивлен. Когда-то у меня был пёс, так у него на морде точно такое выражение появлялось, когда пойманная муха вылетала у него из пасти.

Ещё три раза я пробовал этот приёмчик с копьём, и каждый раз этот чёртов дракон проделывал одно и то же: отодвигался. А в третий раз просто перескочил над моей головой! Не успел я даже оглянуться, как он схватил меня, сорвал с седла и начал тормозить, будто пёс старую тряпку. Я грохотал точно целый склад металлолома. Гремели все мои застёжки, кольчуга, зубы...

Мне казалось, что ещё чуть-чуть — и я просто рассыплюсь на тысячу блестящих осколков. А длилось это всё едва ли не целый час. Наконец дракон выплюнул меня на траву, слегка потормозил лапой, понюхал, громко сопя — точно кузнечные меха над ухом. Я был совершенно растрепан, обслюнявлен и вообще едва дышал. В голове шумело. А когда я немного пришёл в себя, то успел заметить только кончик драконьего хвоста, исчезающий в кустах. Неподалеку растерявшийся Каштан вскидывал голову, фыркал и беспокойно перебирал ногами. Он тоже не пострадал. Может, дракон был сыт, или наш запах ему пришёлся не по вкусу, или привиделось ему что-то — во всяком случае, мы выжили. Произошло настоящее чудо!

Я уже говорил, что считаю себя жалким остолопом. Будь у меня хоть капля разума, я бы тут же дал деру оттуда, а потом два дня пролежал бы ничком в ближайшем храме, благодаря богов за спасение. Но только не я. Я же — горький болван — остался.

Поселился в заброшенном пастушьем шалаше, браконьерствовал понемногу в ближайшем лесу и ждал очередного чуда.

А дракоша оказался попросту бессовестный. Прилетит, бывало, на соседний пригорок, рассядется и пялится на меня. Ну и я тоже усаживался перед своей-хижиной и мрачно его разглядывал, бормоча под нос проклятия. Оказалось, что он больше всего похож на большого крылатого пса. Вроде борзой, только лапы покороче да шея подлиннее. И весь покрыт серой шерстью. Любопытно, я всегда думал, что у драконов чешуя и они напоминают ящериц, а тут — нате вам: расселся на соседней горке какой-то чёртов пустобрех и тарашит на меня свои красные зенки. Я бы даже посмеялся над этим от души, когда б не мой несчастный долг, который висел на мне, будто камень на шее.

Пастух, который жил в шалаше до меня, видно, удирал отсюда в великой спешке, потому как осталось после него множество всякого барахла. Среди прочего были и горшочки с какими-то мазями — наверное, для лечения скота. Воняло от них невыносимо, но я не стал их выкидывать, поскольку вонь отпугивала мух и комаров. И это навело меня на одну мысль...

Попалась мне на лугу одна овечка... С первого взгляда показалась она довольно подозрительной. Похоже, животное сдохло, причём довольно давно. А никто не сможет меня убедить, что дохлые овцы самостоятельно бродят по лугам. Несло от неё ядовитыми травами, а если приглядеться повнимательнее, то сразу заметишь вместо ног деревянные колышки. Ясное дело, я должна была попасться на приманку и съесть её, а потом, естественно, мучиться от расстройства желудка. Легко догадаться, кто устроил эту овечью мистификацию. Он, как обычно, топтался неподалеку от своего логова, а мысли его переполняла такая депрессия, что от одного контакта на самоубийство тянуло. Даже

жаль его стало! Тем не менее начинал он как-то глуповато. Неужели он мог подумать, что я это съем? Разве я похожа на идиотку?!

Похоже, двуногий решительно намерен меня убить. Только подумайте: видит в первый раз в жизни — и сразу только убийство на уме. Любопытная разновидность психики.

Не сожрал он чучело овцы. Не такой уж дурак, видно. Собственно, не больно-то я и надеялся, что он отравится. Но хоть бы чуток ему поплохело, а? Через щёлочку в стене своей хибары я издали подсматривал, как дракон размышлял над отравленной приманкой. Покачивал всё своей головёнкой да покачивал... наконец схватил отраву в пасть и поднялся в воздух. Я уж было обрадовался, что он сожрёт её где-нибудь в укромном уголке, и тут вдруг что-то с кошмарным грохотом врезалось в крышу, и мне на голову посыпались иголки и кора. Я осторожно выглянул наружу... Шагах в двадцати от меня стоял дракон. При виде меня он пренебрежительно фыркнул, потоптался и поскрёб землю задними лапами. И так страшно похож он был в этот момент на обычную дворнягу, что я не выдержал и прикрикнул на него: — На место, Шарик! Пошёл прочь! Паршивый пес!

Кажется, он слегка опешил. Но я всё равно не почувствовал даже легкого удовлетворения. Чучело овцы лежало на крыше хижины. Дракон, видно, прямо на лету скинул туда моё изделие. Точный прицел! Эта скотина ещё и издевается! А вот если тебя стрелами напиговать, тогда как запоёшь?

В общем-то я была весьма рада, что он тут поселился. Не слишком сообразителен, но, по крайней мере, я не чувствовала себя одиноко. Наблюдения за ним прекрасно помогали разогнать скуку. Понимаете, когда я решила завладеть этой местностью, в моей жизни наступил период застоя. Другими словами, я заскучала. И как тут не поверить, что на одном месте сидеть — здоровью вредить? А теперь у меня, во всяком случае, появилось хоть какое-то занятие. Едва проснувшись, я причёсывалась (признаюсь, что хоть и немного, совсем чуть-чуть, но тщеславие мне всё-таки присуще); если чувствовала голод, то ловила себе какой-нибудь скромненький завтрак, а потом приступала к наблюдению за человеческим самцом. Его нервозность возрастала обратно пропорционально разделявшему нас расстоянию, поэтому я старалась держаться подальше. Если мне случалось подойти слишком близко, он тут же хватался за оружие, которое люди называют самострелом. Пару раз он даже попал в меня, и, пока мне не удалось регенерировать раны, они довольно чувствительно болели. Может, я бы и съела его, если б он не был таким занимательным существом. Я обнаружила, что между нами даже есть некоторое сходство. Он, например, тоже умеет плавать.

Однажды я их обоих обнаружила на берегу озера. Гнедой конь общипывал прибрежные кусты. Я приближалась с подветренной стороны, поэтому животное не могло меня учуять, да я и так очень слабо пахну. А человек сидел на стволе дерева, низко склонившегося над водой, а в лапах держал палку. С конца палки свисал шнурок. Я просто лопнуть готова была от любопытства: что же он там напридумывал с этой палкой и шнурком? Я уж было пасть открыла, чтоб прямо спросить (незатейливо так, для затравки): «Что это ты делаешь?»; а тут он возьми и взмахни этой самой палкой как-то вверх, а на конце шнурка — гляди-ка! — болталась рыбка! Ну дает! Настоящая рыба! Откуда ж он её взял? То есть ясно, конечно: из озера. Только зачем он её к шнурку прицепил, вместо того чтоб сразу съесть? А тем временем мой объект наблюдения отцепил рыбу, оглушил её ударом о дерево и за жабры наколот на торчащий сучок, чтоб не удрала. Прodelав всё это, он повозился со шнурком и снова закинул его в воду. Я потихоньку присела в кустах, хвост вокруг лап закрутила, чтоб удобнее было, шею вытянула — и смотрю, что дальше будет. Немного времени прошло, а человек мой снова: раз палкой вверх — и снова рыбка на конце болтается! С трудом верится, только он так охотился. Без особых усилий и затрат энергии. До чего жемышлён, лапочка! Я была так горда, словно сама придумала палку со шнурком.

Когда же он вытянул третью рыбу, я потихоньку подошла к нему сзади и ласково потерлась о него носом. Человек в ответ рассмеялся странным, столь характерным для людей смехом.

— Каштан, не дури, — сказал он.

А когда оглянулся, то, разумеется, никакого коня не увидел. При виде же меня человек заорал так, что я сама испугалась, да ещё приложил мне рыбой прямо в глаз. А потом слетел с древа прямо в воду и нырнул. Долго-то он под водой не выдержал и вынырнул между стелившимися по воде ветками. Только глаза его и нос выступали над водой, но я прекрасно чувствовала, что он обо мне думает. И ничего приятного в этом не было. Что за грубиян! Пришлось отказаться от надежды с ним познакомиться.

Какое уж там знакомство с особой, употребляющей такие слова да ещё кидающей в гостей рыбами. А кроме того, я, к сожалению, с опозданием осознала, как сама выгляжу. Незадолго перед нашей встречей я купалась, поэтому была совершенно мокрой. Трудно произвести хорошее впечатление, если походишь на спутанный клубок водорослей на четырех лапах. В одном моя мама была права: мокрый дракон выглядит совершенно безнадежно. Даже мокрый кот намного более привлекателен, чем мокрый дракон. Вот я и побрела восвояси — пристыженная и растерянная. Видно, не суждена мне тут бурная светская жизнь.

Я просто не знала, как подобраться к этому человеку, чтоб он всяких глупостей со страху не наделал. Следовательно, надо устранить причину страха. Причиной же этой был дракон. Довольно странный получался логический узел, потому как выходило, что мне надо устранить саму себя. Оставалось одно. Я решила превратиться в то, чего человек не боится. Я раздумывала над формой какого-нибудь негрозного мелкого зверька, но вовремя представила себе, как этот несчастный отреагирует на болтающего по-людски енота. Но, как назло, у меня не было ни одного человеческого образца.

Оставалось только отыскать другого двунога. Однако это было совсем не просто, так как все они далеко обходили мой уголок. Только после двух дней старательных поисков удалось мне отыскать подходящий экземпляр. Самочка выглядела молодой, не имела никаких видимых повреждений и, по людским меркам, верно, была довольно привлекательной. (По-моему, так она попросту была не слишком безобразна, но это уже неважная деталь.) При виде меня она затряслась и грохнулась в обморок. Я совершенно не собиралась причинять ей вред. Мне бы только немного волос, чтобы считать код ДНК. Ходить на двух лапах — трудное искусство, но научиться можно. А вот раздобыть одежду гораздо проще, чем её на себя натянуть. Пока мне удалось приспособить на себе все эти тряпки, я от злости чуть землю не начала грызть. Но в конце концов мне удалось преодолеть все эти сложности, и я была готова.

Жара стояла такая, будто повеяло из ворот самого пекла. На песке невозможно было даже стоять босиком, а на раскалённых камнях можно было поджаривать солонину. Самое жаркое лето в моей жизни. Я укрылся в кустах над водой и дремал, совершенно измученный кошмарным зноем.

Очнулся я, почувствовав, что на меня кто-то смотрит. В трех шагах от меня присела на корточки девушка. Руки и ноги она поджала под себя и сгорбилась, точно барсук. И вылупила на меня огромные, точно мельничные колеса, и по-рыбьи неподвижные глазища (они были столь дико голубые, что казались неправдоподобными). Даже мурашки по коже побежали от такого взгляда. Поначалу мне показалось, что я ещё сплю. И я протер глаза. Девушка не исчезала. Я таращился на неё, не очень понимая, что делать. Откуда она тут взялась? Но прежде чем я успел раскрыть рот, она заговорила:

— Как тебя зовут?

Вот так, запросто, будто сидим мы себе в корчме за столом, а не у самой драконьей норы. Аж злость меня взяла. Да вы сами подумайте: является тут неизвестно откуда, точно с неба сваливается, о себе ни словечка, а сразу следствие начинается, точно стражник на

границе.

— Эрил, — буркнул я. Я не стал говорить «Берилан». Просто не выношу это имя, вечно оно мне про баранов напоминает. А может, и правильно... — А тебе-то что за дело, девица?

— Очень даже есть дело! — выпалила она. — Расселся тут на моей земле.

Я оглядел её ещё раз. На дочку местного лорда не похожа — стоит только посмотреть на её тряпки, но и на деревенскую девку тоже не очень. Деревенские девахи рыцарям не грубят. Они крепки, как репки, и румяны, как яблочки. Не говоря уже о том, что глаза их не отражают свет как серебряные бляшки. Нутром чувствовал я, что с девицей этой что-то не так. Бледная будто привидение, точно никогда на солнце не показывалась. Выглядела она... даже трудно подыскать подходящее слово... Понимаете, даже у ребёнка бывают какие-то несовершенства — родинка там, шрам от ранки, содранная у ногтей кожица. А эта деваха выглядела так, будто её только что из коробки достали. Видать, я с какой-то чёртовой русалкой разговорился... Пока-то она держалась в отдалении, может, потому что на мне железо было, ну а дальше-то что?

— Ты пришёл, чтоб дракона убить, — строго сказала она.

— Да что там скрывать, — признался я, украдкой ощупывая рукоять кинжала. О-хо-хо-шеньки, девчушка-то уже немало знает. Явно подглядывала за мной уже давно.

— Только время тратишь зря.

— А уж это моё время и моё дело, — возразил я. — А тебе этот дракон не мешает?

— Нет.

И правда, почему он должен ей мешать? Люди убрались отсюда подальше из-за этого чудовища, вот весь «тёмный народец» и вылез, точно червяки из-под камня. Не удивлюсь, если завтра придёт меня проведать гномик в остроконечной шапчонке или леший с лягушачьими ногами.

— Мне нужна драконья голова, и без неё я отсюда не уйду, — решительно заявил я. — А если кто мне мешать попробует, то его же в первую очередь на кол и надену! Так и передай своим. Я эту скотину сдобуду, нравится это кому или нет!

Она поглядела на меня так, будто я сказал, что хочу ради развлечения себе голову отрубить. Честно говоря, разница-то была невелика.

— А вот интересно, какой такой гениальный способ ты выдумашь? Потому как заострённая палка да фаршированная ядовитыми грибами овца не очень-то тебе помогли, — съязвила она, подхватила и пошла себе прочь.

Самое время, а то мне уже очень не по себе стало. И всё казалось, что всюду вокруг прячутся какие-то чудовища.

На всякий случай перед закатом я рассыпал вокруг шалаша шелуху дикого хмеля, а у самого входа понатыкал в землю железные гвоздики. Русалки, кажется, человеческую кровь не пьют, но ведь кто знает, что тут ещё в округе шастает? За Каштана я не беспокоился, поскольку у него были стальные подковы. И правда, ночью всё было спокойно до самого рассвета, когда мне понадобилось выйти по малой нужде, и я — со сна — босиком прошёлся прямо по гвоздям, что мгновенно меня разбудило и до конца привело в себя. Вот и вся история про ловушки для русалок.

Он оказался сообразительнее, чем я думала. Драконши во мне не распознал, но мгновенно почувствовал, что я не человек. Что ж, нельзя получить всё сразу.

Следует признать, что он ещё сильнее меня заинтересовал. Хотя я больше узнала из его мыслей, чем из слов. Разумеется, он хотел убить меня, но как-то без особой уверенности. Если б нашёлся другой выход, он с радостью тут же убрался бы с моей земли. А вместо этого сидел тут сиднем и вынашивал всякие абсолютно нереальные замыслы убийства.

На следующий день я встретила его на тропинке, которую сама себе протоптала к озеру. Он старательно мастерил что-то из кольев, устроившись на дереве между ветвей.

— Опять явилась? — невежливо буркнул он, но мысленно даже обрадовался, что

может с кем-то поговорить. Ему тоже надоело одиночество.

— А повежливей нельзя? — спросила я, поднимая голову. Пусть не думает, что со мной можно себе позволить всё.

— Ладно. Есть у тебя имя?

— Оура.

— Довольно странное имя.

— Оно значит попросту «Третья». Когда родилась третья дочь, у моей матери иссякла фантазия, — пояснила я.

— А нас вот семеро, и моей матушке как-то хватило воображения, — ответил он сразу, а потом уж беседа пошла сама собой.

И я узнала очень много про Эрila. У него было целых шесть братьев — кошмарно трудно выкормить такую стаю молодых. Его родители подали просто исключительный пример легкомыслия. Вся семья вынуждена была тесниться на ограниченной территории, поэтому, когда щенки... то есть мальчишки, подросли, им пришлось охотиться на чужих землях. Понятно, трудно вот так бродить по свету, не имея своего угла. А Эрил ещё должен был заплатить выкуп какому-то важному самцу (если я правильно его поняла), а тот потребовал всего ничего: только мою голову! Отрезанную от туловища, ясное дело. Вот проходимец. Надо сказать, у меня на душе полегчало, когда я узнала, что Эрил охотится на меня не по своему желанию.

Конечно, мне было интересно, для чего служит то странное «нечто», которое он мастерил. И он охотно мне разъяснил, очень гордясь своей ловкостью. Оказывается, это должна была быть ловушка для дракона. Механика простая: на земле некто задевает за натянутый шнурок, рывок срывает сверху запор, и вниз летят два кола с заостренными наконечниками да ещё в придачу утяжелённые камнями, чтоб получше разогнаться. Так, на глаз, они попали бы мне точнёхонько в лёгкие, а если б не повезло — то и прямо в сердце. С дырой в лёгких ещё можно выжить. С дырой в сердце тоже. При условии, конечно, если мой дорогуша не притаился поблизости с мечом в руках, чтоб отрубить мне голову, пока я не успела прийти в себя после первого удара. Мне и самой было интересно, будет ли действовать ловушка, но не до такой степени, чтобы испробовать её на себе...

Я караулил у ловушки два дня и две ночи подряд, отходил только чтоб быстренько перекусить и проверить, жив ли ещё Каштан, волки не съели? Но дракону, видно, я наскучил. То по три раза в день над головой пролетал, пялился, будто я диво какое, а вот теперь он редко показывался, да и то издалека. Но я решил набраться терпения. Решимость затвердела во мне точно мокрая соль. Оура приходила время от времени, чтобы составить мне компанию. Она оказалась даже очень миленькой, только вот болтала всё время о таких небылицах, что уши в трубочку сворачивались от самих её слов. Зато я столько всего узнал про драконов, эльфов и полуденные страны.

Выяснилось, что Оура вовсе не здешняя. Она была из ленгорханьских эльфов, а может, даже заленгорханьских, судя по тому, что рассказывала мне про сирен, про волосатый морской народец и порхающих ящериц. Она же в свою очередь расспрашивала меня о людях. А больше всего её интересовали деньги — у неё просто в голове не помещалось, как можно желать нечто столь негодящее. В первый раз в жизни в голову мне пришла мысль, что, пожалуй, Оура права. Само по себе золото совершенно ни на что не пригодно. Слишком мягкое, чтоб из него делать какие-то орудия, слишком твердое, чтоб на нём спать. Для еды тоже не подходит, чем его больше, тем тяжелее, а владелец всё сильнее боится, что его украдут. Собственно, не само золото люди жаждут иметь, а то, что за него можно приобрести. Ну и поумнел же я! Вот если б ещё скупой господин Каракуля из Равелн тоже последовал моему примеру! Но на это рассчитывать не приходилось.

Надо было что-то придумать, а то, похоже, Эрил приготовился всю оставшуюся жизнь просидеть у ловушки. Но ведь не могла же я по доброте душевной дать себя убить!

Местный дракон безусловно должен был исчезнуть, чтобы Эрил мог вернуться домой. Но я не смогла отказать себе в последней шутке. Когда он однажды поутру пришёл проверить свою ловушку, оба кола лежали на земле. На одном торчал убитый заяц, на другом — рыба. Эрил долго разглядывал их, только дышал тяжело, а потом схватил несчастную рыбину, бросил её на землю и начал топтать с диким бешенством. И при этом так выразительно ругался, что я даже почувствовала мимолетное восхищение. Ни разу не повторился!

Не обошлось и без обвинений. Я должна была поклясться собственной жизнью, судьбой и совестью, что не предупредила дракона о засаде. (Я могла присягать с чистой совестью, ведь это же он сам предупредил дракона, собственной персоной.)

— Просто драконы гораздо умнее, чем тебе казалось, — невинно бросила я.

Эрил разрубил на куски ловушку, а потом мы с ним съели несчастного зайца. После термической обработки мясо приобретает несколько странноватый привкус, но, уверяю вас, оно вполне съедобно.

А потом Эрил вдруг ни с того ни с сего мрачно заявил, что теперь отправится искать дракона и потребует, чтобы тот его съел, потому как жизнь ему уже не в радость. Ну нет, малый, видно, совсем свихнулся!

— У тебя с головой что-то явно не в порядке. Чего ради ты так упёрся с этим драконом? — с раздражением спросила я. — А нельзя его заменить чем-то? Ну там кабаном, оленем, зом-баком или ламией, к примеру?!

— Не я уперся, а тот болван из Равелн! И, разумеется, можно и заменить! Мешком золота! Однако ж из этих двух вещей дракона раздобыть всё-таки полечше! — завопил в ответ Эрил. — Жаль, что ему не нужна была ещё и языкатая эльфка, а то бы охотно отдал ему тебя!

Ладно, пусть я буду для него эльфом. Видно, эльфа ему легче переварить. А когда он сказал о мешке золота, у меня в голове вдруг что-то щёлкнуло, и я поняла, что надо делать.

— Золото? — медленно произнесла я. — Почему бы и нет? Я знаю, где взять золото.

— Я не намерен грабить на проезжей дороге, — быстро предупредил он. — И не пробуй всучить мне эльфье золото, я знаю, что оно пропадает.

— А что скажешь о некоем малосимпатичном старикане, который живёт один в глуши и собирает золото и драгоценные камни? У него этого добра полным полно.

— Что за человек?

— Разве я говорила, что он человек? Ты хотел либо золото, либо дракона. А можешь получить и то, и другое сразу. Что скажешь?

Вот так и сидела она себе, поблескивая огромными голубыми глазищами, и невинно предлагала мне ни много ни мало грабительский поход за драконьей сокровищницей. Здравый рассудок вполне естественно сопротивлялся. С другой стороны, у меня вдруг появились новые возможности. Может, тот дракон окажется поглупее и позволит заманить себя в засаду и убить, а если и вправду он спит на сокровищах, так вдруг удастся что-нибудь украсть? До конца отпущенного мне срока оставалось ещё двадцать пять дней. Как раз хватит времени, чтоб сдобыть славу или позволить себя почётно сожрать.

СОБИРАТЕЛЬ

И вот я снова отправился куда-то на край света, где проще встретить оборотня, чем человека, да и пива там наверняка не достать. Очередной дракон! И за что меня так судьба преследует? А Оура устроилась в седле за моей спиной и всё время бормочет мне что-то на ухо про тамошнее чудовище и его собрание. Скорей уж про его питание. На первое пойдет конь, на второе рыцарь. А может, и наоборот. Оура утверждает, что этот собиратель драгоценностей обитает в какой-то яме неподалеку от Медянки. Я по пути расспрашивал про него во всех встречных деревнях, но как-то немного о нём было известно. Крестьяне только руками разводили и отсылали нас от двора до двора. Ничего достоверного я так и не узнал;

какой толк, что дядя дедушки сводной сестры слышал от бродячего торговца, будто «тама, далече, монстра народилась»? Сомнения всё сильнее одолевали меня.

— Почему ты так уверена, что дракон сидит именно на Медянке? — спросил я Оуру.

— Год назад ещё был, — она мне на то.

— Год! Да он с тех пор мог уже четыре раза сдохнуть!

— Тебе же ещё лучше, разве нет?

Оно, может, и лучше, только зачем мне дохлый дракон? Каракулю не обманешь старой костью, расклеванной вороньем. Лучше всего было бы, если б чудовище сдохло от старости прям перед нашим появлением. Обеим сторонам это сберегло бы силы.

Эрил всё время только о драконе и думал, волновался, найдем ли мы его, существуют ли на самом деле сокровища и не выдумала ли я всю эту историю. И вообще, откуда мне известно про это «чудовище». (Любопытно, а самому Эрилу понравилось бы, если б кто-то назвал чудовищем его родственника?) Разумеется, мне пришлось врать. Дело в том, что старикан долгое время был моим соседом. С годами он становился всё более недружелюбным. Может, от старости в уме помешался, а может, и от природы был такой зловредный. Вместо того чтоб посвящать себя столь разумным занятиям, как сон, еда, математика и составление каламбуров, он по примеру людей стал собирать разный блестящий мусор. И уверен был, что все вокруг только и мечтают покуситься на его жизнь и бессмысленное собрание сверкающей мишуры. Он давным-давно покинул наш остров, к великой радости всех обитателей, потому как никто уже не в состоянии был выдержать этого ненормального старика. Прошлой весной я совершенно случайно на него наткнулась. Гора мусора в его норе увеличилась до гигантских размеров, а сам он уже окончательно спятил. И вот теперь я намерена была слегка уменьшить собрание старого безумца. Ясно дело, в мои планы не входило убийство его. Вся трудность заключалась в том, чтоб взбешённый старикашка не прибил Эрила.

Совсем уже близко от Медянки в какой-то страшно глухой деревушке мы в конце концов встретили человека, который этого дракона вроде бы собственными глазами видел. Матушка всегда мне твердила, что надо уважать старших, но этого деда мне хотелось просто придушить. Началось всё совершенно невинно. Старичок был маленький, худенький, вокруг лысины торчали клочки седых волос, он слегка походил на гнома, которого молния ударила прямо в макушку. Сидел перед хижинкой на брёвнышке, зажав свою палку между коленей, и рассматривал окружающую действительность. То есть копошащихся в пыли кур, сорняки у сарая и ленивого пса, заснувшего на пороге. При виде нас дед бдительно поморгал выцветшими глазками и нехотя прохрипел:

— Чавой?

— Вы о драконе знаете что-нибудь? — спросил я.

— Нема.

— Знаю, что нет его, — терпеливо ответил я. — Но ведь он был в деревне.

— В деревне раки хороши. Только нема их, — упорствовал старик.

Я понял, что старик глуховат, поэтому повторил погромче:

— Дракон!

— Так вить баю, нема их! В Валтофе справьтесь! — злобно завопил старичок.

— Да я про дракона спрашиваю! — орал я.

— Нема у мене! Сами себе нахапайте!

— Монстр был тут?! — У меня уж горло чуть не лопалось. Оура просто каталась от смеха, а я чувствовал себя всё более по-дурачки.

— Так вам чаво надоть-то, раков аль моркови? — спросил дедун, с раздражением стуча палкой о землю.

Вот уж и впрямь... терпение надо было иметь железное, чтоб с этим дедком разговаривать.

Тыкал он своей жердиной всё усерднее, будто твердо вознамерился подавить всех муравьев под бревном. И посматривал на нас с растущим недоверием. А между тем за плетнём уже собирались любопытные.

— Дракоооон!!!! — завыл я деду прямо в ухо.

— Штоб тебе самаво конь приложил! — окончательно разозлился дед. Поднялся и заковылял в дом. — Ходють тут всякие, тильки голову морочат!..

Может, я бы и придушил дедка, если б какой-то человек не сжалился над нами, наверное, внук старика. Он развернул деда от порога и рыкнул ему в ухо, будто раненый бугай:

— Дедунь, змий!!! Они про змия пытаются!!!

Старик снова мрачно глянул на нас. Покусал губу единственным оставшимся на нижней челюсти зубом, откашлялся и сплюнул на землю.

— Жмий? А я-та скумекал, што их йак бы блохи покусали. Молодые та глупые, та гуторить йак чоловики не могут... — ворчал он. — У тебя, вишь, поболе в голове исть, Миру.

Он снова уселся на бревно, точно на трон, и заговорил так торжественно, будто сагу сказывал. И видно было, что старикан рад-радёшенек, что слушателей заполучил.

— Тому уж десятка три зим будет да ещё две зимы. Мы о ту пору во Блоках был ишь. Ну там, Гурцасы, Бедлоки, Вольняши, Липнеки, Брусы... тильки те Брусы, что от реки, а не нашенские...

Хочешь не хочешь, надо было выслушать, сколько семей насчитывалось в деревеньке Блоки много лет назад, но я держал язык за зубами, потому как стоило мне прервать эту литанию, и дед наверняка разозлился бы, и пришлось бы мне убираться несолоно хлебавши.

— Я-то у полно бымши о тей поре. А тут глядь: от реки летить малый Брусов, ево ещё Мулком кликали. Летить, а сам воплить, как бы евойную шкуру с ево дерут. Ну я ево за чуб — цоп, а вон пуще воплит: «Жмий! Жмий!» Ну то я баю: «Мулоч, чий ты тронувся умом?» А вон тильки «жмий» — и усё. Ну я ево пустил, а сам — к реке. А не близко-та было. Ажно мне дыхалку спёрло. Ну однако жмия своим оком зобачил.

Тут я уже стал внимательнее слушать, наконец-то началось нечто интересное.

— Аграмееенный был, йак, к примеру, амбара...

— Ни... йак два амбары! — оживлённо отозвался другой дедок, на глаз — помоложе, потому как волос у него оставалось побольше, да и зубов тоже.

— Да чо ты-та, ишь! — разозлился первый дед и погрозил младшему палкой. — Йак амбара аграменный! А кудлы у нево до земли болталися. Распушил леталки-та свои и падлину жрал, потому овцу у Гурцаса порвал.

— Овцу-та Гурцасову? А не Брусову? — снова вмешался менее щербатый дед.

— Гурцаса, потому Бруса-та разом с Гурцасовыми паслися!

— Заааараз!.. Коли Гурцасы с Брусами за те яблоньки цапалися, то йак бы могли разом овец пасти?! — возразил второй.

В ответ рассказчик уж совсем из себя вышел и врезал второму дедку палкой в темечко. Дедок в долгу не остался, поскольку и сам был подобно вооружен. В мгновение ока во дворе закипела драка. Пыль столбом стояла над дерущимися. Ведь каждый из противников имел своих сторонников, которые радостно кинулись в бой. Похоже было, что нам тут больше ничего узнать не удастся.

Мы с Оурой отступили под плетень. К моему удивлению, к нам присоединился Миру. Он с удовольствием наблюдал за дракой, сложив руки на груди.

— Дедунь-то у нас ещё о-го-го... — с фамильной гордостью произнёс он. — Ежли жердиной приложит, то и дух вон...

— А что было дальше с тем драконом? — тут же поинтересовался я, воспользовавшись тем, что внук болтуна в хорошем расположении духа. Дед его, несмотря на преклонный возраст, явно брал верх, орудуя дубиной своей с прямо-таки одержимой яростью.

— Дак змий деда углядел, как он там над водой стоял... верно, хотел ему башку

откусить или ещё что... ну а дед наутек. Бух в воду — и на дно. Змий ево и не ухватил. Вон порхал над водой, порхал... тилько в воду залазить за дедом забоявси. Ничо яму и не исделал. Тилько ещё одново овцу порезал. Ну потом-та уж мы с Блок ушли, потому змий хлопа у поле забил, а усе жалеза и лемеха покрадл, такой скот...

— Это уже было что-то новенькое.

— Плуг украл?...

Миру пожал плечами.

— Откель мне знать, пошто змию та жалеза. Но а утягнул. А кавродя добрые лемеха-та быля. Новешеньки, остры, аж светисси... Цалу корову за их бым дали. А змий развалил плуг, засранец...

Миру охотно показал, в каком направлении нам следует искать летающего похитителя лемехов. А во взгляде юноши явственно читалось, что он уже не надеется увидеть меня ещё раз, но, если кто мечтает быть съеденным, так это уж его личное дело.

Прикупив немного еды, мы вернулись к Каштану, которого я оставил около деревенского колодца, чтоб конь вволю напился из колоды. Вокруг Каштана собралась уже кучка подростков. Одни просто глазели с благоговением, а другие со вкусом рассуждали о конских достоинствах и недостатках.

— Какие копытища!.. Силен, не? Такой-то плуга даже и не почуял бы.

— Та то ж господская коня, дурище! Лыцарская! Вон на войне скачет, не у поле. Не нам таку коню водить.

— Ай там!.. Конь — она конь и есть! Тилько поболе буде! Йак бым там жалал, теж бым себе таку справил на торге.

— От мякина у тя в башке! Дак ты хучь розумеешь, скоко така коня е?... — услышал я. — Така аграмадина, верна, цельну амбару в два месяшки сожрёт.

— А подковать таку? — вмешался кто-то ещё. — Тож така в две дневки подковы ухайдакает! Так по мне уж татин шкелетина лучшее.

Верно, коня моего содержать было недёшево. Жрал Он за трёх и всё время терял подковы, а уж чистить его — всё равно что грядки полоть, вполне соизмеримо по площади. Только я бы ни за какие деньги моего Каштана не отдал. Он и правда выделялся своей величиной даже среди боевых скакунов, но при этом был поразительно быстр. Даже приносил вещи, точно пес, в зубах таскал за мной рукавицы, ложился и вставал по приказу, умел притворитьсядохлым и мог дотянуться до чужого огорода, даже если забор был высоковат для. мужика. Несколько раз случалось так, что он за шиворот вытягивал меня из пьяных потасовок под открытым небом. Я хотел ещё научить его ходить по ступенькам. Но это закончилось переломом двух ребер. Моих.

Конечно, у меня пробовали украсть это чудо, только Каштан не позволял никому, кроме меня, сесть в седло. Предпоследний авантюрист собирал свои зубы с земли перед воротами конюшни, а последний давно уже лежит себе тихонько под песочком, потому что мой конь лягнул его прямо в дурную голову. И вот уже некоторое время всё спокойно. Видно, закончились идиоты.

И вот этому-то сокровищу на четырех копытах не понравилась Оура. Может, пахла она как-то не так, то есть не человеком, а русалкой, или кем она там была... во всяком случае, каждый раз Каштан устраивал одно и то же представление, и мне приходилось выдумывать обходные маневры. Конь мой начинал танцевать на задних ногах и щерить зубы, едва Оура подходила ближе чем на шесть шагов. Я и просил, и грозил, да где там! Попросту упёрся — и ни в какую. Похоже было, что мы так и останемся на маленькой площади у деревенского колодца. Деревенские развлекались вовсю, любуясь, как я препираюсь с Каштаном. Я озверел, и перед моим мысленным взором пронесли ряды колбас, окороков и кожаный коврик — всё из конины.

Но тут я заметил жбаны, сохшие на плетне, в голову мне пришла одна мысль. Каштан любил пиво. Я частенько заказывал «кружку и миску». И вот я послал за пивом одного из

подростков. Как и ожидалось, величайшим чудом света назвать его было трудно, но для подкупа коня сойдет. Оура долго приманивала Каштана миской, пока коняга наконец не поддался искушению и подошёл напиться. А уж когда я смочил волосы Оуры остатками напитка, мой упрямец позволил себя переубедить.

Путешествовать на спине этой животины не так уж приятно. Я предпочла бы лететь на собственных крыльях. И удобнее, и гораздо быстрее! Единственным преимуществом сложившейся ситуации было то, что я могла болтать с Эрилом. Надо отдать ему должное: если дать парню время подумать, он умудряется быть очень даже башковитым. Ну разумеется, в меру человеческих способностей.

И вот так мы странствовали. Иногда под дождём, иногда под солнышком. Днём на спине коня, ночью под открытым небом или под прикрытием веток, если как раз приходил черёд дождя. Человеческое умение выкручиваться из трудных положений оказалось очень полезным.

В конце концов мы наткнулись на покинутую, разорённую деревеньку. Хаты с провалившимися, прогнившими стропилами, разваленные заборы. Крапива и лопухи до пояса. Везде только тишина, сорняки и гниль. Если раньше у меня ещё были какие-то угрызения совести по поводу того, стоит ли беспокоить старого дракона, то теперь они полностью испарились. Люди, должно быть, убежали отсюда второпях, поскольку всюду осталось множество добра, а ведь известно, как они любят и ценят вещи. Мне не понравилось, что старикан выгнал их отсюда. Это же чистой воды кража земли! А такого никто на нашем острове не похвалил бы. Ни дедушка, ни мама, ни даже мои ограниченные сестрички, у которых всё в одно ухо входило, в другое вылетало.

Этот мерзкий тип недурственно тут поразвлекался. Почти на каждой стене виднелись следы его когтей. А в кустах я наткнулась даже на раскиданные человеческие кости. Я не сказала о них Эрилу и только надеялась, что он ничего не пронюхает.

Около полупустого колодца я напоил Каштана из шлема. За водой пришлось спустить бурдюк, потом что ведро насквозь прогнило и поросло плесенью. Оура с интересом рыскала по округе. Я тоже решил осмотреться. Мы разошлись в разные стороны. Проходя мимо второго колодца, я заметил колоду для водопоя скота, она вся поросла мхом и походила на гроб знатного лорда, затянутый бархатом. Колода эта весьма подходила к общей картине разорения. Мне было очень не по себе. Вокруг всё отдавало покойницей. Я заглянул в старую кузницу, где ещё лежал горкой уголь, валялись какие-то инструменты, потерянные или кинутые в спешке.

Я пошевелил огромные меха, и заплесневевшее кожаное покрытие распалось на куски. Потом мне попалась изба побогаче, в два этажа. Явно тут был господский дом. Из-под лестницы вылезла лиса, поглядела на меня внимательно и не спеша удалилась. Похоже, людей тут не было уже много лет. Присутствие дракона отпугивало даже воров и бродяг. Мне расхотелось осматривать эту несчастную халупу изнутри (хотя вполне возможно, что где-нибудь в подвале и нашлась бы забытая бутылка винца). Плёнка в окнах полопалась и свисала высохшими клоками, которые шуршали на ветру, точно привидения шептались. Над дверями на одном гвозде висел обломок доски. Краска на нём облупилась, но глубоко врезы буквы ещё можно было разобрать.

— «Под зелёным драконом»... — прочитал я, и мурашки побежали у меня по спине. Я с отвращением сплюнул. До чего же плохое предзнаменование!

Я уже говорила, что Эрил совершенно невыносим? Если нет, то сейчас говорю. Во-первых: яблоки. Вокруг заброшенной деревни росло множество яблонь. Фрукты как раз созрели, так он набрал их полные мешки и жрал их по дороге почти непрерывно, а меня уже тошнило от этого кислого запаха. Во-вторых: в первый раз в жизни я встретила такого самодовольного самца. Он вообразил себе, что мы, представительницы другого пола

— нет, вы только подумайте! — слабее мужчин и телом, и разумом. Шовинистическое чудовище! Даже теперь, этими короткими и тупыми зубами, я могла бы перегрызть ему любое сухожилие. А кроме того, хотела бы я посмотреть на того умника, который мог бы соперничать со мной в счёте или в игре «сто вопросов»!

Ну нет!.. Она совершенно невыносима! Настоящий кошмар.

Яблок терпеть не может. Не все любят яблоки, но требовать от меня есть их в одиночку?! В сторонку отходят, чтоб помочиться, а не есть.

А в довершение всего она болтала. Болтала без умолку. Меня и в самом деле не интересует, что левиафан даёт молоко, а у стоноги на самом деле только двадцать пять ног. Левиафана мне не доить, а с червяком под венец не пойду. Какое мне дело до них? А Оура оскорбилась, когда я ей в конце концов так прямо и сказал. То есть, честно говоря, не сказал, а завопил, но я уже не мог сносить её трескотню и велел ей заткнуться. А она заявила, что я очень ограничен. Ну и хорошо, может, и так... что за противная баба...

Эрил принёс мне цветы. Насобирав на привале целый пучок. Теперь вот ломаю себе голову, что бы это значило. Наверняка какой-то человеческий обычай. И что прикажете делать с этими сорняками? Съесть? Нормальный самец принёс бы мне кусок мяса. Но ведь Эрил не нормальный... то есть он не дракон. У меня уже были кое-какие подозрения, и я прямо спросила, не хочет ли он, случаем, иметь от меня детей. Ой-ой-ой... Он страшно возмутился. А в чем, собственно, дело? Надо было быть слепой, чтоб не заметить, как я ему нравлюсь. То есть как ему нравится тело, в котором я в настоящее время пребываю... Сложные они, эти люди.

Да я скорее язык себе откушу, чем с ней заговорю.

Попался бы мне тот тип, который выдумал, будто русалки нежные и деликатные. Да боевой таран нежнее Оуры. Она заявила, что не будет больше сидеть со мной в седле, если я так ору на нее. Упрямая девица шла рядом с Каштаном по бездорожью, а самое интересное, что по ней и не скажешь, что устала. Я начал слегка понукать Каштана каблуком, а Оура как ни в чём не бывало поспежала за нами. В конце концов мы уже рысью неслись, а Оура летела рядом, наперегонки с конём — и гром меня разразил! — делала его как хотела, без малейшего усилия! Я натянул вожжи, поскольку до меня дошло, что она может оставить моего конька далеко позади. У меня даже волосы дыбом встали.

Наконец мы добрались до места предназначения. Горы, которые люди называют Медянкой, довольно низкие, сглаженные, поросшие хвойным лесом. Кое-где встречаются неглубокие ущелья. Если б мне пришлось тут искать себе пристанище, наверняка я выбрала бы одно из таких ущелий — уединенное, укрытое от дождя и солнца место. Здешнему обитателю тоже хватило ума (несмотря на деменцию) поступить точно так же. Правда, когда я тут была в последний раз, то подлетала с другой стороны и смотрела на местность исключительно сверху, но я не сомневалась, что жилище старика находится по другую сторону гряды. Пока мы были в относительной безопасности. Среди множества мелких ниточек звериных мыслей я попыталась вычленить уже знакомые мне хаотичные и рваные эманации старого драконища, но ничего не получилось. Или он спал глубоким сном без сновидений, или умер, чему наверняка безмерно порадовался бы Эрил.

Мы сняли с коня всё его странное оснащение, пусть отдохнёт и поваляется по травке. Эрил собрался пойти нарезать веток, чтоб устроить привал. Взял нож, два яблока (он явно помешался на этих яблоках) и пропал меж деревьев.

Я ждала, ждала... и ждала. Солнце пригревало, цикады верещали как безумные, Каштан хрустел травой. Я легла на теплую, прогретую землю, приятно пахнущую сухими травами, песком и муравьями. В голове у меня как-то закружилось... я сама не заметила, как уснула. А когда наконец проснулась, солнце уже опустилось ниже, но Эрила всё ещё не

было. Меня это слегка беспокоило, я даже начала упрекать себя за то, что отпустила его одного. Ведь он моложе меня — по крайней мере, насколько я понимаю в людях, ему не могло быть больше семидесяти — да ещё меньше и слабее. Он мог заблудиться... на него мог напасть какой-то зверь... дикий кот, ламия или хоть бы бешеный олень. Он мог поскользнуться на осыпи и упасть с обрыва, переломав свои нежные косточки.

Мой маленький Эрил мог проделать десятки разных глупостей, ему угрожали сотни опасностей! Чем больше я об этом думала, тем сильнее беспокоилась. Ну и конечно — когда мне удалось нащупать слабое облачко его сознания, там кружились самые печальные и горькие мысли, а всё это из-за обычного атавистического страха. Понятно стало, что Эрил влип во что-то, я решила лететь на его поиски. Вот именно — лететь. У меня появились дурные предчувствия. Старый собиратель блестящего мусора мог напасть на моего подопечного, но уж тогда... пусть не рассчитывает на снисхождение!

Я помнила, как Эрил порой говорил: «бог даст», или «как богу угодно», или «боже, смилуйся...» Из этого я сделала вывод, что некие боги всё время ходят за людьми (верно, скрытно и на некотором расстоянии, потому как ни разу ни одного из них я не заметила) и настроены они по-дружески. На тот случай, если бог Эрила оказался поблизости, я позвала:

— Э-э-эй, ты, бог! У твоего господина неприятности! Забросил ты его в последнее время, лентяй!

Превращение из меньшего в большее всегда довольно трудно, занятие это неприятное и требующее очень много энергии. Перед таким превращением мне просто необходимо что-то съесть. Гоняться за мясом не было времени, а трава (помимо отвратного вкуса) ещё и исключительно мало питательна. Все травоядные столько времени и усилий посвящают еде, что им его уже не хватает на нормальное мышление. Моему рыцарю тоже следовало бы есть побольше мяса и поменьше яблок. К сожалению, похоже было, что мне придётся выбирать между этой мерзкой кислой постытиной и конём. После недолгого размышления я всё-таки выбрала яблоки, которые, может, и не обладают высокой питательностью, но зато нет у них твердых копыт и не поглядывают они на меня так подозрительно.

Я укрылась в кустах, чтоб не вспугнуть Каишана. И принялась упрямо запихивать в себя эту пакость, у меня внутри аж всё переворачивалось. Я не забыла снять одежду и даже аккуратно её сложила. Потом сосредоточилась и выбрала свой основной образец, а потом началось утомительное отстраивание нового тела. Но я ещё не потеряла навыка. Не прошло и четверти часа, а я уже была готова. И, разумеется, чудовищно голодна и страшно, просто дико ЗЛА!

Я лежал на животе, втиснувшись в расщелину между скалами. Едва я пробовал пошевелиться, как появлялась огромная лапа и царапала когтями камень всего лишь в локте от меня. Время от времени появлялся нос. С одной стороны, я предпочитал морду, поскольку из ноздрей дракона веяло теплом, точно из печи, а камни были страшно холодными, с другой стороны, при одной мысли о том, что зверюга может дохнуть огнем, желудок у меня выворачивался наизнанку.

Но, может, лучше начать с самого начала.

Найти подходящие жерди на шалаш и нарезать мягких веток на постель оказалось нетрудно. Я быстро всё сделал, но сразу возвращаться не захотел. Сложив ветки в кучу и связав их веревкой, я решил немного осмотреться, а свою добычу намеревался забрать на обратном пути. И почти сразу наткнулся на какую-то потайную тропку, протоптанную наверняка дикими козами, или кто там ещё обитал в округе. Тропинка привела меня к довольно глубокому оврагу с крутыми обрывистыми стенами; дожди вымыли в склонах ровики и валы, сделав их похожими на огромную стиральную доску. Во время ливней на дне оврага образовывалась вполне приличная река, но теперь стояла сушь, и там сочился только захудалый ручеек.

Поперёк ущелья легла огромная сосна, так что по ней можно было перейти на другую

сторону точно по мосту. И, похоже, злой дух соблазнил меня сделать это, потому как паршивый яр выглядел абсолютно одинаково с обеих сторон. Там, где подобно высохшим пальцам ведьмы торчали сосновые корни, виднелась какая-то куча мусора. Что-то мне в ней не понравилось, хоть я и сам не понимал, что именно. Какая-то она была... ну просто не совсем так выглядит обычная куча гнилых листьев и хвои. Я уже был почти рядом, когда совершенно неожиданно над клубком корней показалась огромная, как бочка, голова — если только у бочки могут быть багровые зенки, мехом покрытые уши и ряд зубов, подобных адским граблям!

Я не заорал только потому, что рыцарю не пристало вопить, да и дыхание у меня сперло. Вот уж правда, только с моим засраным счастьем можно было угодить пряменько в логово дракона. Ещё чуть-чуть — и я бы влез ему прямо на шею!

Зверюга глухо зарычала. Я тут же попятился, но каблуки зацепились за ствол. Я только глупо замахал руками и полетееееел... Хорошо ещё, что мне выпало счастье в несчастье, и я не грохнулся прямо на свою дурную голову. Удалось приземлиться на ноги, хотя чуть коленом зубы себе не повыбивал. Зато я очутился в премилой западне: дракон мог подцепить меня отсюда, точно рыбку из мешка. Я даже не стал оглядываться, лезет ли за мной это чудовище, и так было слышно, как гремят камни под его когтями. Я кинулся наутек, надеясь, что ущелье вот-вот закончится. Но оно оказалось длинным, а хриплое дыхание и дикий рык слышались уже прямо за моей спиной! Тогда я заметил узкую расщелину, которую вымыла вода у подножия обрывистого склона, и скользнул в неё точно отчаявшийся мышонок.

Вот так я и очутился в каменной дыре, где спустя пару часов всё ещё стучал зубами от холода, что было весьма удивительно при такой жаре. Всё тело у меня затекло, от голода подвело живот. Ужасно хотелось помочиться. А страшилище наверху сторожило меня, будто кот у мышей норы. Для старого дракона он явно был слишком боевой. И невероятно упрямый. Время от времени он предпринимал попытки выцарапать меня, точно старательная хозяйка — иглу из щели в полу. Разумеется, тогда я втискивался в своё укрытие ещё глубже. И уже начал думать, что умру тут от голода, а эта холодная дыра станет моей могилой; печально размышлял я над тем, что мог бы вести и более благонравную жизнь, когда вдруг услышал непонятное шуршание, раскатистые погромыхивания... Нечто вроде мурлыканья, бормотания... Всё вместе это очень напоминало отвратительное варварское наречие. Неужели дракон свихнулся? И болтает сам с собой? И с каких это пор драконы вообще умеют говорить?

Потом мне уже слышались как бы два спорящих голоса. И я не выдержал. Осторожно протиснулся вперед, выглянул — дрожа от страха и ожидая, что драконья лапа вот-вот сдёрнет мой череп, точно шапчонку. И увидел...

Двух драконов!!! ДВУХ!!!

Да что же это за наказание господне, чёрт подери?! Дракониий базар?! Или семейный обед?!

Оба чудовища были очень увлечены разговором, но мне всё равно не удалось бы удрать: они перегородили мне путь. Зато у меня появилась хорошенько их рассмотреть. Солнце, должно быть, уже опустилось достаточно низко, так как на дне ущелья лежала тень, но мне всё равно было хорошо видно. Зверюга, стоявшая слева, была побольше, но выглядела как щётка, которой долго чистили нужники. Мех с этого дракона свисал клоками, точно лохмотья нищего. Похоже, он был очень стар, значит, именно он и погнался за мной с самого начала. Другой же оказался поменьше, поупитаннее, а пепельно-серый его мех блестел, как хорошо отполированный шлем.

Видно, эти двое не слишком нравились друг другу. Их бормотание сменилось ворчанием, рыком и угрожающим фырканием. Они выпускали и вновь прятали могучие когти, скребли ими щебень. Распрямляли крылья и вскидывали огромные головы. Вот-вот разгорится нешуточная схватка. Вдруг тот, что поменьше, серый, рванулся вперёд и вцепился старому в шею. Только на мгновение. Видно, хватка была слабовата, старый взмахнул крыльями, дернулся и освободился. А младший тут же впился ему в переднюю

лапу. Наверное, он попал в чувствительное место, потому как старый взъярился и принялся трепать его за крыло. А потом опрокинулся на спину и всеми четырьмя лапами ухватился за противника. Битва разгоралась. Обе зверюги сплелись в один дергающийся серо-бурый ком. Они кусались, раздирали друг друга когтями и били крыльями. Грохот стоял такой, будто сто прачек разом отбивали бельё.

Ни один из драконов не извергал огня. Может, они не хотели, а может, это только чешуйчатые умеют делать? Затаив дыхание, я наблюдал за ними, а посмотреть было на что. Драконы остервенело мутузили друг друга, лишь клочки шерсти в воздух летели. Будто решили разорвать друг дружку на кусочки. Наконец драка утихла. Пыль осела, и я увидел, как мой преследователь, страшно потрепанный, удирает с поджатым хвостом, волоча крылья по земле. Серый победитель долго рычал ему вслед, празднуя победу, потом уселся на хвост и громко чихнул. Тут его багровые зенки остановились точнёхонько на моём убежище. Я поскорее укрылся поглубже. У выхода из моей щели показался драконий нос. И громко втянул воздух.

— Вылезай! — услышал я совершенно ясно. — Вылезай, он уже убрался.

Я собственным ушам не поверил. Лежал себе тихонько, неподвижно, точно мёртвая мышка в норке, и от удивления, и потому, что вовсе не видел причин заводить знакомство с совершенно чужим драконом, хоть и болтающим по-человечески и даже как бы дружелюбно настроенным. Какая разница, в конце концов, кто тебя сожрёт...

Когда же я всё-таки решился выглянуть, серого дракона уже нигде не было видно.

Собиратель выглядел ещё более трагично, чем в прошлый раз. Видно, не ел давно, потому как кожа на нём просто обвисла. Кое-где даже мех повылазил, появились проплешины. А оставшийся мех был грязный, свалявшийся, в нём застряло множество сухих листьев, кусочков коры и каких-то стеблей. Да и с головой у старика тоже было совсем плохо — слова он путал, не в состоянии был даже разумной фразы сложить. Из его бормотания я поняла только, что была «недоброе» и он «не хочет». «Не хотел» он, судя по всему, моего общества. Да я бы с удовольствием оставила беднягу в покое, если б не несчастный парнишка, которого он загнал в дыру.

Пришлось поугадать старика, пару раз я даже тянула его зубами. Я не ожидала встретить упорное сопротивление, но, несмотря на истощение, у старика было ещё немало сил. Разумеется, я победила, но ему всё же удалось несколько раз довольно чувствительно укусить меня.

Теперь Эрл был в безопасности. А я решила воспользоваться тем, что вернула себе прежнее тело, и вволю наесться свежего красного мяса. Так хотелось закусить откормленным на картошке кабанчиком или даже двумя...

Боже! Вот так да... Я-то раньше думал, что жизнь наёмника очень разнообразна, но теперь понимаю, что до сих пор моё существование было нудным и вялым, как у репки, закопанной в землю по макушку. Когда серый дракон улетел, я решил побыстрее уносить ноги. Да пусть провалятся ко всем чертям и драконова голова, и Каракуля из Равелн, и вообще весь этот проклятый спор! Я ещё слишком молод, чтобы дать себя сожрать в каком-то богом забытом, глухом уголке королевства. В общем, помочившись, я взял ноги в руки и двинулся искать выход из ущелья.

Два поворота — И ущелье закончилось довольно пологим склоном. И тут я замер как вкопанный. Совершенно случайно я оказался в самой середине драконьей сокровищницы. Мы обычно представляем себе, будто драконы спят на горах сокровищ. А здесь точнее было бы сказать про грудки, причём было их множество. Повсюду на камнях были тщательно уложены небольшие кучки блестящих металлических предметов. Между крупными валунами торчали целые высохшие деревца без листьев, а на их ветках развешаны какие-то колечки, бляшки, бусы... Кое-где сверкали осколки разбитых зеркал, лежали потемневшие части доспехов, щиты... Я даже разглядел тот самый славный лемех и едва не разразился

безумным хохотом. Вокруг царил мертвая тишина, птичка, и та не чирикала в лесной чаще над моей головой. Похоже, хозяина поблизости не было. Видно, где-то зализывал свои раны.

Я затянул пояс поверх куртки потуже и начал собирать за пазуху всё, что мне попадалось под руку, почти не глядя. Ясно же, что драконы неохотно покидают свои сокровищницы. И тутошний старикан мог вернуться в любую минуту. Нагруженный, как осёл, я понёсся тяжёлой кабаньей рысью прочь и едва не свернул себе шею, оглядываясь по сторонам: не покажется ли где летающий сторожевой «пёсик» величиной с амбар. Место нашего привала показалось мне землей мечтаний. Деревья, под которыми можно спрятаться, дружески фыркающий Каштан... Травка, на которую можно прилечь... И я рухнул на неё и ждал, пока сердце моё вернется из горла на то место, где оно должно находиться. Когда Оура появилась, я ещё валялся. Она была страшно растрепана и мрачна, как дождливая ночь.

— Ну и как?

— Как видишь, ещё не сожрал меня, — с трудом выговорил я.

Оура посмотрела на мою набитую драконьим добром куртку.

— Что ты принёс?

Я высыпал свою добычу на попону. Первое, что мне попало на глаза, была медная застёжка, слегка позеленевшая. Потом подряд шли: два обрывка цепей (один из серебра, другой заржавевший), крупные стеклянные бусы, кость (надеюсь, не человеческая?), порядочный кусок кварца, лезвие ножа... Итак, мои трофеи состояли, к сожалению, из ничего не стоящих обломков меди и стекляшек. Я горько рассмеялся.

Выходит, я рисковал жизнью ради того, чтобы обокрасть сорочье гнездо! Я небрежно раздвинул рукой весь этот мусор, и тут неожиданно блеснул чистый огонек. Душа моя растаяла от блаженства. Обнаруженную драгоценность я взял в руки с трепетом, который подобал бы, скорее, священной реликвии. Это оказался перстень. Массивное золото и изумруд, величиной и формой напоминавший горошину.

Но неожиданности ещё не закончились. Чуть позже я обнаружил второй такой же перстень, только с жемчужиной. Теперь я уже рылся в своей добыче с растущим воодушевлением. Драконище явно не знал истинной ценности предметов и собирал всё, что блестело, но в его собрании среди мусора нашлись и подлинно ценные вещи. То и дело я откладывал в сторону что-то новое. Сломанное золотое ожерелье с бриллиантом. Несколько золотых застёжек для плащей. Серебряные браслеты, броши и серьги. Маленький кубок — очень грязный, но, кажется, золотой; несколько необработанных камней — похоже, сердолик; пара отшлифованных кусков янтаря величиной с кулак; горсть опалов и гранатов. Вдруг мне попало что-то белое, остроконечное, длиной в ладонь. Я бездумно вертел эту вещичку в руках. Голова моя была занята только что добытым состоянием.

— Это зуб, — заметила Оура.

— Зуб?

— Да, зуб. Драконий.

Ну-ну... Я старательно спрятал зуб в карман. Всё-таки кусок дракона. На память, да и детям будет что показать, если они у меня появятся. Я нашёл ещё приличную горсть золотых монет — на глаз им было лет сто, потому как на оборотной стороне красовался профиль короля Олгареса, — а под конец вытащил рукоять меча. Она была изготовлена в форме орлиной лапы, которая сжимала когтями огромный красный камень. Я даже не смел мечтать, что это мог бы быть рубин. Небольшая кучка блестящих вещичек стоила больше, чем всё состояние моей семьи. Стыдно признаться, но глаза у меня повлажнели. Теперь мне не только хватило бы заплатить свой долг, но и осталось бы ещё немало. Я уже представлял себе, как обрадуются отец с матушкой, когда я привезу драконий клад домой! Дыры в крышах залатаем, всё самое необходимое купим, на столе чаще будет появляться мясо. Матушке куплю новое платье и плащ, а отцу...

— Спрячь это, — грубовато буркнула Оура, вырывая меня из мира грёз, — и пошли со мной. Хочу тебе кое-что показать.

— Но тут целых два дракона! — возразил я, заворачивая драгоценности в запасную

рубашку. — Нам бы лучше скорее убратся отсюда подобра-поздорову.

— Я с ней поговорила, ничего она нам не сделает, — ответила Оура и, не дожидаясь меня, направилась куда-то, мелькая между деревьями.

— С кем это «с ней»? С этим серым драконом? Я видел его! — допытывался я, нагоняя несносного эльфа. — Так это была она?

— Разумеется, она. Ну и тупой же ты!

— Я не тупой!

— Тупой, тупой. Да к тому же ещё и невоспитанный. Получил своё золото, а меня даже не поблагодарил.

Она была права. В конце концов, именно она меня сюда и приволокла. Я выразил ей свою благодарность в самых изысканных словах, но у меня это получилось не слишком ловко, так как Оура даже не соизволила замедлить шаг. Она неслась вперёд так, будто за ней бешеный пёс гнался, мне тоже пришлось лететь с высунутым языком. Остановились мы только у знакомого ущелья.

Оура молча показала пальцем вниз. На дне ущелья лежало огромное неподвижное тело собирателя. Я уже повидал в жизни столько трупов, что умел их распознавать с первого взгляда. Дракон не притворялся и не спал — он был попросту мертв. Мертв как камень.

Я подумал, что мог бы отрубить ему голову и таким образом попридержать денежки и не выплачивать долг господину Каракуле.

— Если ты только посмеешь это сделать, я сломаю тебе шею! — рявкнула Оура таким тоном, что у меня мурашки по спине побежали.

Как это она догадалась, что мне пришло в голову?

— Да я вовсе и не собирался... — буркнул я. — На что мне эта падаль? Только вонять будет в дороге.

— У него было имя. Его звали... — строго сказала Оура и издала такой звук, будто мычащий бык поперхнулся в середине своего печального «муууууу». — По-вашему это значит Теплый-Мягкий-Песок. Видно, в молодости он был поприятнее, — добавила она.

Надо признаться, у меня даже челюсть отвалилась от изумления. Мне бы никогда и в голову не пришло, что у дракона может быть имя, как у человека. И мне сразу сделалось как-то грустно.

— Если б у него была семья, они пришли бы сюда, чтоб с ним попрощаться, — печально продолжала Оура. — Рассказали бы друг другу про всю его жизнь, чтоб лучше его запомнить. А потом съели бы его...

Ну ничего себе — съели! Да она просто невыносима, эта Оура!

— Ужасно... — пробормотал я.

— Ужасно, — согласилась она, а голос у неё как-то странно задрожал. — Мы его ограбили, вот у него сердце от отчаяния и разбилось. Это мы его убили!

Я почувствовал себя страшно неловко. Дракон с именем и семьей... точнее без семьи... вроде сироты...

— Да что там... От этого не умирают, — буркнул я. — Он наверняка умер от старости.

— Ты пра... вда так ду... маешь?...

Уже стемнело так, что вокруг всё казалось серо-бурым. Я не мог хорошенько разглядеть даже лица Оуры (только глаза её, как обычно, светились в полумраке точно две золотые монетки), но мне показалось, что она плачет. Я не знал, как утешают грустных эльфов, но, верно, так же, как обычных девчонок. Поэтому я неловко обнял её и погладил по волосам.

— Не плачь. Он попросту был очень старый. Похоже, он и жил уже только по привычке. Должен был он когда-нибудь умереть, вот и выпало ему как раз теперь. А завтра мы можем его похоронить, если для тебя это так важно. Прикрою его камнями, или ещё как... — Работка выпала бы каторжная, но я был готов на это. В конце концов, хоть чем-то я этому дракону был обязан за его сокровища.

Оура вздохнула, шмыгнула носом.

— Не надо. Пусть так останется. Довольно, если мы просто будем его помнить.
— Да я до конца жизни не забуду этого дракона, — заверил я.
И это была чистая правда.

ПЕРСТЕНЬ ДЛЯ ЧУДОВИЩА

Корчма называлась «Под весёлым зайцем», но все говорили «Под писклявым зайцем», потому как жестяная вывеска над дверьми начинала раскачиваться от малейшего ветерка и скрипела при этом так немилосердно, что выбор напрашивался сам собой: или одуреть, или привыкнуть. Может, именно по этой причине и пило в этой корчме гораздо больше, чем где бы то ни было — для полной потери чувствительности. Впрочем, я-то как раз пил весьма умеренно, наученный горьким опытом с господином Каракулей из Равелн. В полном согласии со свежо приобретенным разумом я не хотел показывать, что у меня завелись денежки. Немало бы тут нашлось достойных особ, которые исключительно по доброте сердечной поспешили бы облегчить мои карманы, чтоб я не перетрудился, нося тяжести.

Второй моей заботой после скрипящей вывески был кот. Эту редкостную зверушку завёл себе когда-то хозяин «Зайца». Кажется, некий чужеземец оплатил часть своего счёта чёрно-белым котёнком. И этот паршивец теперь то лазил по столам и мочил усы в кружках, а то, притаившись на балке под потолком, шлёпал лапой по головам всех проходящих под ним. Мне бы это нисколько не мешало, только вот по непонятной причине котик особенно полюбил меня. Он засыпал на моём башмаке, и я не мог с места сдвинуться, потому что зверёк тут же начинал царапаться и издавать исполненное обиды «мяяяаууу»... а корчмарь думал, что я обижаю его любимчика.

Третьей заботой была Оура.

Я украдкой рассматривал свое отражение в отполированном оловянном кубке — не поседел ли slučajем с расстройством? — но волосы мои, похоже, были всё того же бурого цвета, что прежде. В самый первый день какой-то подвыпивший шутник шлёпнул Оуру по заднице. Она оглянулась, как будто слегка удивлённая... и не успел я и пошевелиться, как она дала сдачи. Я уже говорил, что русалки дьявольски сильны? Ну и вот, она так врезала ему в лоб, что шутник аж полетееееееел. Счастье ещё, что он только пропахал мордой недурную борозду в песке, которым был посыпан пол. Это падение так развеселило приятелей бедняги, что они позабыли о суровой мести. И очень хорошо, а то мне уж совсем не улыбалось драться под крышей. Мало того что тесно и с оружием не развернуться, так ещё и потом я уже не мог бы показаться в «Зайце». Если только не задумал бы во что бы то ни стало напиться мочи вместо пива.

Развеселившись, наемники угостили Оуру кружкой самого крепкого элберского. Она выпила не моргнув глазом. И не успел я оглянуться, как начались единоборства — кто может больше выпить. Русалочка моя делала всех, как только хотела, а выигранное серебро приносила мне. Прибыль получалась недурная, только меня заботило одно: как долго ещё выдержит терпение посетителей «Зайца» и не захотят ли они в конце концов сплавить нас по речке в железных воротниках.

А последней моей заботой был сам таинственный господин Каракуля из Равелн. Я не имел ни малейшего понятия, как он выглядит. Там, где должны были находиться воспоминания о предпоследнем месяце моей жизни, зияла одна большая дырка.

Только письменный документ, который жёг меня даже сквозь карман, свидетельствовал о сотворенной мною глупости. Кажется, в первый раз в жизни должник нетерпеливо томился в ожидании кредитора, но, видно, уж так мне на роду написано: ничего у меня не выходит попросту, как у всех. Вот так я посиживал в корчме и дожидался, рассчитывая на то, что вельможный господин Каракуля сам меня найдёт и узнает. И я оказался прав.

Примерно на третий день после истечения срока залога в корчме появился необычный гость. Я как раз сидел мордой к дверям, так что заметил его сразу же, и тут у меня даже в

глазах потемнело.

Это было настоящее потрясение. До сих пор подобное убранство я видела только на огромных вонючих жуках. У новоприбывшего был ярко-зелёный живот... то есть кафтан, а на плечи накинуто одеяние оранжевого цвета (столь же ядовито-яркое) с чёрными украшениями. От такого сочетания цветов глаза лезли на лоб и слезились. А его походка и манера держать себя явно говорили то, что у нас было бы безошибочно понято как «я тут самый крупный и важный самец, только попробуй что-то сделать не так». Я краем глаза посмотрела на Эрила... ой нет... Он явно не относился к доминирующим самцам. Я бы даже сказала, что он старается как можно меньше бросаться в глаза — да и куда ему в этой старенькой вылинявшей куртёнке и с волосиками цвета бурого заячьего меха. Он мало говорил, мало двигался и занимал мало места. Будь он драконом, наверняка подходил бы к еде одним из последних. Несмотря на это, взгляд доминанта мгновенно и безошибочно отыскал его в толпе.

— Аааа!.. Приветствую господина из Стаборта! Цел? Жив? А где моя драконья шкура? Ха-ха-ха!

Он мне не понравился с первого взгляда, а когда заговорил, я и вовсе его возненавидела. Представьте себе, именно этот мерзкий жучище заказал Эрилу драконью голову! А точнее, МОЮ!

— Господин Равелн... — буркнул Эрил без особого восторга, но как бы с некоторым облегчением.

Оранжевый расселся за нашим столом и махнул мне рукой:

— Принеси-ка вина, живо! Да самого лучшего!

Разумеется, я не двинулась с места. Да что он себе воображает?!

— Да ты оглохла, что ли, девка?!

— Она тут не прислуживает, — заметил Эрил. — Это моя подружка, и ничего никому приносить она не будет.

Равелн презрительно фыркнул:

— Подружка! Уж я-то знаю подобных дамочек!

Отдайте мне эту паршивую бумаженцию, господин Равелн. И давайте побыстрому покончим с этим делом, потому как ваш вид не доставляет мне никакого удовольствия. — В голосе Эрила появилось нечто, заставившее меня изменить свою прежнюю оценку. Кажется, всё-таки последним у пищи он бы не был, скорее, где-то в середине иерархической лестницы.

— А деньги у тебя есть?

Тогда Эрил полез в маленький кармашек, который сам себе подшил изнутри куртки, и вытащил одну из тех блестящих вещей, которые мы нашли у собирателя. И, зажав в ладони, протянул её тому человеку. Но я всё равно углядела, что это был золотой кружок с искрящимся шариком. Эрил называл этот шарик жемчужиной. Когда я дома ловила себе в море мидии, то в некоторых раковинах встречалась иногда подобная пакость. Очень неприятно, если в мягком моллюске вдруг натыкаешься на что-то твердое да ещё застревающее в зубах. И подумать только, что люди считают такой мусор ценным! Безумная раса.

— Этого должно хватить, — тихо сказал Эрил.

— А если я скажу, что не хватит? — возразил Равелн, но я-то уже знала, что хватит с избытком, потому как его мысли закружились в безумном хороводе, будто ошалевшие норники.

— Лучшие чтоб хватило, — огрызнулся Эрил.

— А кто мне поручится, что хозяин этой безделушки не заявит на неё свои права? И не оттяпает вместе с моим пальцем?

— А кто поручится, что я сейчас не потеряю терпения и не вырежу тебе второй рот под подбородком?

— Нет, — без тени стыда отвечала она. — Разве можно украсть что-то живое? Он сам забрался в сумку и там заснул. Хотел быть с нами.

Я просто рвал на себе волосы от отчаяния. А котик уселся на обочине большака и начал задней лапой чесывать себя под подбородком. Вот зараза! В тот день мы прошли солидный кусок пути, а теперь, похоже, придётся возвращаться, чтоб вернуть лохматое чудо хозяину. Мне это не слишком улыбалось. Уже сама кража кота была глупостью, а уж отдавать его — ещё дурнее. Лучше уж если корчмарь подумает, будто зверюшка сама куда-то пропала, без моего участия. В конце концов, сколько может стоить этот клубок шерсти, даже если его привезли из-за границы? Наверняка не так уж много.

И мы отправились дальше, а кот понёсся за нами по обочине, что явно нравилось Оуре, она всё время оглядывалась на него и хихикала. Похоже, этот чёртов котик заделался моей собственностью помимо моего желания. Во время привала он снова залез в мою сумку, удобно примостившись на запасной рубашке. Я стиснул зубы и решил совершенно не обращать на него внимания. Не буду я кормить мерзавца, не стану его гладить, даже смотреть на него не хочу — может, в конце концов ему самому надоест и он куда-нибудь удерет.

Эрил делает вид, что кот ему не нравится. Кот притворяется, что ему нравимся мы, а на самом деле его привлекает только сумка Эрила и остатки копчёной рыбки, которые я ему скармливаю. Для развлечения я захожу иногда в его крошечный умишко и смотрю на мир кошачьими глазами. Он ещё котёнок, не совсем взрослый кот, поэтому обожает играть и страшно любопытен. Немного же мыслей помещается в его маленькой головке: побегать, почесать, голодный... сытый... что-то шуршит, поймать!!! Совершенно случайно я обнаружила, что могу так воздействовать на котика, чтоб он исполнял мои мысленные приказы. Я подсовывала ему всякие мелкие, необременительные задания, а он, кажется, думал, что сам придумывает всё это.

— Эта зверюшка, похоже, взбесилась! — заявил Эрил с опаской, видя, как кот безуспешно пробует ходить на задних лапах.

Я знал, что спокойствие продлится недолго. Попросту шкурой это чувствовал. И в самом деле, едва на следующий день мы по просеке углубились немного в лес, дорогу нам преградили трое молодцев-разбойничков на конях с явно краденым оружием. Я оглянулся: двое других как раз вылезали из зарослей, чтобы отрезать нам отступление. Я тут же узнал в них наемников из Равелн. Наверняка и сам Каракуля прятался где-то поблизости. Видно, понравился ему перстенок и захотелось проверить, не найдется ли у меня ещё чего-нибудь в том же роде.

— Оура, сойди на землю и удирай, — не слишком громко сказал я.

По счастью, на сей раз она сразу же послушалась меня, без обычной болтовни: «А для чего? А почему?» Но удирать явно не собиралась, а остановилась рядом с Каштаном.

— Что им надо?

— Остатки коллекции, — буркнул я, поспешно напяливая шлем и вытаскивая меч.

— Так отдай им и поехали дальше!

Совет совсем не глупый, учитывая, что я один, а их пятеро. Оуру я в расчет не принимал. То, что она в состоянии сломать человеку руку, могло бы помочь в кабацкой драке, но не тут — против пятерых разбойников, вооружённых острым железом. Но времени на торговлю у нас уже не осталось. Они двинулись на нас одновременно с обеих сторон.

Я почти сразу понял, что они хотели не убить нас, а взять живьём. Это пугало ещё больше. Смерть обитает на острие меча — дело привычное, но если кто-то старается сохранить свою жертву в живых, то можно ждать чего-нибудь похуже смерти.

— Сдавайся! — услышал я. За плечами врагов я увидел того ядовито-оранжевого мерзавца.

— Поцелуй меня в зад!

Оура поднырнула под конское брюхо. Никто её не задержал, видно, я был для них важнее, вот зараза! Я пришпорил Каштана и попытался протаранить ближайшего ко мне верхового. Каштан был огромным конём, я рассчитывал, что своим весом он заставит противника отступить. Но разбойник вообще не обратил на меня внимания, то ли ленив был, то ли просто глуп. Я отрубил ему кисть, а потом ударил мечом прямо в разинутый рот. Это так взбесило всю банду, что уже и речи не могло быть ни о каком плене. Да они бы меня в мгновение ока посекали на фарш, если б друг другу не мешали. Я успел ещё одного ранить... а потом вдруг стало темно.

Раздался свист и нечто вроде глухого «донг». Я увидела, как Эрил бессильно валится из седла прямо под конские копыта. Когти у меня выросли сами собой, практически без помощи осознанной воли. Совершенно не думая, что делаю, я метнулась на ближайшего человека, целясь ему в горло. Зубы мои оказались слишком малы! Вот незадача! Мои челюсти только щёлкнули в воздухе! Зато когтями я содрала шкуру почти со всей его морды. Бандит взвыл, вскинув руки к залитым кровью глазам, а я уже отвернулась от него, рыча от бешенства и высматривая следующую жертву. Вот тогда меня и убили впервые.

Воспоминание не из приятных, и я неохотно его оживляю. Острое железо пробило меня навывлет — сквозь рёбра, сердце, и вышло аж на спине. Была у вас когда-нибудь дырка в сердце? Нет? Так я бы этого никому не пожелала. Насос перестает работать, кровь не поступает туда, куда надо. Тело становится мягким, как медуза, мышцы отказываются подчиняться, потому как организм решает, что необходимо немедленно переходить на экономный режим распределения кислорода и питать прежде всего мозг. Артерии пробуют взять на себя работу сердца, пропихивая кровь насилу, а это уж и в самом деле нелепое ощущение. Те малые частички, которые есть в каждом теле, носятся повсюду как сумасшедшие и латают повреждения. Но прежде всего... прежде всего это и правда страшно БОЛЬНО.

Я как стояла, так и рухнула в какие-то заросли. Только голову мне кое-как удалось повернуть, так что я видела, что делали с Эрилом. Казалось, он был неживой — ещё более неживой, чем я.

Равелн медленно приблизился к нему, небрежно сбросил с плеча на землю арбалет. Я знала, что эта штука называется арбалет, потому что у Эрила была такая же. Равелн с любопытством наклонился над моим пареньком.

— Жив?

— Жив, милостивый господин, только чуток оглоушило его. А глаз-то у милостивого хозяина точно у сокола! — подольстился один из слуг.

Таким образом я с большим облегчением узнала, что Эрила не убили окончательно.

Каштан рыл землю копытами и пускал пену, двое людей с трудом его удерживали. Они буквально повисли на вожжах. Равелн раскрыл седельную сумку, и тогда прямо в лицо ему с бешеным шипением выскочил наш кот. Оранжевый едва на спину не опрокинулся от неожиданности! Если б не жуткая боль, я бы просто покатила со смеху.

Оранжевенький злодей вывернул все тюки, обыскал карманы у лежавшего без сознания Эрила. Он нашёл всё, что мы забрали у чокнутого старичка с Медянки, но это — как ни странно — не удовлетворило вора. Из-под полуопущенных век я наблюдала, как Эрила уложили поперёк седла и куда-то забрали. Я сама была тяжело ранена и ничего не могла сделать, кроме одной вещи: я протянула тоненькую ниточку своего сознания к паскудному разуму этой ярко раскрашенной твари и следила за всеми его передвижениями. А тем временем моё тело с трудом себя восстанавливало. Мне же оставалось только ждать.

Голова моя была барабаном, и кто-то безжалостно и размеренно лупил по нему палкой. Это продолжалось некоторое время, пока я не сообразил, что нет ни барабана, ни тем более барабанщика. Моя бедная голова сыграла со мной злую шутку просто потому, что я был ранен. Когда мне удалось открыть глаза, мир вокруг состоял из размазанных цветных пятен.

Самое большое было дико-моркового цвета. Пятно пошевелилось и произнесло:

— Добро пожаловать в мир живых, Стаборт.

Ага, Стаборт — это я... Мысли проворачивались в голове с таким трудом, будто это были не мысли, а тяжеленные валуны. А кто говорит-то?... Как-то не слишком дружелюбно прозвучало его приветствие. Размазанное ядовитое пятно наконец превратилось в сидящего на пеньке Каракулю Равелна. В руках он вертел мой шлем. У меня ещё порой всё слегка плыло перед глазами, но я заметил, что металл шлема вмят с одной стороны. Кто-то мне вмазал на самом деле неслабо.

— Тупые стрелы используют, чтобы глушить птиц и зайцев. И, полагаю, это оружие прекрасно подходит тебе. Потому как ты такая же мелочь пузатая, Стаборт. Серая мышка, которой каким-то непонятным чудом один раз повезло.

Он отшвырнул мой шлем на землю. На пальцах у него сверкали оба перстня: и с жемчужиной, и с изумрудом. Я попробовал пошевелиться и понял, что связан. Ну что ж, разве я мог ждать чего-то другого?... Вдруг я вспомнил про Оуру. Огляделся по сторонам, но её нигде не было видно. Может, хоть ей удалось убежать. На лесной поляне был разбит небольшой лагерь: шатёр, кони, тлеющий костер, вооружённые люди, занимающиеся какими-то своими делами... и ещё кое-кто, при виде его я сразу же окончательно пришёл в себя.

Не было абсолютно никаких сомнений, что передо мной ещё один представитель рода Равелн. Мало того что он лицом походил на Каракулю, так и вкус у него, судя по одежде, был ещё хуже. Длинная фиолетовая туника, отделанная лентами цвета тыквы. Ярко-зелёные штанины внизу и жёлтый берет сверху. Всё это новёхонькое, очень элегантное и буквально ослепляющее. Приблизившись, он бросил на меня оценивающий взгляд и с неудовольствием зацокал сквозь зубы:

— Плебейский. Да... явно плебейский.

Ну знаете!.. Может, я и не принадлежал к величайшим чудесам этого света, но наверняка такого не заслуживал.

— Ойфинесс, неужели необходимо было его так уродовать?

Ойфинесс??? Ничего удивительного, что он подписывается нечитабельным зигзагом! Я не выдержал и прыснул со смеху. Это была ошибка. Милостивый господин Ойфинесс поднялся с пенька и (даже не изменив выражения лица) изо всех сил пнул меня в бок. Я надолго утратил дыхание, что-то треснуло — видно, ребро сломалось, а может, мне так только показалось.

— Это я ещё вовсе его не изуродовал, братишка. А вот по-настоящему он будет поуродован, когда я с ним покончу.

Фиолетовый замахал руками, немилосердно кривясь и корчась:

— Не хочу этого видеть! Это оскорбляет моё эстетическое чувство! Вечно ты всё изгваздаешь кровью!

Ну да, готов поспорить, мой старый знакомый, изячный Ойфинесс, в детстве вспарывал щенятам животы, любопытствуя, что у них внутри. А второй баловник не делал этого только потому, что предпочитал душить их — шёлковым платочком.

«Морковный» братик наклонился ко мне:

— Может быть двумя способами: с болью или без боли. И это зависит только от того, есть ли у тебя в голове что-то кроме опилок. Итак... откуда у тебя драгоценности?

Разумеется, опилки не заменили мне мозгов.

— Дракон сдох и оставил свою сокровищницу, — быстро ответил я.

Пусть забирают себе эти безделушки и отправляются с ними прямо в ад, там им самое место.

Подленькие глазки Равелна сузились.

— Вполне правдоподобно. Это собрание исключительно... эклектично, так что вполне вероятно, что ты говоришь правду. Интересно...

Что значит «эклептический»?! Может, заржавевший?

— Ну хорошо, Стаборт. Я вижу, ты разумный человек. А где остальное?

У меня от удивления даже глаза на лоб полезли.

— Остальное? Да нет больше ничего. Это всё, что я нашёл.

— Ты меня за дурака принимаешь? Все знают, что драконы живут тысячи лет и собирают огромные богатства. Если ты и в самом деле наткнулся на что-то подобное, то наверняка взял с собой только ничтожную часть, а остальные сокровища лежат где-то надежно спрятанные и ждут, когда ты вернешься за ними.

— Ищите на Медянке, — желчно буркнул я. — Желаю успехов. Наверняка обогатитесь.

Хотел бы я увидеть их мины, когда они наткнутся на пресловутый плуг, гнусно стянутый когда-то у деревенских неподалеку от Медянки! Только хотелось мне этого очень недолго. Этот паршивец достал нож. И стал им поигрывать, а выражение морды у него было такое, будто задумал он что-то весьма паскудное. Кажется, его фиолетовый братишка о том же самом подумал и вмешался.

— Хочу напомнить, что он должен быть нашим проводником, а для этого не должен быть слишком изнурён. По крайней мере пока.

Огромное спасибо.

— Без ушей или там без ногтей вполне можно быть проводником, — зарычал Ойфинесс. — А уж как их отсутствие освежает память!

— Утонченности в тебе так мало, что вся она уместилась бы в яичной скорлупке, Ойфинесс. Если уж так любишь кровь, так купи себе бойню. Господин Стаборт будет гораздо охотнее вести разговор, если отдохнет слегка на солнышке. Часок-другой...

С дыркой в сердце жить можно, это я уже говорила. Что не означает, однако, приятных и радостных ощущений. Когда те маленькие штучки закончили ремонт, я была так слаба, что могла только ползти на брюхе. Необходимо было обновить запасы энергии. То есть попросту наестся, но как поймать что-то съедобное, когда находишься в таком состоянии? Тут я осознала, что чувствую запах крови. Мне повезло. Я принялась слизывать застывающие капли крови с растений — они отдавали пылью и были невероятно вкусны. Нос подсказывал мне, что где-то поблизости есть мясо. Кот бродил по лесу — я уже не управляла им, занятая более важными делами. Голод был так силен, что я чуть с ума не сходила. С трудом поползла я к источнику запаха, который оказался трупом, кое-как присыпанным тонким слоем земли.

Нет, обычно я не ем людей. Их мясо приторное, малоценное, и вообще не ясно, как относиться к этому действию: как к питанию или как к погребению. Сами понимаете: они ведь всё-таки мыслят. Возможно, это было не слишком нравственно, но у меня был выбор: подохнуть с голоду или слегка поступиться принципами, спасая и себя, и своего друга.

Не знаю уж, кто из них двоих был хуже. Похоже, оба шли на равных, голова к голове. Отдых на солнышке означал следующее: по приказу фиолетового братишки Равелна его прислужники растянули меня между двумя колышками, вбитыми в землю, — на самой середине полянки, на солнцепёке, так что у меня от жара мозг в черепе варился. У меня на кончике языка вертелись слова о том, что все эти труды напрасны. Достаточно было ещё немного полюбоваться на сладкую парочку братьев.

Цвета их одежды прямо-таки выжигали глаза. Наверняка под конец дня я бы просто умолял перерезать мне горло. А пока я себе поджаривался потихоньку. Жаром несло с неба точно от кузнечного горна. Солнце палило даже сквозь опущенные веки. Это и была та самая «утонченность», будь она неладна... умное словечко, видно, означало, что человека просто-напросто варили живьем. Я знал, что долго так не протяну. Они пытали меня, даже не утруждаясь при этом. Сидели себе в тенёчке под деревьями, попивали винцо. Я желал им подавиться и сдохнуть. Мне удалось только слегка повернуть голову и прикрыть один глаз плечом. Зато теперь мне припекало ухо. Время от времени я поглядывал на деревья и горько

сожалел, что я не дуб... или хоть ничтожнейшая осинка. Стоял бы сейчас в холодке и ведать не ведал о всяких там сокровищах, драконах и человеческой подлости.

И вот тогда я увидел кота. Сначала-то я решил, что это моя разогретая головёнка сдаёт, но котик не исчезал. Полз себе потихонечку по высохшей траве и неуклонно приближался. Жара сказывалась даже на моих мучителях. Все задремали, никто не заметил маленькую зверюшку. А котик тем временем очутился уже совсем рядом со мной. Осматривался, внюхивался. Потом влез мне на грудь и защекотал усами шею!

— Кыш! — прошептал я. — Пошёл прочь! Проваливай!

Но кот не собирался оставлять меня в покое. Зуб, найденный в логовище дракона, я давно уже обмотал ремешком и носил на шее как талисман. Каракуле почему-то не пришло в голову проверить, что у меня под рубашкой. Может, потому, что он слишком был увлечен содержимым моих карманов. Я почувствовал, как котёнок осторожно прикусывает зубками этот ремешок. Потом зверёк совершенно бессовестно пропутешествовал по моему лицу, таща ремешок за собой. Таким образом он через голову снял драконью подвеску с моей шеи и поволок её прямо к моей руке, привязанной к колышку. Да этот кот был просто чудом, посланным мне Господом Богом! Драконий зуб, может, и не был слишком велик, но края у него были острые, с желобками, как пила. Если б Каракуля с братишкой велели подвесить меня на дереве, руки у меня уже полностью онемели бы, но на земле они ещё сохраняли некоторую чувствительность. Я умудрился ухватить зуб пальцами и принялся старательно перепиливать шнур.

«Как же я люблю этого кота, — в то же время беспорядочно проносилось у меня в голове. — Просто обожаю. Возьму его с собой. Куплю ещё одного кота. Десять котов... у меня будет множество котов. Люблю котов...»

Котик притаился в зарослях травы и следил своими зелёными глазищами за тем, что я делал.

Мой организм быстро переваривал мясо, которым я загрузила свой желудок. Я отяжелела от сытости, но чувствовала себя всё лучше и лучше. И последовала кошачьей стежкой, ощущая, как с каждой минутой сил у меня прибывает. Где-то впереди поблескивали эманации человеческих мыслей — там находились те, кого я намерена была истребить. И Эрил, по счастью, всё ещё живой, но обездвиженный — в самом сердце вражеского стада. Прежде всего надо было позаботиться, чтоб он не пострадал в результате несчастного случая.

Котёнок с легкостью позволил управлять собой. Это оказалось даже легче, чем я ожидала.

Я прибыла на место уже после того, как Эрил освободил себе руки. И понадеялась, что теперь он сам справится. А мне нужны были мои прежние зубы, мощные челюсти и когти. Я притаилась в густом подлеске и принялась за работу.

Уступая моей воле, связи между клетками лопались. Тело, высвобожденное из прежней формы, принимало форму праокеана, из которого мы все вышли. Я впитывалась в землю, поглощала её всей своей массой, захватывала и принуждала стать мной. Разве животные, растения, вода и камень не родственны друг другу? Я сама придавала себе желаемую форму, взаимно приспособлявая и размещая миллионы миллионов элементов так, чтобы каждый занял свое место. Тело моё я брала у земли, влагу крови из воздуха, а когда наконец открыла глаза... всё вокруг уменьшилось.

Я был не так глуп, чтобы сразу вскакивать. И украдкой растирал себе запястья, чтобы вернуть чувствительность. Напрягал мышцы. Собственно говоря, у меня ничего не болело, кроме ушибленной головы и рёбер — там, где пришёлся сапог Каракули. Какой толк срываться и наудалую удирать в лес, меня наверняка тут же снова поймали бы и избили. Очень хотелось добраться до Каштана. Я оглядывался по сторонам и ждал удобного момента. Эта чёртова жара лишала сил даже тех, кто был в тени. Вместе с Каракулей и его

братишкой на поляне собралось человек десять. Больше половины уже спали, а остальные вскоре последуют их примеру.

Башка у меня болела, и порой мир виделся слегка размытым. Но только когда увидел вылезающего на полянку дракона, я сообразил, что всё-таки тяжело болен. Любопытно, какие странные вещи происходят в покалеченной голове. Я присматривался к дракону, он выглядел как-то очень знакомо. Видно, в последнее время мне слишком много пришлось иметь дело с драконами, вот они мне и мерещатся повсюду.

Драконище распустил крылья, сгорбился и глухо заворчал, обнажая клыки. На этот рык отозвался какой-то страшный звук — как будто поблизости медленно резали осла. Я невольно вскочил с земли. Два прислужника стояли неподалеку. Глаза у них вылезли из орбит, рты раскрыты, как двери амбара. Один из них и визжал, точно его резали. Другой перевёл дыхание и завопил:

— ДРАКООООООООН!!!

Я похолодел... Дракон... вот те на... блин... ЗНАЧИТ, ОНИ ТОЖЕ ЕГО ВИДЯТ?!!

Дальше всё стало происходить очень быстро. Дракон перескочил у меня над головой. Мне каким-то непостижимым образом удалось одним махом высвободить ноги. Чудовище ринулось на людей, сея повсюду опустошение. Я побежал к Каштану, который вместе с другими лошадьми с ума сходил от испуга. Кто-то налетел на меня. Ни о чём не думая, я раскрыл ему горло острым куском кости, который всё ещё сжимал в руке. Мой противник уронил меч и схватился за шею. Я для верности пнул его, и он свалился на землю. С его мечом в руке я сразу почувствовал себя увереннее. На поляне же началась настоящая бойня. На моих глазах дракон отгрыз голову Каракуле, аж кровь хлестнула широкой струей на его кошмарный плащ. Фиолетовый братишка пробовал удрать — на свое несчастье, он пробегал вблизи меня. Я ударил его мечом по затылку, и он рухнул, как цветок под косой. Дракон передвигался так быстро, что за ним невозможно было уследить. Кажется, никому не удалось улизнуть. Всё закончилось буквально в мгновение ока.

Дракон обратил ко мне окровавленную морду. Я крепче стиснул рукоять меча. И начал медленно, шаг за шагом, отступать, хотя так по правде шансов у меня не было никаких. Дракон посмотрел на меня, облизал себе нос, а потом сказал:

— Ну-ну... не дури.

Собственно, произнесено было «ну-ну... турий», потому как с такой пастью трудно говорить по-человечески. Потом я подумал, что этот дракон и в самом деле очень похож на пса... а ещё потом, что я, собственно, вовсе и не боюсь... а уж потом земля вдруг подскочила и ударила меня прямо в зубы, так что в глазах потемнело.

У меня был самый глупый сон в жизни. Мне снилось, что я — тесто. Такое обычное тесто, чтоб печь хлеб, а матушка месит меня в квашне. Разумеется, у теста нет рта, и я не мог протестовать против такого обращения. Я убежал, вытек на пол, а хозяйка меня — хватить и снова тормозит!.. Я пришёл в себя настолько, что дурной сон улетучился, но тормозить меня не перестали. Я поднял веки и увидел над собой огромный влажный нос. А потом что-то большое, теплое и мокрое проехало по моему лицу. Бррррррррр... Отвратительно!

Вместо носа показался огромный красный глаз. Я понял, что меня рассматривает дракон.

— Только глупостей не делай, — услышал я. — Мы уже столько времени вместе, что не стоит тебе удирать только потому, что я на сей раз выгляжу несколько иначе.

Голова у меня всё ещё болела, но уже меньше. Слегка тошнило. Я заметил, что на драконьей лапе прикорнул кот — живой, невредимый и даже с виду вполне довольный. Я долго перебарывал всё это, наконец спросил (причём прозвучали мои слова весьма жалко):

— Оура?!

— Да, да... наконец-то до тебя дошло, что я не русалка, — довольно кисло отозвалась она.

Ну да, русалкой она не была, но разве человек не может ошибиться? Откуда мне

разбираться в русалках? Или в драконах?! Дракону полагается нападать на пастухов, красть овец и собирать драгоценности. И никто никогда не говорил мне, что дракон может быть болтливой бабой, которая подсчитывает, сколько ног у жуков, да к тому же может перепить дружину дровосеков. Таким премудростям я не учен!

Расскажи мне кто нечто подобное — в жизни бы не поверил... Только подумать: сижу себе посреди леса и болтаю с драконом! То есть с драконшей. Я и сам не верил, даже пришлось потрогать её, чтоб убедиться. Нос у неё был такой же бархатный, как конская морда, а мех густой и мягкий, точно волчья шкура зимой.

— И что теперь? — неуверенно спросил я.

Как-то странно я себя чувствовал. Столько времени вместе! С драконом! С кровожадным чудовищем! Я ведь с ней и ел, и спал рядом, и болтал часами. И смеялись мы порой, как безумные, над какими-нибудь пустяками. А это, оказывается, и есть страшный, жестокий дракон? Может, она и была страшна, особенно когда приходила в бешенство, но уж наверняка не жестока.

— Теперь, наверное, я вернусь домой, — ответила она, оглядываясь по сторонам.

Я тоже осмотрелся. Вокруг валялось множество трупов, а над ними уже начинали кружить мухи. Разумеется, лучше тут не задерживаться. Прежде всего я обшарил труп Каракули и стянул у него оба перстня с пальцев. Потом перетряхнул тюки в поисках своей собственности. Случайно обнаружилось несколько долговых обязательств, которые свидетельствовали, что Равелн не только меня обдурил. С истинным удовольствием я сжёг все векселя до одного. Там было ещё несколько мешочков с золотом, и я присвоил их без малейших угрызений совести. Полагалась же мне компенсация за разбитую башку, за медленную варку на солнышке в собственном поту и за грабеж. А кроме того, надо было быть полным идиотом, чтобы оставить золото. Только вот не вызывало оно во мне особо сильных чувств. Ещё недавно я бы с ума сходил от радости, что мне такое состояние досталось, а вот теперь только заглянул в кошель и кинул их в свою сумку. И подумал, что золото очень кстати, потому как крыши у нас протекают всюю и надо бы их починить перед осенними ливнями.

Перстни были парные — совершенно одинаковые золотые оправы с узором, только один с жемчужиной, а другой — с круглым изумрудом в лапках. И когда я смотрел на них, что-то такое возникло в моей разбитой голове. Оура никогда не хотела ни малейшей доли от нашей добычи, а ведь без неё я бы ничего не добыл.

Её же абсолютно не интересовали блестящие безделушки. А ведь именно Оура проводила меня к Медянке, и только благодаря её помощи я остался жив. Она спасала меня даже дважды: в драконьем ущелье и тут, в лесу. Должна же она хоть что-нибудь получить за это. Я отхватил приличный кусок шнура, найденного среди вещей, нанизал на него перстень с жемчужиной и подошёл к Оуре, которая беззаботно играла с котом.

— По-моему, ты должна это взять, — сказал я, поднимая необычную подвеску обеими руками.

— Не нужно, — ответила она, но подставила голову, чтобы я мог надеть ей на шею ремешок: минуя уши и затылок, перстень утонул в пушистом мехе на её груди.

— Это на память, — пояснил я. — По правде говоря, перстеньки дарят женам, но ведь ты не можешь... то есть ты могла бы, если б была девушкой, но драконы... эх!

Я беспомощно развёл руками. Совершенно по-дурацки запутался я во всём этом и предпочитал уже не погружаться дальше. Ясно же, что я не взял бы в жены драконшу, даже если б она могла превращаться в такую симпатичную и неглупую девушку.

— Понимаю. Только я и так буду тебя помнить. Всегда. Никогда тебя не забуду, Эрил, потому что мы, драконы, никогда ничего не забываем. Вещи не важны, память важна.

Я тоже буду помнить её до конца жизни. Такое не забывается.

— А, собственно, почему ты мне помогала? Я ведь хотел тебя убить.

Она небрежно полизала лапу.

— Скучно мне было. Я была так одинока... А ты милый. Может, не слишком умный,

но милый. У тебя были проблемы, почему же мне было не помочь тебе?

Я прямо-таки чувствовал, как в голове у меня что-то переворачивается. Никогда я уже не смогу думать о драконах как о неразумных жадных чудовищах, никогда в жизни! Может, кто-то и назовёт меня безумцем, но я обнаружил в Оуре гораздо больше человеческих достоинств, чем в таком вот Каракуле из Равелн, который был обычным скотом в образе человека.

Я отвязал всех лошадей и погнал их в лес. Как-нибудь сами о себе позаботятся. Брать их с собой было бы безрассудно, хотя каждая стоила прилично. Не дай бог, кто-то узнает в них собственность Равелн! С меня хватит уже хлопот.

Каштана же я вел, крепко ухватив уздечку у самой морды, потому что он нервничал и вскидывал голову, обеспокоенный тем, что драконша идет с нами. Кот сидел у меня на плече, урчал, как маленькая мельница, и время от времени терся о моё ухо. Забавный зверёк.

— Пока, Оура. Спасибо. Я буду помнить.

— Разумеется. До свидания.

И мы попросту разошлись в разные стороны. Недоделанный убийца драконов с кольцом на пальце, ха-ха... и чудовище с драгоценностью на шее. Не было у нас венчания, но я знал, что, куда бы ни направился, что бы ни делал, тень Оуры всегда будет со мной. Я буду чувствовать её за спиной, и это, как ни странно, придавало мне отваги.

Постойте, что она сказала? «До свидания»? О небо!..

АНДЖЕЙ ПИЛИПИК **(Перевод с польского Андрея Беянина)**

КОТЁЛ

Субботний вечер в корчме обещал быть интересным. За окном дул порывистый ветер, стучали одинокие капли дождя, а внутри было тепло и уютно. В старой литой печурке типа «козла» весело играли языки пламени. Заигранная кассета магнитофона разливала по всему помещению близкие простому деревенскому уху мелодии фолк-диско. В массивном советском холодильнике охлаждалось пиво. Из кухни доносился приятно-щекочущий запах шашлыков из крысы-нутрии, жаренных на старом маргарине...

Старый казак Семён, из белоэмигрантов, вольготно раскинулся за столом. Мундир российской кавалерии времён Первой мировой изрядно протёрся на локтях, а на груди сиял разводами пятен от пива. Однако высокий рост, стать и выправка старца до сих пор производили впечатление. Небольшая группка завсегдатаев, потягивая пиво, уже в пятнадцатый раз слушала его рассказы о войне в Манчжурии. Раз за разом выяснялись всё новые подробности, интересные элементы, и по мере алкогольного опьянения эскадрон Семёна бил всё больше врагов, добывал ещё больше трофеев и всё ближе и ближе подбирался к Пекину...

Когда казаки уже рубились практически на ступеньках дворца китайского императора, дверь в корчму распахнулась и вошёл промокший до нитки Иосип. Побystрее протолкался к барной стойке и, демонстративно отвергнув предложенную водку, попросил светлое пиво с лимоном и кубиками льда. Он где-то прочёл, что такова новая заграничная мода и так пьют только аристократы. Приятно же потягивать не спеша золотистый напиток с осознанием, что в простой деревенской кнайпе хорошего человека обслуживают не хуже, чем в ихнем «Хилтоне»...

С пивом он и подсел к столу старого казака. Тот как раз заканчивал рассказ традиционно страшной резнёй, в которой все его побратимы погибли, и лишь он один чудом ушёл живым с верной шашкой и трофейной вазой династии Мин.

- Якуба не видел?
- Сегодня нет. — Семён пьяно покачал чубатой головой.
- А не знаешь, где он может быть? Казак пожал плечами:
- Не имею понятия, сам жду. Черти, что ли, его побрали...

Черти побрали Якуба Вендеровича неожиданно. Он как раз рубил дрова под котёл с самогоном, когда внезапно раздался подозрительный треск и повеяло серой, а во дворе появились два рогатых товарища. Деревенский экзорцист окинул их внимательным взглядом и невозмутимо продолжил работу. Более высокий бес деликатно покашлял...

- Чё надоть? — культурно спросил хозяин.
- Э-э... как бы вам сказать, — начал чёрт, — меня зовут Асмодеем...
- По-нашему это Смолюх. — И Якуб одним ударом топора расколол солидный пенёк.

Неделю назад он открыл для себя, что растёртая в порошок виагра, смешанная с машинным маслом и втертая в кожу, делает мышцы твёрдыми, как камень. Вообще-то украинцы дорого запросили за те голубенькие таблетки, но дело того стоило. Никогда в жизни он не ощущал в руках такой силы...

- Смолюх? — Высокий бес неуверенно покосился на собрата.

Якуб демонстративно расколол одним ударом толстый дубовый чурбак.

- Нас прислал Борут, — пояснил чёрт, который был пониже.

— И чего надо этому дураку? — Экзорцист собрал охапку поленьев и пошёл в сарай, где на печи его уже дожидался массивный котёл с брагой.

— Так, значит, Борут... — снова начал низкий чёрт, но договорить не успел — одним движением руки старик поймал его за шиворот, согнул пополам и с полной силой дёрнул за хвост.

Бедный бес изрыгнул огнём прямо в печь! Сухие дрова вмиг заиграли пламенем...

— Благодарю за сотрудничество. — Вендерович стряхнул сажу с рук.

Бес дотронулся до хвоста и взвыл от боли...

— Так это... того, тут, значит, есть одна проблема... — Высокий чёрт на всякий случай отодвинулся в сторону.

— Мои финансовые условия вам известны, платите золотом или валютой. Половина — авансом, другая половина — после исполнения работы...

— Мы, кажется, недопоняли друг друга, — буркнул тот, что ещё массировал свой хвост.

— Ну так какого хрена вы мне голову морочите, если не по делу? — разозлился Якуб.

— Понимаешь, у нас так сказать, служебное поручение.

— Да ну?! А по-человечески можешь объяснить?

— Чего ж тут особенно объяснять... — пожал плечами Асмодей.

Его сотоварищ вытянул из кармана бейсбольную битку и смачно припечатал ею по лбу Якуба. Они умело запаковали экзорциста в большой чёрный мешок и воровато переглянулись.

— Айн, цвай, драй! — И в тот же миг оба чёрта с важным грузом провалились сквозь землю. Запах серы ещё держался около минуты, но потом и он развеялся...

Взлётная полоса из чёрного базальта легко завибрировала, когда на ней материализовались двое похитителей.

— Наконец-то дома... — Низкорослый сентиментально втянул ноздрями насыщенный гарью воздух и подкинул мешок на спине.

Внезапно он издал звук, подобный сливаемой из бачка в туалете воде. В уголке его рта появилась чёрная кровь, и чёрт рухнул мордой на холодный базальт. С треском лопнул мешок, и оттуда вылез мрачный экзорцист. Резким движением он выдернул из спины убитого армейский штык-нож от автомата Калашникова и вытер клинок о рукав эсэсовской куртки:

— Я тебя научу, сволочь, как пенсионеров палкой по лбу бить!

Перепуганный Асмодей в шоке вытянул из пальца антенну и быстренько позвонил в «скорую помощь». Ему ещё и не успели ответить, когда что-то острое кольнуло его в затылок...

— И ты в морг захотел? А ну колись, куда я, блин, попал?!

— В преисподнюю, — честно проинформировал бес.

— Это я вижу, — огрызнулся старик. — Только какого хрена?!

В эту минуту прибежали рогатые санитары с носилками. Один нагнулся над зарезанным.

— Рана колотая, посеребрённым и освящённым клинком, — доложил он кому-то по мобильному телефону. — Срочно приготовить реанимационный блок.

— Выкарабкается? — запереживал Асмодей.

— А куда денется? Сердце ему новое склонируем, хотя и проведёт несколько месяцев в реабилитационном пункте.

— Тьфу, холера... Ладно, идём, начальство разберётся. — Асмодей обернулся к Якубу, но того и след простыл...

Экзорцист осторожно выглянул из кладовки со швабрами. Сирена была во всю мощь и, казалось, вообще не собиралась отключаться. Похоже, его всё-таки ищут... Якуб задумчиво поправил на себе немецкую куртку; как он заметил, здешний персонал носил такие же, а в темноте отсутствие рогов не так бросалось в глаза...

— Нет, ну ведь должен у них тут быть лифт наверх? Может, ещё какого чёрта поймать, пятки прижечь, он и расскажет как миленький...

По каменному полу зацокали подкованные сапоги. Небольшой взвод явно спешил на поиски его, грешного...

— Вот дураки, — ухмыльнулся Якуб, пристраиваясь вслед. — Щас разберемся, что у вас к чему...

Долгий коридор заканчивался массивными воротами. Из-под них выбегали железнодорожные рельсы. Дорога кончилась...

— «Центральный отдел перевоспитания грешников. Польский район. Отдел неисправимых случаев», — прочитал над входом экзорцист, пнув дверь ногой. — Итак, заотделением И. Борот.

— Пароль! И пропуск покажи! — гаркнул на него рогатый часовой с той стороны. Секундой позже он рухнул навзничь с посеребрённым штыком в сердце, зарезанный, как поросёнок...

— Жаль, что вас, козлов, можно воспроизводить без конца, — фыркнул Вендерович. — Ведь черти ж практически бессмертны... по крайности до Страшного суда.

Потом отрезал хвост, вытащил у трупа пропуск и засунул тело в мусорник, стоящий у стены. Прицепил себе чёртов хвост и решительно шагнул в двери.

— Ой, чей-то многовато здесь пропащих перевоспитанников, — хмыкнул он, окидывая взглядом раскинувшуюся картину.

В огромном зале, вырубленном прямо в сердце чёрной базальтовой скалы, горело множество огней. Дым и пар немного затрудняли обзор, но огромные ряды котлов с кипящими в них грешниками простирались на километры. Те же, кто уже показали себя частично перевоспитанными, подкидывали лопатами уголь в огонь...

Сначала Якубу показалось, что за грешниками никто не смотрит, но в тенёчке дремали здоровенные черти с вилами в руках. Рельсы уходили вдаль...

— Ага, — догадался пенсионер, — вот, значит, где лифт. Туда и ходу...

Он не спеша двинулся вперёд, старательно прячась по наиболее тёмным местам. Неожиданно его слуха коснулся знакомый голос:

— Якубчик, внучок, — тянул к нему руку сухонький старичок, плавающий в кипятке.

— Дедушка? — поразился экзорцист.

Он отлично помнил, что его дед был отпетым мошенником, и очень даже возможно, что только в пекле ему и место, но... Но вот чтобы так, сразу в отделение неисправимых случаев, за что?! Вендерович подошёл поближе...

— Куда? — На его пути встал чёрт с вилами. — Разговоры с заключёнными строго запрещены. И вообще, ты кто такой?

— Погоди, дедуль. — Якуб повернулся всем корпусом. — Я тут должен кое с кем объясниться по поводу забавного недоразумения...

Правым угловым, усиленным виagrой, он ударил противника снизу в подбородок и сбил с ног. Тот, падая, стукнулся головой о край котла...

— Какого... — начал было бедняга, но сразу умолк — Вендерович добил его лопатой в висок.

Мёртвое тело подкинул в огонь, к дровишкам... Туда же для уверенности добавил две лопаты угля.

— Ну и чего это мы тут поделяваем, дедушка?

— Якубчик, миленький, вытащи меня отсюда, — залебезил недоваренный предок.

— Ага, как теперь, так Якубчик миленький, а кто золото свистнул?!

— Какое золото? — неискренне удивился старик.

— Как какое?! — сорвался Вендерович-младший. — Ты ведь, рухлядь старая, все папкины и дядькины сбережения у нас увёл, а самого и след простыл...

— Прости, внучек! Я их хотел в швейцарский банк под проценты положить... Всё равно они зазря дома пылились, а мне надо было! О тебе ведь заботился...

— Значит, пропил, да?!

— Что за нелепые подозрения?! Хотя... дело прошлое, и я тебе, молокососу, отчёт давать не обязан, — надулся старец. — А тебя самого-то за что сюда?

— Чёрт их знает, — буркнул Якуб. — Ладно, побегу я, время поджидает.

— Эй, эй! Но ты ведь меня тут не оставишь?

— Запросто, старый хрыч...

— Стой! А я тогда скажу, куда золото спрятал! — возопил предок.

— Сбрешешь, — отмахнулся внук. — Да я и сам уже себе кое-чего подзаработал...

В этот момент кто-то аккуратно похлопал его сзади по плечу.

— Семейная встреча? — Асмодей злорадно улыбнулся.

Якуб резанул штыком наотмашь, но чёрт ловко отпрыгнул в сторону, выбив нож копытом.

— Какой непослушный мальчик, — с укором начал он.

Вендерович тоже улыбнулся в ответ, признавая чужие таланты, и зачем-то уточнил:

— А в этой части ада вы держите только поляков?

— Именно.

— Тогда моего деда следует перевести в украинский сектор!

— Но когда он заполнял личное дело, то утверждал, что по национальности — поляк, — недопонял чёрт. — Языковые тесты и контроль спирта в крови только подтвердили это, следовательно...

Асмодей неожиданно понял, что опять говорит сам с собой. Экзорцист пропал...

— Вот курва драная! — в сердцах сплюнул он. Потом успел услышать свист, и метко брошенная лопата раскроила ему череп. Асмодей упал как подкошенный...

— Браво, бис! — дружно взвыли мучающиеся из соседнего котла. — Бей буржуев! Империалистов на мыло!

— А вы сами-то кто будете? — высунувшись из неприметной ниши в стене, уточнил экзорцист, возвращая себе штык.

— Мы — польские коммунисты, — гордо отозвался один с остатками подгоревшей бородки. — Дзержинский Феликс Эдмундович, к вашим услугам!

— А, Кровавый Феликс, — припомнил Якуб. — Революционер, террорист, коммунист, глава Чрезвычайной комиссии...

— Хобби — пытки, садизм и прекращение жизни себе подобных, — с охотой продолжил тот. — Хотя, признаюсь, очень тяжело наблюдать, когда меня, мучителя, самого мучают... Может, вам нужны свежие бойцы? Старая гвардия не подведёт!

— Заткнись, земляк... Я думаю.

Вендерович достал махорку и прикурил самокрутку угольком из-под котла. Долгую минуту смаковал дерущий горло дым...

— Добро, Феликс, — решил он. — Окажите одине услугу, прижмите хвост ещё одному эксплуататору!

— Служим Мировой Революции!

Якуб прихватил очухавшегося Смолюха за шиворот, приподнял и сунул в котёл.

— Обработайте его так, как только коммунисты умеют.

— Служим Мировому Интернационалу!

Судя по булькающему крику, чёрта втапывали на самое дно котла. Пожилой экзорцист тихо двинулся дальше, стараясь пропускать мимо ушей запоздалые проклятия собственного дедушки. Где-то выла сирена, пробегали охранники, но благодаря демонстративно торчащему хвосту на старика не обращали внимания.

Он лазил туда-сюда, но так и не смог найти выхода...

— В задницу вас всех с такой работой, — буркнул усталый Якуб и присел отдышаться у одного из костров.

Отцепил надоевший хвост, счистил с него волосы и запёк на углях. Достал из кармана полбутылочки первачу, отхлебнул под шашлычок. Потом пошёл по второму кругу...

Вот в этот момент его и словили. Четыре беса-коммандос ловко распластали экзорциста на прогретом полу. Тот дернулся, но безрезультатно. Парни весили килограмм по сто, и явно рабочие мышцы, не сало...

— Мефистофель, отдел охраны преисподней. — К нему подошёл скользкий тип в гражданском костюмчике. — Сожалею, но вынужден вас обыскать.

После чего надел резиновые перчатки и беззастенчиво облапал всего пенсионера. Всё лишнее выбрасывал в огонь не глядя: черенок от розы, табак, деньги, использованные носовые платки, завалившийся презерватив десятилетней давности, ключи от мотоцикла, фото пьяного Семёна...

— Хоть фотку оставь, скотина! — взвыл Якуб, но те четверо ещё сильнее вдавили его в землю.

Мефистофель отобрал русский штык-нож, выудил из кармана драных штанов пленённого ребристую гранату и недоумённо повертел её в руках...

— Что это?

— Сувенир из мавзолея Ленина, — огрызнулся Якуб.

— Ага, тогда извините, — гранату опустили в тот же карман, — предметы сатанинского культа можете оставить у себя. В наручники его!

— Значит, всё-таки Ленин был антихристом, — сам себе подтвердил Вендерович.

Его поставили на ноги, сковали и куда-то повели ускоренным маршем. Четвёрка коммандос не спускала с него глаз, честно сопровождая вдоль стены с множеством пронумерованных дверей.

— И что там?

— Так, разные кабинеты морального перевоспитания, — пожал плечами Мефистофель.

— А здесь? — Старик указал на дверь со знакомым номером «02».

— Самое страшное, что ты можешь представить, — ухмыльнулся чёрт. — Будешь плохо себя вести, точно туда попадёшь.

— Да ну, интересно... — Якуб по ходу пнул дверь ногой. И в общем-то едва не закричал от ужаса — его взору предстали громоздящиеся аж до потолка коробки с упаковками эсперали «торпеда»! Одна такая штучка лишала любого честного поляка возможности пить! По спине экзорциста побежал липкий пот...

— Производит впечатление, да?

Вендеровича продолжали конвоировать в самый дальний угол. Они вошли в традиционно чёрную дверь, таблички на ней не было, а внутри царил мрак...

— Пленный доставлен! — отпартовал кому-то Мефистофель.

— Снимите с него наручники, — раздался хриплый голос из темноты. — И включите свет, наконец... Сажу как при инквизиции!

Вспыхнувшая люстра осветила рабочий кабинет, солидный дубовый стол, за которым восседал плечистый молодец в историческом польском костюме. Сверх того на его голове красовались раскидистые рога, а на пальце — огромная печать с гербом.

— Доложите ситуацию.

— Куцый на операции, освящённый штык вошёл ему прямо в сердце. АсMODEя нашли в котле у коммунистов. Ничего особенного, выживет. В клинике ему пересаживают новые глаза, печень и уши. Между прочим, это Дзержинский, гад, его так обработал... Хотя и не представляю, каким чудом он умудрился сделать это без инструментов.

— Старые коммунисты могут и не такое голыми руками... — выдохнул рогатый. — Дзержинский, наш пациент, вроде и шляхтич, но палку перегнул. Пересадить его в кипящее масло на месяц. Что ещё?

— Не досчитались сторожа у ворот. Нашли только хвост — вот у этого... И ещё одного охранника нет. Но мы ищем.

— Ладно, свободен. — Дьявол кивнул головой и обернулся к пленному. — Борут, моё имя.

— Якуб Вендерович, экзорцист, — представился пенсионер.

— Знаю, слышан, присаживайся.

По одному щелчку пальцев рогатого появились высокое кресло, столик со всякой снедью, два хрустальных фужера и бутылка вина. Словно бы из-под земли появился молоденький бес, разлил по бокалам вино и исчез...

— Ну что, за встречу, да?

Выпили дружно, вино было крепким.

— А за что ж это я сюда попал? — первым делом поинтересовался Якуб.

— Сейчас посмотрим. — Борут протянул руку, вынул из навесного шкафа толстую папку кагэбэшного типа. — Вот-с, накопилось грехов выше крыши. Конечно, ты имеешь полное право жаловаться, знакомиться с материалами дела, с доказательствами вины, с судебным приговором. Но поверь мне, мы никогда не ошибаемся.

— И от чего я умер?

— Да ни от чего. Видишь ли, в крайних случаях мы похищаем нужных лиц непосредственно в ад. В своём роде это привилегия, такого уже лет триста не случалось.

— А где здесь лифт? — продолжал гнуть своё Вендерович.

— Отсюда ещё никому не удалось удрать, — улыбнулся рогатый. — Пойдём, покажу тебе кое-что...

Они вышли через другую дверь, и взгляду экзорциста предстал здоровенный стальной котёл. Несколько грешников уже разводили под ним огонь. Для кого и для чего — сомнений не было...

— Спасибо, но что-то не настроен принимать ванну.

— А мы тебя спрашивать не собираемся. Быстро разделся и в котёл!

— Накось выкуси! — Якуб не раздумывая показал международный ругательный жест из оттопыренного среднего пальца.

За спиной Борута мгновенно выросли десять накачанных бесов в спортивных костюмах «Адиас» с бейсбольными битами в руках.

— Ты не думай, пожалуйста, что ты такой уж особенный... Играть с тобой никто не собирается. Лезь в котёл по-хорошему, нет — мы поможем.

Вендерович выудил из кармана небольшой пузырёчек, встряхнул:

— А вам такая водичка знакома?

— Аш-два-о освящённая, — презрительно хмыкнул дьявол. — Вещица ценная, да только маловато будет... Хватит-то, может, всего на одного чёрта. А нас тут сколько?

Хладнокровный старик бегло прозондировал обстановку. Черти лезли буквально из всех щелей, толпились между котлами, а особо крылатые даже парили под потолком. И все старались протолкнуться поближе к нему, как главному герою сегодняшнего представления...

— Ну похоже, где-то сотни три вас набирается.

— Более двух тысяч! — Борут рассмеялся. — Знаешь, сколько святой воды тебе бы понадобилось? Почти три тысячи литров!

Покрасневшие глаза опытного экзорциста заблестели.

— Три тысячи литров? — повторил он. — Сделаем!

После чего мигом накапал содержимое пузырька в тот же котёл. Поверхность заблестела и запузырилась — святая вода не растворяется.

— Ты чего? — слегка занервничал рогатый. — Как мы теперь это нейтрализуем?! А тебя так и так не спасёт. Чем набирать будешь, рукой? И брызгать в нас, да?

— А и буду брызгать, — окончательно завёлся Якуб, — тока вот не рукой!

Борут уставился на Вендеровича. Их взгляды скрестились и лязгнули. Нечистому очень не понравилось выражение этих голубых, блёклых, свинячьих глазок экзорциста — в них не было страха. А ведь по идее должен быть...

— Быстро поднял руки и отошёл от котла! — прозрел рогатый, хватаясь за уже бесполезные вилы. — Это последнее предупреждение и...

Якуб демонстративно поднял руку — в ней была круглая граната без кольца. Нарочито медленно она плюхнулась в котёл...

— Ложись! — взвизгнул дьявол.

Через три секунды детонатор сработал... -

БУУУУУММММ!!!!

В кабинете Люцифера завывла сигнализация, одновременно замигали несколько красных лампочек.

— Что за чертовщина? — удивился он. Потом включил главный компьютер, сел перед монитором и вызвал диспетчера.

— В польском секторе произошло массовое поражение святой водой, — проинформировал механический голос. — Приблизительное количество токсичной субстанции — около трёх тысяч литров.

— Холера ясна! — сорвался с кресла Люцифер, хватая микрофон. — Внимание всем службам безопасности! Объявляю общую тревогу для всех подразделений. Всем медслужбам немедленно отправиться в польский сектор. Клиникам приготовиться к приёму тяжелораненых.

Из коридора донеслись гулкие шаги. Возле ворот адской канцелярии маршировал сводный тряд спасателей. Со стороны польского отделения выносили покалеченных и обожженных чертей. Казалось, носилкам не будет конца...

Глава преисподней быстро определил ожоги третьей степени. Так прожечь ткани дьявольского тела может только святая вода или священные регалии.

— Старший спасатель Бесовски! — Ловкий паренёк в прорезиненном комбинезоне отдал честь.

— Докладывайте! — потребовал Люцифер.

— Мы не имеем понятия о том, что произошло, сир! Смахивает на вмешательство сверху...

— Это невозможно. Во-первых, до конца света ещё много времени, во-вторых, меня бы уж предупредили, — буркнул владыка, но на всякий случай сверился с календарем.

— Но только святая вода могла привести к таким катаклизмам.

— Сам знаю! Вот откуда тут, к чертям, святая вода?!

— Неизвестно. Но её действительно было много.
— Сколько раненых?
— На данный момент вынесено около трёхсот, но проверили пока ещё не всю пещеру. Многие заживо погребены под обломками, — понуро доложил Бесовски. — Что ещё хуже, грешники разбрелись по всей территории, разграбили склад с продовольствием и штурмом взяли арсенал. В куполе образовалась дыра, но наши внутренние войска пробуют обороняться.
— Длина и глубина дыры?
— Около двух километров вверх.
— Зацементировать немедленно, покате, что сверху, не заметили. И принеси мне комбинезон, я намерен лично осмотреть всё!

Через полчаса Люцифер во главе спецотряда спасателей вошёл в поражённый корпус. Повсюду были разбросаны перевёрнутые котлы, остатки угля дымились под ногами, часть потолка осыпалась, освещение вышло из строя. То там, то тут блестели серебряные капли святой воды...

— ЧТО ПРОИЗОШЛО?! — в полный голос взревел Люцифер.
Все пригнулись...
— Может, атомная бомба? — осторожно пискнул кто-то.
— Чушь, от неё бы не было столько разрухи!
Обломки рабочего инвентаря преграждали путь. Отовсюду доносились стоны раненых, из-за собранной на скорую руку баррикады коммунисты обкидывали спасателей камнями. Заражение вызывало сильную аллергическую реакцию, многие медики ада просто падали в обморок...

Возле одного из разорванных взрывом котлов, в дальнем углу, лежал обгоревший щеголь в польском народном кунтуше. По специфическим приметам был опознан Борут, святая вода до костей прожгла его кожу и мясо. Сначала подумали, что он мёртв, но он находился в пограничном состоянии...

— Что здесь произошло? — зарычал Люцифер. — Отвечай, это твоя работа?!
— Ничего... не знаю, — еле слышно выдохнув, попытался солгать шляхтич.
— Как это не знаешь?! Это ведь твой сектор!!!
— Не знаю... всё вдруг... не помню...
Люцифер Опустил взгляд и поднял с земли осколок разбитой бутылки. Рискую быть заражённым, осторожно принялся...

— Якуб Вендерович, — по запаху определил он изготовителя самогона. — Кому пришла в голову эта идиотская идея?!

— Он же... сукин сын! По нему давно котёл плачет, столько... лет нас за нос водил, — едва не рыдал сам Борут.

Кусок потолка со стоном рухнул на пол; преисподней потребуется капитальный ремонт. Плюс-минус один год, чтобы здесь вообще нормализовалась рабочая обстановка. Губы Люцифера расплылись в снисходительной улыбке:

— Борут, Борут, куда же ты спешишь поперёд батьки в пекло? Как водку пить, так у тебя голова крепкая, а вот мозги на манер швейцарского сыра. Ты что, всерьёз ожидал, что сам Якуб Вендерович просто так и позволит себя в ад запаковать?!

— Но... вышло ведь! Почти...
— То-то и оно, — сплюнув на пол, резюмировал Люцифер. — Почти... опять почти...

Секрет прокисшего самогона

Якуб Вендерович с непередаваемым выражением удовольствия на лице вкатил в сарай столитровую бочку от бензина.

— Ого, — уважительно признал притулившийся в углу Йосип.

Экзорцист мощным рывком штангиста поставил канистру на печь, как правило служившую для отвара картошки свиньям. Прикрутил крантик, повесил на него ведро, припаял внутрь медную трубу, закрутив оную спиралью. Наполнил канистру льдом, изготовленным кустарно, с помощью собственного холодильника.

— Добре, — обрадовался Семён.

Из отверстия в крышке канистры Якуб вытянул часть трубы, подсоединив её к верхней части морозилки. А на дно сунул резиновую трубку, соединив весь чудо-агрегат с бидоном из-под молока, потом запустил руку в карман, выудил модельную зажигалку Zippo и развёл огонь.

— Красивая вещица, — хмыкнул казак. — Где взял?

— В руке...

— Как это в руке?

— Ну так. Лежала себе во дворе рука. Смотрю, а в ней блестит что-то. Подошёл, разжал пальцы, а там — зажигалка! — ровно объяснял Вендерович, приглядывая за огоньком.

— Что? Вот просто так рука себе на земле лежала?! — включился поражённый Йосип.

— Нет, конечно... Сначала мне пришлось отрубить её одному здоровенному лысому фраеру в спортивном костюме, с толстой цепью на шее, — признал деревенский экзорцист. — О! У него ещё и телефончик был, разряженный... Думал, если у него два пистолета, то он весь крутой и может ночью на мои сбережения зариться!

Якуб демонстративно сплюнул в угол сарая, туда, где под мусором высился небольшой бугорок свежевскопанной земли. Подбросил полешек в печь и придавил крышку канистры кирпичами. Огонь играл, бражка понемногу разогревалась, экзорцист оттопырил волосатое ухо:

— Хм, скоро начнёт капать...

Неспешно протопал к хате, приволок оттуда уже ободранную от шкурки собачью ногу, разделочную доску и тесак. Умело покрошил мясо порционными кубиками. Семён привычно достал из угла старое велосипедное колесо с остатками спиц, выломал три штучки и помог насадить на них мясо, перемежая кружочками лука.

— А собачка-то откуда? — зачем-то спросил Йосип, привычно приподнимая «шампуры» над огнём.

— Да ничейный вроде, — попытался припомнить Якуб, — приполз ко мне больной и полудохлый.

— А полицаи из Войславиц вывесили объявление, что у них собаку украли. Кажется, боевого ротвейлера...

— Так пускай лучше смотрят за своим хозяйством, — огрызнулся экзорцист.

С полчаса спустя вся компания уже пила себе приятно тёплый первачок, закусывая свежим шашлычком. Вендерович как раз стягивал со спицы новый кусок, когда что-то металлически хрустнуло...

— Пся крев! — Он сплюнул наземь смятый кусочек металлической проволоки. — Совсем озверели в полиции, уже собак железяками набивают! Чуть зуб себе не сломал...

Старый казак поднял деталь и вскинул бровь.

— Это ж микрочип для индефикации животных. Значит, за казённую собачку, да?!

Троица церемонно чокнулась. Уже давно перевалило за полночь, когда Семён и Йосип, едва ли не в обнимку, повалились храпеть на сеновале. Гостеприимный хозяин принял ещё стакан и тоже улегся, засыпая с чувством выполненного долга. В бидоне из-под молока сонно плескалось ещё литров двадцать райского напитка. Эх-ма, хватит гулять на целую неделю!

— Ну что, наливаю по маленькой на опохмел в честь доброго утра? — первым делом предложил Якуб, когда все проснулись.

— Святое дело! — кивнули товарищи.

Мигом раздули огонь, допекли оставшуюся со вчерашнего собачатину и разлили в

стаканы самогон. Йосип сделал первый маленький глоток и страшно скривился:

— Какого хр... Якуб, он же прокисший!

— Дурак, водка не киснет, — буркнул под нос Семён, но, попробовав, сплюнул. — Как есть кислая! Хина какая-то...

— Холера ясна, — недоумённо пожал плечами Вендерович, — да я семьдесят лет гоню самогон, а вот такенное свинство в первый раз вышло. Это ж на грани невозможного! Ладно, вино может скиснуть, молоко может, но чтоб водка?!

— И что теперь делать? — грустно присели все трое. Канистра была приятно полной и безнадёжно испорченной...

— В канаву, — мрачно решил Якуб, — через недельку сделаю свежую...

В следующую субботу они так же сидели у печи. На спицах пеклись куски «бездомного» кота. Из крана капала мутная жидкость. Строгий экзорцист не спускал глаз с процесса, всё ещё тяжело переживая прошлое фиаско...

— Не казни себя, друже, — ухмылялся казак, — и на старуху бывает проруха.

— Но... кислая водка, — тёр виски Вендерович, — этого же не бывает!

— Зато теперь самогончик — высший сорт! — первым дегустировал Йосип.

— Слышь, а почему вообще напитки скисают? — спросил у друзей Якуб. — Вот ты, Семён, человек всякое повидавший, должен знать, а...

— Ну-у... чему-то такому нас учили в кадетском корпусе, но так оно ж было лет сто назад. Не-а, не припомню, чей-то с микробами связанное...

— А моя бабка говорила, что молоко киснет, когда в него домовый написает! — неуверенно хихикнул Йосип.

— Суеверия, — подумав, признали все, — за это и выпьем!

...На рассвете Якуб проснулся от подозрительного шороха. Солнышко ещё только всходило над горизонтом, а на дощечке прямо перед раскрытой канистрой стоял натуральный домовый и уже расстёгивал ширинку! Экзорцист лет двадцать их не встречал, хотя, по совести говоря, и ранее не обращал на эту мелочь никакого внимания.

— А вот и оно, суеверие... — Старик вынул из кармана проржавевший револьвер.

Домовой неуверенно улыбнулся...

— Здорово живёшь, хозяин! Не найдёшь ли кусочка пирога в награду за заботу?

— Ага, щас я тя награжу, Кузенька! — Вендерович взвёл курок.

— Эй, дядя, ты того... не шути! Я ж тебе помогаю, а ты...

— Помогает?! — едва ли не взвыл Якуб. — Ах ты, недобитый пережиток старины глубокой! Двадцать литров самогонки мне испортил и на следующие нацелился?!

— Какой самогонки? — Домовой нервно застегнул штаны.

— А той самой! Кто, гад, на прошлой неделе надул мне в канистру?

— Ну я... так это мой долг! Мы, домовые, всегда людям в молоко писаем, чтоб скисало на творог да простоквашу. Вот и я, как вижу полный бидон, так сразу в него и...

— Идиот... — экзорцист опустил оружие, — это не бидон, а канистра. И держат в ней не молоко, а самогон! Ясно тебе?!

— Нет...

— Не знаешь, что такое самогон?!

— Да откуда ж, — окончательно повесил голову домовый, — я ведь только-только из лесу. У вас в деревне неделю назад место освободилось, вот меня сюда и определили. Чтоб помогал, значит... Прости, дяденька... Я ж не знал...

— Смотри и учись. — Старый Якуб осторожно поднял домового под мышки и переставил ближе к столу. — Вот это шашлык, а вон то кислый огурчик...

— Знаю, это знаю! В бочку с огурцами я уже писал!

— Тьфу, а я их ел... Так, смотри сюда, вот это самогон. — Вендерович вытер об штаны стакан, плеснул первача и подал новому знакомому.

— Ой, пахнет как-то... — сморщился домовый. — И чё с ним делать надо?

— Пить! — со слезами в голосе торжественно объявил хозяин. — Это же самое важное открытие человечества!

Домовой послушно отхлебнул.

— Крепкое... И греет так! Прямо как камышовое вино, только лучше...

— Закусывай мяском, а то ещё свалишься у меня тут... А я себе, пожалуй, тоже стопарик налью.

За первым стаканом наполнился и второй, потом третий...

— А теперь я объясню тебе, что такое тост!..

Семён продрал глаза часом позже. По сараю метались невнятные тени, и сухопарую фигуру друга он узнал не сразу. А вот когда узнал наверняка... Перед красным Вендеровичем отплясывал украинский гопак маленький, в дрезину пьяный домовой в посконных штанах и в бараньей шапке, лихо сбитой набекрень!

— Всё — хана, белая горячка, — застонал старый казак, отвернулся и захрапел снова...

Имплантат

За одним из столов в Войсловицкой корчме сидел всем известный экзорцист Якуб Вендерович и не представившийся полковник Советской армии, который случайно забрёл в эту дыру, возвращаясь с проверки гэдээровских гарнизонов. На столе стояли бутылки из-под вина, пива, водки и полканистры медицинского спирта. Двое сидящих вели дуэль: кто больше выпьет?

«Секунданты», немолодой конюх и молоденький лейтенант, уже валялись без задних ног, никакие до безобразия. «На войне как на войне»! Толпа ротозеев из соседей Якуба и подопечных полковника успешно делала ставки. Победа не давалась никому...

Где-то ближе к полуночи русский полковник прекратил автоматическое осушение стаканов и, приобняв поляка за шею, дыхнул ему в лицо:

— Слышь, лях... А вот ты когда-нибудь пил по ступенькам?

— Н-не знаю, это как? — сразу заинтересовался Якуб.

— На каждой ступени ставим стопарик и проверяем, кто выше дойдёт. Кто дойдёт... понял?

— Добже, — охотно согласился Вендерович. — Щ-щё ж тут н-не пнять.

Собутыльники не нуждались в повторениях, русский взял спирт, а поляк вытряс у корчмаря полную корзинку стопочек. Помещение в мгновение опустело, все бросились следом, не желая терять ни интерес, ни деньги. Полковник перекинул Якуба через небольшой заборчик, после двух попыток перелезть самому попросту сломал его и направился за «другом» к старой церковной колокольне.

Первый этаж давно служил вместо автобусной станции, дверь, ведущая наверх, была закрыта. Взлом замка для обоих оказался плёвым делом. Смешанная русско-польская комиссия тщательно наполнила стопки водкой, расставляя от первой ступеньки до последней.

— Панове, ес-с-сли мы упдём и случится, не дай Матка Бозка, как-кое-то н-щ-счастье, помните: не хороните меня в бр... бр... бртской мгиле с этим большевиком! — покаянно раскланялся Якуб, обнял погрузневших товарищей и обернулся навстречу судьбе.

— Поехали! — грозно рявкнул полковник.

Ступеньки были высокими, по две стопки на каждой, пить надо было честно. Русский к середине лестницы без предупреждения лёг и захрапел. Якуб уже был до такой степени пьяный, что ничего не заметил, продолжая броуновское движение. Он карабкался всё выше и выше, ни пропуская ни одной рюмки. Остановился только на самом верху, там, где когда-то висел церковный колокол, покоившийся теперь на старом австрийском кладбище.

Вендерович выпил свой последний стопарик и выглянул через узенькое окошко. Свесил голову вниз, помахал счастливым односельчанам и, кое-как развернувшись, на

четвереньках двинулся обратно.

Пару минут Якуб с ухмылкой ждал русского, но, видя, что тот не спешит, пополз вниз, по дороге мстительно выпивая стопарики конкурента. Полковник ни на пинки, ни на уговоры не реагировал, заняв могучим телом почти всю лестницу. Посетовав на судьбу, коварно лишившую его такого «друга», старый поляк двинулся дальше...

Когда он достиг уровня земли, то и на четвереньках мог стоять уже с большим трудом. Бесстыжие «секунданты» давно смылись, наверняка в ту же корчму праздновать победу. Лишь двое солдат-срочников вынужденно топтались у входа в пустой надежде дожидаться боевого командира. Якуб тоскливо завыл на полную луну и, ковыляя, как хромой волк, направился к своей хате на Старый Майдан, ровно восемь километров к северу.

Его навигатором был непропиваемый инстинкт, и, словно почтовый голубь, он устремился домой, спеша к своей маленькой подпольной самогонной фабрике. Тело двигалось на автомате, а могучий разум пытался бегло решить головоломные проблемы подделки акцизов и обхода государственной монополии на спиртные напитки.

Вендерович упал для передышки на высоком холме. Ночной ветер на минуту протрезвил сознание. Якуб пришёл к выводу, что его пытаются завалить маленькие и злые щенки. Щенки были белые в чёрных пятнышках и что-то пели. Экзорцист повалился на землю, начав кататься, чтобы их с себя скинуть. Не вышло, заразы уцепились крепко. Всплакнув от огорчения такой неудачей, Якуб развернул лицо к звёздам, пытаясь вычленить среди них Большую Медведицу и найти путь домой. Но как назло, именно в тот момент, когда путь определился с кристальной чёткостью, верный навигационный инстинкт молча погас...

Одна из сияющих звёзд начала падать. Падая, она всё увеличивалась в размерах и плавно рухнула на склоне холма. От шума и света Якуб мгновенно очнулся, дыхнул на метр ароматными спиртами и, ничуть не удивившись, направился к звезде. Пошатываясь, покачиваясь, спотыкаясь, но уже на двух ногах, с твердым намерением выяснить...

Звезда лежала в небольшой воронке и матово блестела в свете луны. Якуб Вендерович подошёл поближе и убедился, что звезда была не пятиугольной, а круглой. Осторожно приблизился к ней, но она оказалась ещё ближе, чем Якуб предполагал, так что он стукнулся об неё головой. Присел, потёр лоб, затем вытащил из кармана перочинный нож и начал её деликатно шкрябать. Общеизвестно, что звёзды делают из серебра. Хм, значит, эта оказалась какой-то неправильной, слишком твёрдой, потому что её не удалось даже поцарапать.

А потом из боков звезды открылись двери и оттуда вышли звёздные люди. Этого Якуб никак не мог предугадать. Приняв горделивую позу, он придиричиво разглядывал их несколько минут. Люди были маленькие, зелёные, большеглазые и имели по три ноги. Поляк снял с себя несколько белых щенков и натравил их на пришельцев. Но нахальные щенки почему-то отказались выполнять его команду. Потом он рухнул, но не на землю, а завис в воздухе. И заснул...

Шесть пришельцев наклонилось над телом землянина, пребывавшего в анабиозном блаженстве. Командир настраивал загадочную диагностическую аппаратуру неземного производства.

— Сэр, — неуверенно начал один из офицеров, — я сомневаюсь, что этот объект подойдёт для нашего эксперимента.

— То, что он находится в состоянии крайне далёком от сознания, ещё ни о чём не говорит. Как вы знаете из данных, собранных нашими этнографическими миссиями, эти аборигены раз в месяц громко объявляют местный праздник, называемый у них «зарплатой». Тогда, как правило, все пьют в больших дозах специфическую жидкость, вызывающую у них острые нарушения жизненных функций.

— Хм, но ведь это опасно для их организмов!

— Да, иногда случались смертельные исходы. Наши этнографы утверждают, что таким способом эти существа пробуют навести контакт с высшими силами. Их надежда на полный

контакт сильна до такой степени, что они готовы принять неизбежный риск и рискуют отчаянно. А сейчас попробуем провести сканирование запасов его памяти.

Синий луч специального пятиугольного зонда просветил мозг Якуба.

— Анализы теста? — бросил командир.

— Есть, сэр! Вот они. — Техник услужливо подал несколько листов золотой фольги.

Пришелец пристально вчитался в их содержание.

— Поразительно! Двенадцать промилле спирта в крови! Это в три раза больше, чем официально зарегистрированные данные этнографических групп других стран!

— О! Кажется, наступает частичная денатурация белка.

— Выживет?

— Скорее всего — да, в его подсознании обнаружено несколько похожих состояний. Кроме того, имеются также интересные цифры измерений его уровня интеллекта.

— Да? Неужели он у него есть?...

— Способность разума — сто семьдесят единиц, при норме сто сорок. Память — сто двадцать единиц, при норме восемьдесят.

— Поразительно, дальше.

— Агрессивность — двести, при норме пятьдесят. Отношение к контакту с пришельцами — нулевое. Либо никогда о нас не слышал, либо — не верил.

— Чепуха какая-то... Ведь каждый землянин хоть что-нибудь о нас слышал.

— Значит, он — не каждый! Что будем делать?

— Введём ему в мозг имплантат. С одной стороны, это его немного притормозит в процессе разрушения своего организма, а с другой — мы всегда будем иметь свежую информацию о действиях этого своеобразного типа.

— Есть, сэр! Ставим модель J-23-zy-113? При повышении алкоголя в крови он будет испытывать невыносимую боль...

— Думаю, да. Ради его же блага...

...Вендерович как-то странно себя ощущал. Как правило, когда он пил, в ушах ничего не шумело. А сегодня он слышал какие-то вибрации. Они отвлекали и нервировали... Дело продолжалось всё в той же корчме в Войсла-вицах. Только на этот раз напротив экзорциста сидел генерал Советской армии, пожелавший ради спасения чести дивизии продолжить поединок. Проигравший полковник мрачно покачивался на стуле для секундантов. Врачи запретили ему минимум полгода брать спиртное в рот. Якуб на минутку оторвался водки, чтобы прополоскать горло пивом. Непривычное бречанье в ушах нарастало. А потом неожиданно из одного уха пошёл дым... Заметив это, генерал расстроено покачал головой:

— Допился, «белочка»! А ведь говорила мне жена...

Поляк искренне удивился. Разве белая горячка может быть после четырёх бутылок? Раньше русским всегда надо было минимум шесть!

— Наверное, старею, — погрустнел генерал, задумчиво отмахиваясь от вонючего дыма, валящего из уха экзорциста уже клубами.

— А сколько вам лет? — сочувствующе спросил Якуб, не обращая внимания на вытянутые лица секундантов.

— Шестьдесят.

— О-о, так это ещё не возраст. Мне восемьдесят три... Значит, продолжения не будет?

Пошатываясь встал, пожал протянутую руку печального генерала и выпил стакан водки «за дружбу!». На мгновение в ухе вспыхнула дикая боль, потом всё прошло. Исчезло также странное бречанье...

Высоко-высоко, на геостационарной орбите, командир корабля с тупым непониманием уставился на экран.

— Конец миссии, — тихо прокомментировал он.

— Что-то случилось? — отозвался техник, наблюдающий на соседнем экране за другим

подопытным землянином.
— Имплантат сгорел...

Христо ПОШТАКОВ
(Перевел с болгарского Евгений В. ХАРИТОНОВ)

«КТО ХОДИТ В ГОСТИ ПО УТРАМ...»

С детским восторгом Лафер взирал на пышное многоцветье растительности чужой планеты, столь чудесно контрастировавшее с однообразно фиолетовым небом Сигмы. И блаженно вздыхал, вслушиваясь в разноголосье птичьих песен, заливавших окружающее пространство.

— Рай! Ей-Богу — рай! Всамделешный! — восклицал Лафер, полной грудью вдыхая воздух. Он обернулся к Крайскому, уверенный в том, что и приятель захвачен теми же эмоциями...

Но вместо этого его взгляд напоролся на банальную прозу экспедиционной жизни: Крайский, сгорбившись в три погибели, сосредоточенно колдовал над походным компрессором, то и дело что-то подсоединяя, отсоединяя, переключая, завинчивая, и посему вся реакция его на излияния Лафера выразилась в равнодушно-вежливом кивке головы.

Лафер обречено вздохнул. Ну надо же, даже Крайский, которого он считал поэтичной натурой, не разделяет его восхищения девственностью планеты! С досады он даже попытался поднять полный бидон жидкой пластмассы, едва не надорвавшись.

В стороне возвышались незавершенные конструкции, долженствующие в скором обрести вид жилых блоков. Богдан извлекал из десантного модуля упакованные двери и окна и водружал их на платформу электрокара. Крайский, наконец, справился с компрессором, и пластмассовая аэрозоль облепила каркасы строений, формируя стены лаборатории, спальных помещений и столовой. Последним «слепили» потолок, и спустя какое-то время жилище было готово.

Все это время с вершины ближайшего холма за суетой на строительной площадке с интересом наблюдали два пушистых существа.

— Гляди-ка, опять посетители. — сказал тот, что был покрупнее. Звали его Бо.

— Гораздо важнее то, что я голоден, — ответил Эрни. — А все остальное меня нисколько не интересует.

— Да ты всегда голодный! — произнес Бо с упреком. — Только о еде и думаешь, обжора.

— Ничегошеньки я не обжора. Просто хочу стать таким же большим, как и ты... Вот и ем много.

— Дурачок, никогда тебе не вырасти до моих размеров просто потому, что мы принадлежим к различным биологическим видам. Хотя и родственным.

— Да знаю я, — сокрушенно вздохнул Эрни. — И все равно... хочу вырасти.

— Зачем?

— Как зачем?! Тогда ведь и ума станет больше!

Добродушный Бо почесал за ухом, но решил не разубеждать приятеля.

— Ладно, оставим эту тему. Вернемся к пришельцам. Итак, нас посетили...

— Ну, и что с того? Не в первый раз.

— Предлагаю нанести визит. Пойдем к ним в гости. Выглядят они неагрессивно. Во всяком случае, не думаю, что они могут оказаться хуже предыдущих... Вот только не пойму, зачем гроздыят эти большие несуразные предметы?

Существа растаяли в воздухе и мгновение спустя материализовались в низком кустарнике возле десантного модуля.

Крайский выстрелил в почву последний фиксатор и удовлетворенно посмотрел на дела рук своих. Лафер в это время был занят установкой надувных лежаков в спальнях, а Богдан заканчивал монтировать климатическую систему. Одним словом, экспедиция основательно обустроивалась на чужой планете.

Лафер вышел на улицу... От неожиданности он даже ойкнуть забыл, узрев перед собой двух странных существ, сильно смахивающих на медвежат. Они нерешительно переминались у входа в столовую.

— Эй! Давайте все сюда! — крикнул он приятелям. — У нас гости.

Богдан и Крайский с осторожным любопытством разглядывали неожиданных посетителей. Из отчета первой экспедиции было известно, что на планете Сигмы хищники не водятся, хотя и были обнаружены их останки. Это казалось довольно странным и непонятным: палеонтологи установили, что ВСЕ хищные обитатели этого мира вымерли за очень короткий срок. Но ученым так и не удалось найти объяснение столь несуразному, с точки зрения биологического равновесия, «вывиху» Природы, освободившей планету от носителей агрессии.

Пушистые зверки с глазами-пуговками были очень даже симпатичны и забавны. Лафер вдруг метнулся в столовую, но минутою спустя вновь появился в дверях. Широко улыбаясь, он с деланной важностью обратился к существам:

— Милости прошу к нашему шалашу, гости дорогие! Не желаете ли угоститься?

Он демонстративно распахнул дверцу холодильника, извлек оттуда пакет с консервированными овощами и, распаковав его, положил перед существами.

— Вот, покорнейше прошу отведать. Как говорится: чем богаты, тем и рады... Ну, что же вы ждете? А-ну, налетай, браточки! Без церемоний!

Но существа не двинулись с места, хотя содержимое пакета их явно заинтересовало. Лафер вконец растерялся:

— Уж и не знаю, как к вам обращаться, чтобы вы поняли... Кис-кис... фьють-фьють... ути-ути-ути. А, все равно.

Старания землянина, похоже, все-таки возымели должный эффект. Существа подошли к пакету ближе и склонились над ним.

«Заработала!» — чуть не выкрикнул Лафер.

Бо ловко извлек из пакета таблетку и освободил ее от фольги. Внимательно обследовав ее маленькими пальчиками, протянул Эрни. Тот аккуратно принял «дар», и обнюхав его, тут же с жадностью проглотил.

— Ты смотри, до чего же умненькие животные! — с восхищением вымолвил Крайский. — Пожалуй, даже поумнее собак или шимпанзе. А какие они ловкие, вы только полюбуйтесь!

— Наверное, их ребята из первой экспедиции приручили. — предположил Богдан. — Вот они и пришли к нам. Видите, насколько они доверчивы, ничуть не боятся нас?

Он подошел к Бо и осторожно погладил его по головке. Существо замерло, будто прислушиваясь к своим ощущениям, а потом, отложив таблетку, вдруг вскинуло свою ручку и прикоснулось к волосам человека.

— Они еще и неженки! — рассмеялся Крайский. — До чего же милы! Может, стоит отвести их в лабораторию и провести исследования?

Лафер отрицательно качнул головой: — Не сейчас. Пусть поедят... Кстати, нам тоже не мешало бы подкрепиться. А исследования могут подождать и до утра.

Он надавил кнопку на пульте, и из пола материализовались два стола: большой для землян и маленький — для существ, которые были невысоки ростом. Жестом, исполненным утрированной галантности, Лафер пригласил зверьков в столовую. К великому его изумлению, существо, что было покрупнее, помогло меньшему собрату вскарабкаться на стул, и только после этого неспеша устроилось на своем месте.

— Должен признаться, поведение существ меня порядком озадачило, произнес Богдан уже за столом. — Вот тот заботится о своем друге, как о младшем брате, или даже ребенке.

Они склонны к взаимопомощи, все их поведение не свойственно низшим животным. Они... как бы это сказать... Словно бы специально демонстрируют нам свои способности. Хм-м... Это напоминает урок хороших манер... Да-а, богатый материал можем собрать! Лично мне не терпится начать их изучение.

Бо запустил ручку в банку с сахарными миндальками, извлек одну и протянул Эрни, потом взял и себе. С видимым удовольствием смакуя лакомство, он посмотрел на людей, и на его мордочке обозначилось подобие улыбки.

Наконец, трапеза завершилась. Лафер встал со своего места и подошел к гостям. Слегка виноватая улыбка скользнула на его лице.

— Ну, приятели, а теперь пойдем в лабораторию! Там у меня еще много вкусненьких сахарных миндалек.

Будто ребенка взяв Бо за ручку, он повел его к двери. Эрни последовал за ними, однако не упустив шанса «подчистить» со стола остатки пиршества.

Минуту спустя оба существа оказались запертыми в просторной клетке.

— До завтра, малыши! Сегодня мы сделали много хороших дел, теперь нужно и поспать. Приятных снов, лакомки!

И Лафер вышел из лаборатории, плотно закрыв за собой двери.

Бо и Эрни удивленно переглянулись. Через мгновение они снова сидели на вершине холма, откуда совсем еще недавно впервые увидели землян.

— Нехорошо как-то мы... — угрюмо обронил Эрни. — Думаю, вполне могли бы вести себя и поучтивее.

— Ничего ты не понял. — ответил Бо. — Они прибыли исследовать нас.

— Ну знаешь!.. — обиделся Эрни. — Может, я в чем-то и глупее тебя, но все равно, набившись в гости, следовало хотя бы спросить разрешения. И ушли вот не попрощавшись. Ох, не нравится мне это.

— Имеешь право, но не забывай и простую истину: не все совершенны.

Какое-то время они не разговаривали. Бо заметил, что Эрни начал беспокойно ерзать, что-то выискивая в траве.

— Что с тобой? — встревожился Бо.

— Все то же. Вот, высматриваю, чего бы слопать. Ужас как проголодался!

Бо, тяжело вздохнув, ловким движением вырвал из земли овощ, похожий на морковь, и протянул его приятелю. Эрни с задумчивым видом жевал, пока Бо вслух размышлял:

— Быть может, в какой-нибудь другой день мы снова сходим к ним в гости. Все зависит от решения остальных. В сущности, они не плохие... даже как раз наоборот. Вот только слишком уж высокое у них самомнение... Как и у их предшественников.

— Да, ты прав, это всегда усложняет контакт, — с набитым ртом промямлил Эрни.

Сигма закатилась за горизонт. Бо сформировал вокруг тел энергетические коконы, и приятели в блаженстве зависли над еще теплой землей в ожидании приятных снов.

Купите вечность!

Манфред Браун скучал. Все эти минеральные ванны порядком осточертели уже к исходу первой недели. Впрочем, как и обитатели санатория. Его окружали стареющие дамы-болтушки и степенные мужчины, всем другим развлечениям предпочитавшие просиживание за картежным столом с бокалом пива. И так — изо дня в день. Заскучать в компании этих унылых господ — дело несложное.

Так и не найдя занятия по душе, Манфред целыми днями бесцельно бродил по улочкам курортного городка. В один из таких дней, проходя мимо лавки старьевщика, он задержался у витрины. Некоторое время без особого интереса — просто так, коротая время — он рассматривал безделушки, выставленные за стеклом. Потом все же решил зайти в помещение.

Его встретил мрачного вида детина с щеголеватой маленькой бородкой и копной

длинных волос, стянутых сыромятным ремешком в хвост. Субъект с явной неохотой изобразил нечто, долженствующее означать приветливую улыбку, и скрипучим басом осведомился:

— Чем могу быть полезен?

— Да, собственно, я просто так зашел, взглянуть. — несколько смущенно ответил Манфред.

Мрачный детина заметно оживился:

— Что ж, проходите, не стесняйтесь. — он сделал приглашающий жест. — Могу, к примеру, показать одну вещицу, которая наверняка вас заинтересует. Сюда, пожалуйста, вот здесь.

Его неестественно длинный палец, увенчанный острым грязным ногтем, указал в сторону дальней полки, на которой поблескивал какой-то предмет.

— Можно взглянуть поближе?

— Разумеется. — ухмыльнулся продавец. — Поднесите его к свету, так будет лучше видно.

Это оказалась весьма увесистая прозрачная сфера. Поднеся ее к свету, Манфред с изумлением обнаружил внутри группу маленьких человечков, застывших в неестественных позах. Их лица выражали удивление, изумление, страх. Казалось, будто некая неведомая сила застала их врасплох, навсегда обездвижив. Они выглядели совсем как живые.

«М-да! — Манфред с восхищением рассматривал „содержимое“ необычной сферы. — Воистину, прогресс мчится галопом! Вероятно, это голограмма. Но до чего искусно выполненная!». Манфред вдруг понял: этот предмет должен принадлежать ему. Какова бы не была цена.

— Сколько это стоит? — спросил он, не отрывая глаз от сферы и с трудом сдерживая волнение.

— Пятьдесят марок. Однако это не означает, что я его вам продам.

— Но почему, черт возьми?!

— А вы уверены в том, что он вам нужен? Хорошо подумайте. Шар сам выбирает своего хозяина. Вы ведь уже почувствовали его притяжение, не так ли? Опасное, очень опасное притяжение. Ведь в этом шаре — Вечность.

«Да не все ли равно? — раздраженно подумал Манфред. — Он должен быть моим!».

Он расстегнул портфель и отсчитал необходимую сумму.

— Ну что ж, я вас предупреждал... Однако вы настойчивы... — пробормотал владелец лавки, и в следующее мгновение лицо его невероятно увеличилось, а маленькие человечки внутри шара приобрели нормальные размеры.

Один из них — солидный господин с тяжелым взглядом оказался совсем рядом. За его спиной Манфред увидел прелестную молодую женщину. Он испытал непреодолимое желание махнуть ей рукой... Но сделать этого почему-то не смог. Пугающая своей очевидностью мысль вдруг прокралась в его мозг: он стал одним из НИХ!

Огромная рука мрачного торговца взяла шар и вернула его на полку, после чего не без удовольствия (как показалось Манфреду) почесала гигантских размеров голову. На какое-то мгновение под прядью волос Манфред заметил заостренное громадное ухо, поросшее густой шерстью.

Ему хотелось кричать от ужаса и безысходности, но звуки, казалось, тоже застыли. Ведь в Вечности всегда тихо.

Шоу должно продолжаться... Фантастический рассказ

... И снова я на сцене. И вновь передо мной все те же безвкусные декорации, до боли знакомый антикварный стол с резными ножками и чертовски неудобные стулья, обтянутые зачем-то полиэтиленом. А за спиной публика. Я ее не вижу, но чувствую — невидимую во

мраке, циничную, жаждущую зрелищ и беспощадную к актерским провалам. Стена ослепительного света отделяет меня от нее, превращает в слепого, ошетинившегося, готового к странному бою человека.

До тошноты опостылевшую роль я знаю до последней буквы, но все же беспокоюсь оглядываюсь в ожидании Софи. А вот и она — выходит на сцену, как всегда в желтом платье; она подходит ко мне, дырявит меня взглядом, полным искусственного удивления, встает в какую-то невероятную, неестественную позу, которая ей, однако, представляется едва ли не совершенной. Софи все еще не произнесла ни слова — наслаждается собой, но уже через мгновение она выдавит из себя с фальшивым пафосом давно вызубренную фразу:

— Ах, где же ты был, Рикардо? Мне так не хватало тебя!

Софи произносила опротивевшие реплики, а мне нестерпимо хотелось одного — превратиться в злого волшебника, которому достаточно лишь хлопнуть в ладоши, чтобы она исчезла. Forever! Чтобы исчезло вообще все это. И я тоже. Меня давно уже мучает непреодолимое желание вырваться из этого тесного пространства сцены, навсегда забыть старинный стол, бутафорные стулья. И Софи. Мне необходим глоток свежего воздуха!.. Но какая-то неумолимая сила выдавливает из меня ненавистные слова:

— О, прекрасная Софи, злая Судьба мешала мне видеть тебя каждый день! Но я так рад, что нахожу тебя еще более красивой, цветущей и жизнерадостной, чем раньше! Это великая награда за долгую разлуку!

Ну, дальше — как обычно, ничего нового. Она повернется к настенному зеркалу, кокетливым движением поправит свои искусственные локоны, а потом последует очередная не менее глупая реплика:

— Ах, дорогой Рикардо! Твои сладкие речи слишком малое утешение для меня, такой одинокой!

Потом давно заученным жестом она предложит мне присесть на стул, и я «давно заучено» подчинюсь. А чуть позже появится ее мать с круглым подносом, на котором будут мелодично позвякивать блюда и пустые чашки. А когда, наконец, стол будет накрыт, на какое-то время (тоже давно заученное) наступит молчаливая пауза, «украшаемая» манекенными улыбками. Я первым нарушу молчание, фальшиво вежливо поинтересовавшись самочувствием матушки, а она, конечно же, будет жаловаться, что-де в последнее время от сырости болят суставы (господи, какая сырость?!), но несмотря на это она уже посадила новый сорт роз в своем маленьком саду. И в довершение выльет на меня целый ушат всякой ничего не значащей старушечьей глупости, сочиненной бездарным автором.

Я вслушиваюсь в чудовищные своей пошлостью, лживым мелодрамматизмом фразы, которые мы повторяли десятки раз, и меня охватывает полная безнадега от одной мысли, что мы обречены играть одну и ту же роль, одни и те же слова до конца жизни. Или до конца мира? Я несчастный арестант, надежно закованный в цепи навязанной мне роли, я марионетка, управляемая ненавистной силой, которая всегда — сколько себя помню вырывает меня из черного мертвого сна, отправляет на сцену и диктует мое поведение, а после спектакля снова загоняет в сон. Между этими непроглядными снами и вращается действие пьесы. И моя жизнь.

Господи, так не может продолжаться вечно. Не должно! Все чаще я чувствую растущее во мне сопротивление такой тирании. И однажды я все-таки сбегу со сцены, заставлю себя забыть ненавистный спектакль. Вот вам всем! Большая фига, пожалуйста откусать! Я готов быть кем угодно и где угодно, но только не здесь, где диктуют эту гадкую роль! А собственно, почему бы не исполниться моему заветному желанию сейчас же?...

... Лицо Рикардо вдруг исказила гримаса отвращения, и он метнулся к границе освещенного пространства, где едва угадывалась в темном провале узкая дверь. На какое-то мгновение Рикардо остановился перед ней, потянулся к ручке, но рука свободно прошла сквозь дерево двери. Он радостно вскрикнул, охваченный возбуждением и отчаянной решимостью, и сделал шаг. По ту сторону заветной дверцы он оказался в лабиринте высоких хрустальных сосудов, ряды которых исчезали вдалеке, сливаясь в неясный, туманный

горизонт. И в этот миг он почувствовал, что силы покидают его, ноги подкосились, но прежде чем окунуться в нагнавший его непробудный сон, он успел испытать сладкое чувство гордости и ликования: наконец-то, бедный Рикардо НАВСЕГДА покинул сцену...

— По-уродски работаем! — сварливо выплюнул шеф лаборатории. — Записи выдерживают лишь несколько просмотров, жалобы градом сыплются на нас. От клиентов к заводу, от завода — к нам. Чтоб им пусто стало! И что прикажите делать?... Я вам скажу что. В общем так, кровь из носу, но чтобы все было в ажуре! Ну... не знаю... модернизируйте видео-сенсорную карту, улучшите качество кассет! Только делайте что-нибудь!

— Этим мы все время и занимаемся, — устало бросил один из сотрудников, — а результаты — нулевые. И это при том, что добились за последние годы почти невозможного — созданная нами информационная память кристаллических кассет не уступает оперативке процессора X7000! Но с кассетами творится черт те что! Например, во время публичного просмотра пьесы «Рикардо и Софи» главный герой ни с того ни с сего вдруг слинял со сцены и провалил все представление. Артист К., записавший эту роль, утверждает, что подобный вариант не был запланирован режиссером — не говоря уже о драматурге — и никогда не репетировался. Мы тщательно исследовали поврежденную кассету на всех молекулярных уровнях и представляете, как были удивлены, обнаружив на одном из них дезертировавшее изображение! Самое удивительное, что у него был вид бесконечно счастливого человека. Потом, правда, он засек нас и буквально пулей выскочил из кадра. И все же после долгих поисков мы его-таки вычислили — на другом молекулярном уровне. И черт бы все побрал! Никакие технические средства синхронизации и стабилизации изображения не помогли нам зафиксировать его — ему опять удалось улизнуть!

Шеф лаборатории цветной объемной сенсорной записи тяжело опустился на стул и печально окинул взглядом совсем скисших сотрудников. Однако делай что хочешь, крутись как хочешь, а причину дефекта кассет выяснить нужно до зарезу. И срочно. Через несколько минут возобновился мозговой штурм, переросший в бурную дискуссию. Но ответ на загадочные явления по-прежнему витал где-то в сфере догадок, и мало-помалу сформировалось фантастическое предположение: произошел сбой сенсорного компонента записи, зарегистрировавшего не только игровые, но и подсознательные эмоции исполнителя. А из этого следовало, что записи вдруг обрели самосознание! Бред сивой кобылы!

Известный актер К. с удовольствием вытянулся на реквизитном диване студии, и пока вокруг суетились ассистенты, освобождая его от сенсорных датчиков, скрытых под гримом и волосами, позволил себе немного расслабиться, снимая напряжение после записи скандальной пьесы «Безмолвие Япета». Режиссер остался доволен эмоциональным уровнем исполненной роли. Что ж, всего лишь очередной успех. К ним К. давно привык. Он попытался полностью абстрагироваться от работы, но в сознании вдруг заерзали мысли о предстоящей малоприятной встрече. Все, отдохнуть не получилось. Раздраженный и уставший К. с трудом поднял свое тело с дивана и направил его в примерную.

Уже час спустя К. и шеф лаборатории сидели в демонстрационном зале. Шеф специально вызвал актера, чтобы вместе просмотреть кристаллическую кассету с записью роли К. По мнению специалистов, срок годности кассеты истек.

Оператор вложил кассету в гнездо приемника, настроил аппаратуру сенсорного излучения и, наконец, запустил «PLAY».

По сценарию, в одном из актов пьесы голографическая копия К. должна рассказывать какой-то пресный анекдотец группе актеров. Изображение направилось было к ожидавшим артистам, но, не дойдя до них, вдруг замедлило шаг, остановилось, а потом и вовсе, развернувшись, ринулось в противоположную сторону. В какой-то миг известный артист напоролся на собственный измученный взгляд с экрана, ощутил исходящий оттуда внутренний протест, усиленный мощным сенсорным полем.

Двойник К. на экране приблизился к декорации в глубине сцены, сделал шаг и... растворился в ней (или за ней?). К собственному удивлению, К. в это мгновение испытал прилив беспричинной радости — почти ликования. Он не мог понять почему, но ему вдруг стало так легко!

В изображении наступила десинхронизация, и плеер автоматически отключился. Еще одна кассета была безнадежно запорота.

— Ну, и что вы обо всем этом думаете? — разрезал наступившую тишину голос шефа лаборатории.

К. ничего не думал. Он просто не в состоянии был думать. Он молча смотрел в темный кубический экран плеера. Мысль пришла неожиданно.

— Знаете что, — очень медленно вымолвил он. — у меня вдруг возникла одна прямо скажем нелепейшая, но, видимо, единственно уместная мысль. Я думаю, что после определенного количества «прокрутки» пьесы мои записи попросту кончают самоубийством... Правда, не пойму почему. Ведь если повредить кассету, они не смогут вновь ожить... на сцене?!

— Вот именно — на сцене. — мрачно сказал шеф лаборатории. Похоже, что они как раз и стремятся навсегда остаться вне ее! М-да, у них весьма своеобразное понимание свободы.

— В смысле?...

— Да это и не важно. Можете быть уверены: очень скоро я заставлю их находиться на СВОИХ местах. Я сделаю это! Мы не можем разочаровывать клиентов.

«Ну и что? — подумал шеф лаборатории. Ему было не уютно на душе, и он искал оправдание своей — ставшей вдруг нелюбимой — работе. — Ну и что? Они ведь всего лишь записи!». Глубоко вздохнув, он направился к выходу. Известный актер К., терзаемый смутными подозрениями относительно собственной сущности, последовал за ним...

Смерть, которая успокаивает

События проносились в его сознании бессмысленными, ничего не значащими фрагментами. Единственное, что Хельмут Новак ощущал вполне отчетливо — так это абсолютную, почти застывшую, неподвижность своего тела; даже веки — и те словно окаменели: ни моргнуть, ни закрыть их. Вокруг суетились какие-то незнакомые люди в белых халатах и полицейской униформе. Еще он мог видеть зеркало и ночник на туалетном столике, да причудливые узоры на обоях дешевого гостиничного номера. И что-то красное, влажное, жирной кляксой расплывшееся прямо возле лица.

«Странно», — только и подумал он. Клочки смутных воспоминаний продирались сквозь завесу беспомыслия, но никак не могли соединиться в цельный фрагмент. Только ощущение внезапного удара. Но кто его нанес и почему? И мгновенная вспышка боли... Все, ничего более память не сохранила. Удар и боль.

— Труп мертв. — с равнодушным цинизмом констатировал судебный медик. — Отправляйте в морг... Да, отчет по аутопсии лично просматривать. Чтобы на этот раз — по всем правилам.

И подписав акт о наступлении смерти, он ушел.

— М-да, любопытная работа, — полицейский, стоявший над телом Хельмута, задумчиво потерев мочку своего уха. — Нужно обладать недюжинной силой, чтобы завалить эдакого детину. Кто бы это мог сделать?

«Черт вас всех подери! — я же жив!» — хотел-было воскликнуть Хельмут, но звуки почему-то не хотели рождаться.

Его довольно грубо затолкали в непрозрачный полиэтиленовый мешок, потом столь же бесцеремонно швырнули в какой-то ящик, который, в свою очередь, куда-то понесли, а потом небрежно поставили. Спустя мгновение он почувствовал движение.

«Да стойте же! Осторожней, вы!» — мысленно возопил Хельмут, но никто его не

услышал. Да и не мог.

Вокруг было холодно и темно. Что-то с металлическим звуком щелкнуло. И тогда наступила Абсолютная тишина.

Время ползло, перетекая в вечность. Холод, пронзавший его тело, окунул в мучительную дрему, вскоре сменившуюся глубоким сном-кошмаром. Ему снилось (или это было наяву?), будто руки его превращаются в склизкие щупальца-отростки, заканчивающиеся ужасного вида головами с плотоядно оскаленными пастьми. Они вгрызались в его плоть все глубже и глубже, рвали на куски, смаковали кровавые ломти мяса, а щупальца обвивались вокруг шеи и — душили, душили... И с каждым вырванным из его тела куском, он все более утрачивал человеческий облик, превращаясь во что-то мерзкое, невообразимое. И это гадкое существо, еще недавно бывшее Хельмутом Новаком, продолжало жить!..

Хельмут проснулся от собственного крика. Во всяком случае так ему показалось. По эту сторону сна его встретила оледенелая тишина.

Казалось, прошло не меньше двух дней, а может, и три, четыре... Сны-кошмары незаметно переходили в кошмар-реальность. И так без конца. Он чувствовал, что медленно, но неотвратимо сходит с ума. Он взывал к Богу и смерти, моля об успокоении. «Умереть! Я хочу просто умереть! всхлипывало измученное сознание. — Дайте же мне эту малость!».

И однажды жестокая старушка Мойра сжалилась над ним. И явились к нему два ангела в белых халатах.

— Странно, никаких признаков окоченения. — задумчиво произнес один из них. — Потрогай его. Очень странно... Боже, а это еще что?! Ты только взгляни на эти раны! Бьюсь об заклад — их раньше не было, это не ножевые порезы. Такое впечатление, что его... грызли.

— Да брось ты эти глупости. — раздраженно отозвался второй «ангел». — Давай-ка лучше помоги мне.

Его окружали неправдоподобно белые стены, одетые в кафель. Это был последний в его жизни кошмар.

Когда скальпель хирурга отрезал все еще живое сердце, вспыхнувшая — было боль ушла, и Хельмут Новак, наконец, покинул этот мир — с чувством глубокого облегчения.

ТАК БУДЕТ СПРАВЕДЛИВО, БОТКИН! **Фантастический рассказ**

Когда мне лень заняться чем-то серьезным, я предаюсь глупостям. Вот и сейчас взял, да и ляпнул: «Я скромн, трудолюбив, талантлив». И сей же миг, схваченная чуткими микрофонами фраза высветилась на зеленом экране, а принтер не замедлил вывести ее на бумагу. Я поспешно стер строку, вырвал кусок бумажной ленты и давно отрепетированным движением швырнул в мусорную корзину. После этого я принялся бродить взглядом по автоматической фонотеке, ящичку для дискет, беспорядку на письменном столе, пока зрочки не уперлись в родинку на моем носу. Мягкие лапы тоски сжали горло. Завидовать такому ничтожеству, как я просто смешно. Когда я шел в свой кабинет, услышал, как кто-то из коллег, толпившихся в коридоре, сказал, будто плюнул: «Вы только поглядите на этого задавалу! Надулся, как индюк, того и гляди лопнет!».

Ах, если бы они только могли заглянуть в мою душу! Они бы поняли, как сильно ошибаются. Я не чванлив, скорее наоборот — чересчур застенчив, а мое дьявольское трудолюбие — всего лишь попытка скрыть бесхарактерность, которая следует за мной повсюду. Как собачонка на поводке, семенящая за моими генетическими задатками. И спустить этого зверька с поводка — все равно что сбросить с себя кожу... Не понять тому, кто не пытался. А вот меня давно грызет это неистовое желание, и после каждой экспедиции оно становится все сильнее и сильнее. «Я должен измениться, — непрерывно твержу самому себе. — И ведь нужно-то всего ничего — сделать шаг, переступить через гены, вылезти из

кожи! В конце концов, можно просто сменить профессию, начать новую жизнь и, наконец, почувствовать себя рожденным заново».

Но, увы, треклятая бесхарактерность вцепилась в меня мертвой хваткой, и откуда-то изнутри наплывает зловещая сцена, из-за которой я так себя ненавижу. Всякий раз я встречаюсь с отчаянно молящим взглядом Боткина, присевшего на корточках перед синтезатором, натыкаюсь на строгие черты лица того, кто взял на себя роль судьи, и вижу свою безвольно поднятую руку — жест, отнявший у человеческого существа последнюю надежду на защиту, жест, надолго предопределивший чужую судьбу.

Почему я так поступил? И сколько ни угрызайся совестью, ничего ведь исправить нельзя. Ну отчего в моей жизни все всегда начинается банально, но плохо заканчивается?... А впрочем, судите сами.

Мои командировки зависят исключительно от старцев из Института внеземных культур. И никогда не знаешь, что втемаяшится в их умные головы. А уж если втемаяшилось, то все — никому их не переубедить.

И вот бюджет экспедиции составлен и одобрен, а я, тридцатипятилетний суперполиглот, должен всего-то приступить к выполнению очередного непосильного задания: к примеру, подготовить приветствие разумным амфибиям с Дельты-88, которое надлежит проквакать в разных тональностях. И не спасают меня ни измученный вид, ни маленький рост — оно и понятно: никто ведь меня не принуждал братья за детальное изучение структур более сотни языков, распространенных во Вселенной.

«Ли Фонг, — речет кто-нибудь из старцев, — я уверен, ты обязательно справишься». И покровительственно хлопывает меня по плечу, а я лишь рассеянно моргаю и приступаю к исполнению своих опротивевших обязанностей. Работаю с чувством глубокого отвращения, а воспоминания неизменно возвращают меня к той последней экспедиции.

Экипаж был небольшой — всего три человека: капитан Тенев общепризнанный ас нуль-переходов и одновременно большой знаток всяческих тонкостей внеземной психологии; упомянутый выше Боткин специалист-космобиолог, и ваш покорный слуга. Без лишних приключений мы добрались до галактики Н-83, после чего на ионной тяге направились к Тэте-7 — вошедшей уже во все каталоги скучной планетке с примитивной гуманоидной цивилизацией. Тщетно мы пытались понять, чем вызван интерес к ней со стороны Института.

О личной жизни своих спутников я знал немного. Например, что у капитана красивая жена, которой он регулярно закатывает скандалы по причине жутко ревнивого характера. А Боткин ненавидит корабельные синтезаторы, потому что они, по его глубокому убеждению, готовят исключительно помои вместо еды. Еще я слышал, что он большой любитель приврать. Может быть, поэтому он до сих пор не женат.

Уже миновала неделя стандартного времени, раздробленного на неравные интервалы капризами местного космоса. До полного отупения навалявшись в своей каюте, я решил развеяться и отправился в кают-компанию. Переступив порог, я тут же напоролся на визгливый голос Боткина, стоявшего перед капитаном, бурно жестикулируя длинными руками. При этом его тщедушное тело извивалось в неистовстве экстаза — ну, натурально гигантский червь с Эты-9 в самый разгар брачного периода. Мои бедные уши стремительно увяли, но все-таки я решил дослушать до конца. Все-таки небылицы Боткина хоть как-то разбавляли однообразие экспедиции.

— Я добрался до вершины холма, — возбужденно верещал Боткин. — Жуткие звери карабкались по склонам, окружая меня, и клацали мощными челюстями. Я сжимал в руке дезинтегратор, и, не взирая на строжайший запрет, решил во что бы то ни стало очистить планету от этой мерзости. И я нажал на спуск...

Он не договорил, застыв с выпученными глазами и открытым ртом — зона растянутого времени обычное явление в этой части космоса. Я уж начал было прикидывать, как долго придется любоваться на эту пучеглазую рожу, когда автоматике удалось-таки разбудить корабельный хроностабилизатор, и Боткин продолжил, как ни в чем ни бывало:

— ... завертелся вокруг своей оси. Прямо под ногами я увидел гладкую поверхность. Вместе с тварями дезинтегратор уничтожил на склоне холма всю растительность и даже камни. Каково же было мое удивление, когда истребленные мною чудовища вновь материализовались передо мной — из ничего. Скорее всего, они обладали способностью самовосстанавливаться... не утрачивая, однако, плотоядных привычек. Они снова ринулись на меня, и мои шансы на спасение стремительно упали. Но тут я вспомнил о персональном антиграве. Я сформулировал мысленный приказ...

Новый каприз неоднородного времени прервал тираду. Взгляд Боткина застыл, застыл и огонек экзальтации в зрачках, а насмешливо изогнутые губы по-прежнему целились в нас — в невольных жертв, которым негде было скрыться и некуда убежать. На этот раз мы попали в зону гораздо большей плотности, и хроностабилизатор не справился с такой нагрузкой. И мои мысли потекли, как растительное масло — тягучие, жирные, не способные анализировать.

Наконец мы выскользнули. Капитан молодецки тряхнул гривой волос, щедро украшенной сединой и отдал приказ готовиться к посадке. Так я и не узнал, чем же завершилось «ужасное» приключение Боткина.

Опоры звездолета осторожно коснулись твердого грунта. Мы высвободились из защитных губчатых коконов и приступили к исполнению прямых обязанностей, которых у меня, говоря по правде, и не было.

Спустя несколько часов мы, так сказать, закрепились на позиции. На участке, параметры которого определяла инструкция, роботы смонтировали защитное поле, установили хроностабилизаторы, воздвигли для нас временное обиталище и замерли в ожидании новых приказаний. Атмосфера планеты оказалась пригодной для человеческого организма, и мы уверенно шагнули из корабля, чтобы размяться.

Одной своей половиной Тэта, подобно Меркурию и Луне, была постоянно обращена к центральному светилу системы. Мы совершили посадку у самой границы теневой стороны, где влажный климат создавал наиболее благоприятные условия для жизни. К югу простирались раскаленные пустыни, а на севере — царство вечных льдов, затянутых мраком.

Планета встретила нас холодным влажным ветром, который дул здесь круглый год, благодаря непрерывно совершающейся конвекции воздуха в этой зоне. Островки грязно-зеленой растительности сменялись мрачными болотами, по которым время от времени скользили тени каких-то животных. Одним словом, планета нас не очаровала, и только Боткин подавал вялые признаки оживления.

Недалеко от нашего лагеря находилась деревня аборигенов, которые не замедлили явиться к нам целой делегацией. Выглядели они вполне дружелюбно и до такой степени одинаково, что если бы не густые узоры татуировок на их темно-синих лицах, вряд ли мы смогли бы отличить их друг от друга. Я сразу сообразил, что самый разрисованный из них и есть вождь, или что-то в этом роде. Капитан пришел к тому же выводу, потому что кивнул мне и велел роботу пропустить аборигена сквозь защитное поле. Я поежился от неприятного предчувствия, однако занялся настройкой фоноаппаратуры, которая должна была корректировать несовершенство моего артикуляционного аппарата. Я извлек специально припасенные для таких случаев палочки и принялся постукивать ими в особом ритме, при этом еще и цокая языком в разной тональности. Я уже почти добрался до середины приветствия, когда туземец резким жестом прервал мои лингвистические муки.

— Ты плохо говорить, бататва, — проскрипел он попугайным голосом. — Поэтому Тутма, верховный жрец священный камень, говорить на космолингве. Другие люди, которые быть до вас, оставлять аппарат обучаться. Тутма обучился. Другой капитан сказал, что вы когда-нибудь прийти и принести батарейки для красивый картинки. Вы их приготовить, Тутма прийти снова — деревня близко. Потом нас изучать.

Тэтиец с надменным видом покинул наш лагерь, повергнув меня в оцепенение. Я вдруг почувствовал себя лишним, ненужным. Эти типы, додумавшиеся всучить дикарям обучающий компьютер, обошлись со мной жестоко, они обманули меня! Да что там я! Они

нарушили запрет на распространение новых технологий среди латентных цивилизаций! Боткина, похоже, эти мелочи нисколько не смущали. Он ничуть не был огорчен, судя по тому, с какой прытью кинулся догонять жреца. Капитан, рассеяно зевнув, проводил его взглядом.

Со смятением в душе я отправился в свое скромное жилище. Пытаясь забыться в объятиях гидравлической кровати, я улегся на спину, тупо уставившись в потолок. Но и это не помогло избавиться от неприятных мыслей. Тогда я принялся считать роботов и довольно долго этим занимался, пока, наконец, сон не снизошел на меня.

Проснулся я в прежнем мерзком настроении, и потому решил провести день перед головидиком, крутя архивные фильмы.

В тесном пространстве каюты толпились полчища римских легионеров, Наполеон бесславно покидал Россию, Клеопатра оплакивала Юлия Цезаря, чтобы уже в следующее кино мгновение обнимать Марка Антония, Гамлет вещал о бедном Йорике, его сменяли Король-солнце или генерал Кромвель. Так продолжалось до тех пор, пока это развлечение мне вконец не надоело. И тогда я осознал, что все не так уж плохо, как мне казалось. Я вырубил головизор и возжелал живого общения с кем-нибудь из себе подобных.

Все помещения оказались пусты. Выйдя из корабля, я едва не споткнулся о капитана, приютившегося у собственноручно сложенного очага — он явно не торопился приступать к выполнению намеченной программы, сосредоточив все внимание на аппетитном шкворчании отбивных, подрагивавших на самопальной решетке. Мясо было синтетическим, но его аромат все-таки вызвал знакомое ощущение опустошенности в желудке, сопровождаемое обильным выделением влаги во рту.

— Ну что, прошла твоя меланхолия? — не удержался от подковырки Тенев. Он поднял на меня глаза и, увидев выражение моего лица, примирительно вздохнул: — Ладно уж, присаживайся, сейчас еще парочку положу.

— А Боткин где? — спросил я, пристраиваясь рядом.

— Часа два назад доложил, что находится в какой-то большой хижине. С тех пор никаких сообщений от него не поступало. Да оно и понятно — ты погляди, что творится вокруг!

Пока он переворачивал отбивные, я заметил, что голубое светило окрашивается в фиолетовый цвет. Вероятно, местная солнечная система проходила сквозь зону повышенных хроноискажений, поскольку стабилизаторы стали издавать нехарактерный басовый звук.

При мысли о Боткине я почему-то почувствовал неловкость: я-то бездельничал (хотя, право же, это не в моей натуре), а каково там ему, бедолаге, вдалеке от лагеря?... Ага, вот и он — легкий на помине! «выплыл» из-за ближайшего холма в компании толпы туземцев. Их движения казались смешными, будто при замедленной съемке. В следующее мгновение я понял: Боткин — мчится, убегает от неведомо чем разгневанной толпы. Судя по выражению его лица, он изрядно выбился из сил. Я толкнул капитана, приглашая полюбоваться забавной картиной. Тот отреагировал моментально, метнувшись к кораблю, где находился пульт управления защитой.

Боткин по-прежнему лидировал и к финишу пришел первым, а туземцы уткнулись в незримую, но непробиваемую стену. Оказавшись отрезанными от лагеря, они не спешили уходить, угрожающе размахивая руками и выкрикивая непонятные проклятия. Победитель гонки приблизился к очагу, судорожно втягивая в легкие воздух, будто рыба, выброшенная на берег. И тем не менее вид у него был довольный.

— Я совершил колоссальное открытие! — прохрипел он. — На этой планете находится единственная во Вселенной колония хронарных насекомых... Да-да, я не оговорился! Они роют норки в земле и ведут коллективный образ жизни...

— Боткин, какого черта! — оборвал его капитан, спустившись с корабля. — Что означает весь этот бедлам? Что ты опять натворил? Почему они гнались за тобой?

По всему было заметно, что капитан медленно, но неумолимо закипает.

— Все это мелочи в сравнении с моим открытием. — самодовольно выпалил

«чемпион». — Я взял пробу хронарного воска. Вот и все, что я сделал-то. Нашел целый ком в одной из хижин. Насекомые используют воск для обмазки своих нор, но производят его в мизерных порциях. Вот я и воспользовался гостеприимством туземцев, которые все равно нахалю таскают его. Правда, пока бежал сюда, обронил пробу в болото. Жаль, конечно, что так вышло, но открытие я все-таки сделал.

— Другими словами, ты присвоил плоды труда туземцев?

— Что значит «присвоил»? — обиделся Боткин. — Они-то обворовывают бедных насекомых! Если им так уж нужен воск, могут наскрести еще — они все норки знают. Не больно-то большой труд.

Капитан побагровел.

— Боткин! — взревел он. — Ты... ты идиот! Безответственный тип! Что ты мне мозги полощешь?! Что еще за хронарный воск?!

— Насекомые выделяют его из особых желез, расположенных под присосками. Он обладает уникальным свойством нейтрализовать неравномерность течения времени, благодаря чему насекомые не испытывают никаких трудностей при выводе личинок. Свойства у этого вещества просто фантастические, капитан! Его молекулы стабилизируют хронополь, не расходуя ни капли энергии! Вы только представьте себе: теперь мы можем выбросить все эти железки, эти стабилизаторы к едрене фене — нам достаточно просто обмазаться воском!

— Хм-м, — Тенев задумчиво почесал за ухом. — Это слишком привлекательная перспектива, чтобы быть правдой... Однако по долгу службы я обязан выслушать и другую сторону.

Когда Тутму пропустили сквозь силовой барьер, его синяя кожа заметно посерела, что не предвещало ничего хорошего, поэтому «великий открыватель» счел благоразумным удалиться в корабль — от греха подальше. Разгневанный вождь предстал пред нами и торжественно изрек:

— Если Боткин не возвращать нам большой священный камень, Тутма сделай колдовство, и вы насовсем оставайтесь здесь.

— Зачем нуждайся Тутма в большой камень? — попытался подделаться под его стиль общения капитан, наивно полагая, что так его лучше поймут.

— Нет священный камень — нет время. Время делайся большое, священный камень — маленький. Камень кончайся, Тутма умер, новый жрец делай новый камень. Это очень долго и трудно.

— Я поговорить с Боткин. — пообещал Тенев. — Сейчас Тутма уходит и приходит завтра. Потому что Боткин спрятай большой священный камень, я заставляй его камень приносить сюда.

— Хорошо, но Тутма осторожный, Тутма на всякий случай делай колдовство. Не забывай: или возвращай камень, или оставайся здесь.

Жрец удалился. Я облегченно вздохнул — уж очень оскорбляет слух суперполиглота подобное измывательство над языком. Капитан зашагал к кораблю, я последовал за ним. Пристыженный Боткин ждал нас в кают-компании.

— Разойтись по каютам! — сухо бросил капитан. — Объясняться будем потом, сейчас — экстренный взлет. Но на Земле этот тип у меня за все ответит.

«Этот тип», он же Боткин, сконфуженно молчал, зато я набрался наглости спросить:

— Капитан, может, отбивные хотя бы захватим? Жалко ведь...

— Какие, к черту, отбивные! Инструкции не знаешь?! В случае возникновения конфликта, мы должны немедленно покинуть планету.

Возражать я не стал. Уже лежа в пористой массе, я позволил себе крамольные мысли о несовершенстве инструкции.

Прошло довольно много времени, но мы почему-то не взлетали. Я уже начал нервничать, когда на экране интерфона нарисовалась физиономия капитана.

— Хватай Боткина и мигом ко мне, — его голос не предвещал ничего хорошего. — У

нас проблема.

Я только теперь заметил, как мала рубка для троих взрослых мужиков. На Тенева смотреть было жалко — лицо бледное, руки мелко дрожат.

— Ты видишь вот эту красную кнопку? — спросил он меня с какой-то непонятной тоской в голосе.

Я, конечно, близорук, но это не помешало разглядеть, что под кнопкой золотыми буквами было написано: «СТАРТ».

Вопрос меня, мягко говоря, озадачил. Взглянув на Боткина, который не знал куда девать свои длинные ходули в тесноте рубки, я утвердительно кивнул.

— Давай, нажми ее! — сказал вдруг Тенев. — Хотя это и не по правилам.

Я совсем перестал что-либо понимать, но все-таки протянул руку к пульта. Не тут-то было! — она застыла на полпути к цели, как я ни старался заставить ее продолжить начатое движение. Вторая попытка завершилась с тем же результатом. Всего за несколько секунд я взмок и совсем выбился из сил.

— Достаточно, — будто из далека донесся до меня охрипший голос капитана. — Ничего у тебя не выйдет. Он обернулся к Боткину: — Ну, теперь твоя очередь.

«Великий открыватель» прервал свой смешной танец и уставился на пульт. Сколько он ни пыжился, а стартовая кнопка по-прежнему оставалась недосягаемой.

— Вот в какую историю ты нас втянул, Боткин. — сокрушенно вздохнул Тенев. — Остается одно... Ты кашу заварил, тебе и расхлебывать. Так что, пойдешь искать этот чертов священный камень на болото, где ты его так некстати обронил.

Сконфуженный лик Боткина неожиданно просветлел.

— Погодите, у меня есть идея! Нужно прижать кнопку чем-то тяжелым! Примотаем какой-нибудь груз к концу провода, проденем провод через штатив вот этой телекамеры, поднимем и опустим груз с высоты. Все гениальное, как говорится, просто!

— Ну-ну, — только и вымолвил капитан, явно не разделяя оптимизма биолога. Мы отправились на склад, где с большим трудом среди хлама обнаружили пакет с бухтой провода. Но едва прикоснувшись к пластиковой упаковке, наши руки будто отсохли.

— Полная психомоторная блокада, — безнадежным тоном констатировал Тенев. — Вот черт, а эти ученые остолопы записали цивилизацию в предкласс IX-A!

— Может, у робота получится? — неуверенно вымолвил Боткин. — Электронные мозги не то что наши.

Мы переглянулись. А ведь и в самом деле, как мы не додумались до этого раньше?! Вызвав робота, мы вернулись в рубку. Теснотища стала такой, что мне, как самому низкорослому, пришлось взгромоздиться на систему управления полетом. Торжественная пауза явно затягивалась, но Тенев почему-то продолжал молчать.

— Черт побери! — наконец выползло из него. — Едва я собираюсь отдать приказ роботу, челюсти словно слипаются! И ведь сколько раз я спорил с Комиссией об этой проклятой кнопке, предназначенной только и единственно для включения центрального корабельного компьютера! Так нет же, у них все одно: капитан-де не должен оставаться без дела, чтоб их! И вот теперь я спрашиваю вас, как же нам теперь взлететь?!

Последние слова были обращены не ко мне лично, но отчаяние в голосе нашего железного командира заставило меня напрячь мозговые извилины.

— Капитан! — вскричал я, гордый своей сообразительностью. — Мы совсем забыли, что у нас есть синтезатор! Если он справляется с отбивными, значит, ему раз плюнуть произвести и все остальное.

Свинцовые тучи на лице Тенева начали таять. И все-таки, когда он обратился к Боткину, его голос сохранил суровость интонации:

— Боткин, у тебя остались пробы хронарного воска?

— Самая малость, то, что успел наскрести с пары нор. Вот если бы туземцы не застукали меня...

— Для анализа этого вполне хватит. Займись этим немедленно, а результаты введешь в

программу синтезатора. Действуй, а мы с Фонгом пойдем прогуляемся... Кстати, сколько весил тот ком воска, что ты у них стянул?

— М-м, килограмма три, не больше.

— Ну, всего-то, до вечера вполне управишься. И до тех пор, пока не синтезируешь большой священный камень — с корабля ни шагу. Не скучай.

Оказавшись за пределами корабля, мы с трепетом приблизились к потухшему очагу, где нас радостно встретили останки кулинарного искусства капитана. Подгоревшие и остывшие, они все же смогли хоть ненадолго поднять настроение горе-путешественников. Утолив голод, мы отправились в мою временную обитель, чтобы скоротать время за игрой в «сложи 9999». Замысловатые правила модного ныне развлечения требовали от игрока усидчивости и умения концентрироваться, чего как раз и не хватало моему сопернику. Увы, наш капитан, при всех его несомненных достоинствах, был плохим тактиком и каждый свой проигрыш воспринимал как личную трагедию, то и дело порываясь взять реванш. К вечеру затянувшаяся игра мне порядком наскучила, а капитан все никак не мог угомониться. Поэтому, увидев Боткина, я не смог удержаться от громкого вздоха облегчения.

— Уже закончил? — спросил Тенев. Ему не удалось скрыть раздражение, да он и не особенно старался.

— В общем, да, — смущенно ответил Боткин. — Химический состав воска невероятно сложен. Синтезатору не удалось воспроизвести все цепи молекул, так что пришлось поломать голову, как дополнительно связать их между собой.

— Ну, тебе это удалось?

— Конечно. Я создал синтетический воск отличнейшего качества.

— Значит, наши проблемы позади. Вот и чудненько, отправляйся с подарком к туземцам и живо обратно.

— Я бы не стал так спешить, капитан...

— В каком смысле? Боткин, не нервируй меня!

— М-мнэ-э... Есть одна маленькая загвоздка... Количество...

— Что «количество»? — капитан начал закипать. — Сколько ты синтезировал?

— Около грамма. Я же говорил вам: очень сложные молекулярные цепи...

— Около грамма?! За целый-то день?! Ты меня в гроб сведешь! — Массивное тело капитана угрожающе нависло над суетливым Боткиным. — Если я правильно понял, то при таком мизерном КПД нам понадобится как минимум десять лет?!

Испуганный Боткин метнулся за мою спину.

— Хоть убей меня, но не получится больше! — выкрикнул у меня над ухом «великий открыватель».

Если бы на этой планете водились мухи, то в наступившей ватной тишине мы услышали бы их жужжание. Очередной удар от старушки Мойры заставил Тенева пошатнуться. Что-то прорывав, он выскочил из комнаты, сорвав весь накопившийся гнев на двери, которая лишь чудом удержалась в петлях. Боткин какое-то время крутился возле меня, ища сочувствия, но так и не найдя его, бесшумно удалился.

Все утро я размышлял над событиями вчерашнего дня, пытаюсь найти выход из щекотливой ситуации, в которой мы оказались, пока не почувствовал, что мозги начинают плавиться. Поэтому решил немного размяться. Прыгая через скакалку, я заметил в открытый иллюминатор капитана в сопровождении Тутмы. Я выбежал им навстречу, но кэп жестом велел мне вернуться обратно. В коридоре я столкнулся с Боткиным. Метнув в его сторону испепеляющий взгляд, я отправился в туалет, где в умиротворяющей обстановке употребил время на обмозговывание перспектив нашего затянувшегося пребывания на планете.

Через полчаса капитан снизошел пригласить нас на корабль. Он был серьезен и задумчив, его гигантское тело, казалось, сгибалось под тяжестью незримого бремени.

— Боткин, — сказал капитан неожиданно мягким тоном, ответственность — страшная штука, верно?... Особенно, когда она целиком лежит на мне одном. Попытайся меня понять и выслушай без обид. Сегодня у меня был серьезный разговор с верховным жрецом Тутмой.

Он, конечно, дикарь, но человек, в общем, не злобливый, склонный к поиску взаимопонимания и компромиссов. К сожалению, эти компромиссы не касаются тебя. Если бы ты знал, насколько драматична ситуация, в которой по твоей вине оказались местные жители! Поверь, их претензии к тебе более чем основательны. Дело в том, что аборигены используют хронарный воск вместо часов и календаря. Он имеет свойство медленно испаряться, и, таким образом, весовая разница проб, снятых в различные временные интервалы, используется для измерения периодов стабилизированного времени. Не удивительно, что в условиях здешнего непостоянства временных потоков точное измерение времени превратилось для аборигенов в религию, единственный смысл их жизни. С помощью большого священного камня обитатели планеты определяли продолжительность веков, так что, если тебе не удастся его синтезировать, ты попросту погубишь летосчисление, всю историю, уничтожишь фундамент уникальной цивилизации! Такие вот дела, брат. Теперь ты понимаешь, что морально просто обязан вернуть аборигенам то, что им по праву принадлежит?

Тенев откашлялся и, выдержав паузу, продолжил:

— Мы с Фонгом не можем торчать на Тэте целых десять лет лишь ради того, чтобы ты не скучал, пока будешь трудиться над синтезированием воска. Поэтому вполне логично, если здесь останешься только ты... Не переживай, мы о тебе не забудем, и по возвращении на Землю сделаем все для того, чтобы снарядили за тобой корабль. Я прекрасно понимаю твои чувства. Да, это тяжело, но ведь иного выхода просто нет. Однако во всем есть и положительный момент. Посмотри на проблему под иным углом: в конце концов, твоя жизнь среди местных жителей может принести немалую пользу Земле. Ты сможешь заняться обогащением своего научного опыта, накоплением новых знаний, успеешь досконально исследовать хронарных насекомых, даже, может быть, путем селекции тебе удастся вывести новую их разновидность, которая будет отличаться высокой производительностью, и тогда... Опять же, туземки очень даже ничего. Уверен, они внесут элемент экзотики в твою жизнь. А потом... ты напишешь мемуары, станешь знаменитым! Ну, что скажешь, Боткин? Согласен остаться?

— Нет! — выкрикнул он, побледнев. — Не хочу! Я... я боюсь.

— Кого, местных женщин? — усмехнулся капитан.

— Нет, вообще боюсь.

— А когда ты спер большой священный камень и за тобой гналась разъяренная толпа туземцев, ты не боялся?

— Это разные вещи. Тогда доминировали мои научные интересы.

— Ну а теперь доминируют наши. Что ж, раз не хочешь добровольцем... Будем голосовать — инструкцией это предусмотрено. Итак, я за то, чтобы Боткин остался на планете. А ты, Фонг?

Моя рука неуверенно поднялась.

С тех пор я не нахожу себе места, тягостные мысли не покидают меня. Вы ведь понимаете, как это страшно — чувствовать себя предателем? Моим слабым утешением остаются слова капитана, забывшего перед взлетом отключить интерфон в моей каюте. Я хорошо видел его на экране. Видел, как он колеблется нажать кнопку старта. Потом он все-таки сделал это, пробормотав: «Так будет справедливо, Боткин!».

ПЛАМЕН МИТРЕВ
(Перевод с болгарского Элеоноры Мезенцевой)

БЕЗ ИМЕНИ

Богоравный стоял пред Небесными Чертогами. Выпрямив свой совершенный стан,

слегка опустив атлетические плечи, ОН просто стоял, и ЕГО небрежный взгляд, блуждающий где-то за пределами Обиталища богов, следил за лихорадочной суматохой, вызванной его появлением — там, наверху, в Цитадели Сотворения. На высоких крепостных стенах из полированного розового базальта с бойницами из блестящей яшмы и башнями из небесного нефрита все божественное воинство, уцелевшее после прежних столкновений с ним, Богоненави-стным, собралось на Последнюю битву. Битву, предсказанную в Скрижалях Времени тысячелетия назад... С предопределённым, фатально предопределённым исходом...

ОН знал, что победит. Как всегда. Сила всемогущих богов была сломлена. ИМ. Никто не мог ЕМУ противостоять. Кто, кто из оставшихся мог бы совершить подобный подвиг?

Кучка аколитов,¹ сохранивших верность богам, десятков верховных жрецов и первосвященников Бессмертных, низвергнутых ИМ, сами боги, истощённые до смерти в неравной битве. С НИМ! Они?! Да ОН их уничтожит легким взмахом СВОЕЙ могучей десницы. Сейчас. Или чуть позже. Или никогда... Всё в ЕГО власти. А ведь могло быть иначе... Могло?!

Сардоническая полуулыбка скользнула по прекрасному лицу, слегка искажённому мрачной меткой Судьбы. Богоненавистный вспомнил, как всё начиналось...

...ЕГО рождение было предсказано тысячи лет назад, ему предшествовали десятки знамений. Знахари и прорицатели из маленьких горных аулов, шаманы и колдуны из далеких северных тундр и степей, хироманты и целители на городских площадях, жрецы и аколиты богатых храмов Запада, дервиши и факиры экзотического Востока, даже самые захудалые ученики волшебников и чародеёв — все ждали появления Отмеченного богами. Опустошительные землетрясения и наводнения, сопровождаемые невиданным плодородием, небывалые небесные огни в безлунные ночи, невысказанные холод и жара — всё это служило безусловным предзнаменованием ЕГО рождения.

Родился ОН в эпицентре мощного землетрясения, потрясшего Мир до самых основ. Рождение Богоизбранного сопровождалось разрушением тысяч городов и смертью миллионов простых людей. Смертных ничтожеств, недостойных своего рода. Но ОН родился человеком — мать его была простая смертная женщина, безмерно незначительная пылинка в пазле Жизни. Ч-Е-Л-О-В-Е-К! Богоподобный, наделённый редкими дарами и неземной силой, но всё же — человек. И никто из тех, кого избрали пестовать долгожданного отрока Бессмертных, не посмел дать ЕМУ имя.

Учили ЕГО величайшие умы своего времени. ОН с легкостью постигал труднейшие уроки гениальных учителей. Был способнее всех их вместе взятых, изучил все книги Большой библиотеки. Основательно проработал Скрижали Времени — манускрипт, доступный лишь Избранным. Быстро понял, что ему всё позволено — всё, кроме одного — ОН не мог не считаться с богами. Они были всемогущими, они могли наказывать. Тогда ОН стал Богобоязненным. Научился прятать глубоко в душе даже искру сомнения. Был умён, очень умён...

Окончив обучение, ОН вышел в широкий мир. Надо было исполнять долг по отношению к своим покровителям. Стал Богослужащим, проповедуя учение о Бессмертных. ОН был красноречив, и люди стали называть его Богословом, хотя это имя никак не подходило подростку. Но ОН рос на удивление быстро и скоро стал красивым юношей, а затем — прекрасным молодым человеком. ЕГО служба во славу покровителей была исполнена такой страсти и упования, что ОН мгновенно завоёвывал людей. ОН стал известен как Богомалец, Богоугодник и Богопомазанник. ЕМУ удавалось всё задуманное, ОН был Богословен. Вершил добрые дела и был любим. Благославен.

Исколесил весь Мир. Всюду ЕГО встречали восторженные толпы, которые ЕГО боготворили. Случалось, что презренные служители Зла обрушивались на НЕГО — желание унижить баловня богов было неудержимым. Но ОН с лёгкостью их побеждал. В

¹ *Аколит* — последователь, приверженец.

совершенстве владел приёмами рукопашного боя, всевозможными видами оружия, а также тайнами магий и чудотворных заклинаний. ЕГО сила росла лавинообразно, увеличиваясь с каждым поверженным врагом. ЕМУ нравилось побеждать. Это возвышало ЕГО. Восхищение восторженных толп ЕГО пьянило. Постепенно ОН начал считать себя Богоподобным. Но был лишь человеком. Всё ещё...

И, как простой человек, ОН влюбился. Любовь подняла его над всем. Над богами. По крайней мере, так ОН себе вообразил. Забросил обязанности Богомольца. Отдался своей испепеляющей страсти. Все у НЕГО было как-то сильнее, более возвышенно и опустошительно, чем у обычных людей. Но любовные вожделения и ласки были полезны для НЕГО. ОН познал то, что не могли дать ни усердные учителя, ни кучи прочитанных книг.

Трепет от прикосновения любимой ладони.

Нежность и дикую страсть от слияния двух тел и душ.

Удовлетворение от удовольствия и удовольствие от удовлетворения.

Радость самоотдачи и счастье ответной любви.

Сладостное ожидание зари в объятиях любимого человека...

И ещё, и ещё...

Но, несмотря на феноменальный интеллект, ОН допустил ошибку. Страсть вознесла и очеловечила ЕГО слишком сильно. Он стал Бого-непонятым.

Хмурясь, Бессмертные наблюдали за НИМ с возрастающим неудовольствием. Они не понимали или просто забыли о подобных вещах, недоумевали, почему их питомец забыл о своих обязанностях по отношению к ним. Но не вмешивались, уверенные в предопределении Судьбы.

Хватились, только когда поняли, что плод ЕГО страсти вот-вот станет реальностью. Подобное развитие событий застало их врасплох — что непростительно для богов. Но кто же мог предположить, что послушный, надежный и Богобоязненный, Боговерный и совершенно предсказуемый Богоизбранник посмеет пренебречь тем, что ему предопределено, сойдётся с праведного пути и создаст новое поколение? Поколение, которое, вполне возможно, будет обладать силами, не подвластными им, Бессмертным. Дети столь могущественного и долгожданного Избранника, наверное, станут ещё более могущественными и непредсказуемыми, чем их родитель. Божественными. Богоравными.

Они не могли рисковать. Не могли допустить, чтобы ОН стал Боготворцем. Поэтому они послали молодого бога, из числа своих, чтобы как-то исправить положение вещей. И тот своим божественным дыханием убил женщину, которую любил Забывший богов. Вместе с ЕГО нерождённым ребёнком. Но это не решило проблемы, потому что ОН застал этого ничтожного и жалкого бога возле тела своей любимой. И погубил его. С легкостью, с которой человек давит гнусную гниду, ОН уничтожил Бессмертного и превратился в Богоборца! А потом долго и горько плакал над телом женщины, которую любил. Так в последний раз ОН отдался человеческим эмоциям. Потом проклял богов, отнявших у него все человеческое, и стал Богохульником.

Мечь богов должна была бы стать ужасной, неистовой и назидательной, но всё было совсем не так. Разбалованные своим тысячелетним всемогуществом, они недооценили ЕГО мощи. Если бы они напали на НЕГО всем скопом с самого начала, до того как ОН набрал невообразимую силу, возможно, им удалось бы ЕГО уничтожить, но они нападали на НЕГО поодиночке. И проигрывали. А когда поняли ошибку, было поздно, слишком поздно. Их осталось мало, а ОН возвысился над ними. Уже не Богоравный, а Божественный! Божественный...

Боги?! Были ли боги созданиями, которые с трепетом ждали своей гибели там, на нефритовых крепостных стенах? Заслуживали ли ни почитания, преклонения и верности? Вряд и... Как ОН был наивен все эти годы! Да через миг, час, день или вечность, стоит ЕМУ лишь пожелать, ОН их испепелит. Одним небрежным _змахом десницы.

И станет БОГОМ! Люди давно считали ЕГО таковым, но ОН может стать

ЕДИНСТВЕННЫМ! ГОСПОДОМ! Бессмертным, всевластным, неповторимым.

Он ощутил какое-то жжение в груди. Всё это скоро может стать реальностью. Но хочет ли ОН этого? Ведь после гибели богов не останется никого, кто сможет бросить ему вызов. Скука. Пустошь. Забвение. А вдруг ОН сам возгордится и уподобится нынешним низвергнутым богам? А если спустя некоторое время родится некий новый Богоизбранный, который в свою очередь сметет ЕГО самого? Скорее всего, так и будет. Стоит ли тогда низвергать нынешних богов?

Дилемма, достойная ЕГО интеллекта. Может, оставить всё как есть? Или довершить начатое. Что, что делать?

...Было прекрасное утро. Заря обагряла небесную ширь, а ОН всё ещё не принял решения. Там, напротив него, в Цитадели Сотворения, боги, старые и пока ЕДИНСТВЕННЫЕ боги, смиренно ждали своей участи. Уничтожит ОН их или оставит жить? Чтобы забавлять ЕГО своим бессилием и бесполезностью. Жизнь или смерть? Время пришло. Что, что делать? Что?!

И ОН СДЕЛАЛ ЭТО!!!

ГАЛИНА ЧЁРНАЯ

«ПРАЖСКИЙ КОЛДУН» И ДРУГИЕ ЧЕШСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

ПРАЖСКИЙ КОЛДУН

Никто не знал достоверно, откуда пришёл Жито. И кем он был до того, как прославился своим чародейским искусством. Слухи же о нем ходили разные. Его называли и сыном шахтера с Кутногорского рудника, одного из предводителей восставших и казненного вместе с товарищами под легендарным дубом. Говорили, что сам он тогда чудом избежал казни вместе с отцом, и спас его Сатана, которому он продал душу. Сатана действительно принял участие в его судьбе, но не от казни его спас, и об этом будет написано немного позже.

Другие приписывали ему наличие королевской крови, что-де матерью его была прачка самого преславного короля Вацлава Второго, да уготовил ему Господь Бог лучшее местечко в раю. Король Вацлав, говорят, и в старости был не прочь преумножить потомство в союзе с миловидной прислужницей и в одно время не на шутку увлекся белокурой и пышногрудой прачкой Любашей. И, дескать, родился Жито и вырос во дворце с такими же, как он, бастардами-братьями, закалившись в мальчишеских драках и битвах с королевскими поварями.

Всем нравился вихрастый востроглазый мальчишка с веснушчатым носом, активный и решительный, как целая королевская армия в годы великих побед Чехии. Но уже тогда прославился он злыми шутками и ловкими проказами, чинимыми им даже над самим отцом-королем, и почти всегда избегал наказания, потому как все приходили в восхищение от его мастерства и не могли уже сердиться. А больше всех любил его король, пуская старческую слезу умиления, когда маленький Жито в который раз исполнял свою любимую проказу — выпускал десяток голубей под тяжёлый бархатный балдахин, под которым после обеда любил подремать старый государь.

Говорили, много шуток знал Жито, и никто не мог угадать, что он выкинет в следующий раз. Однажды, например, по словам рассказчиков, он залез на самую высокую башню дворца, где спала королева, перелез на крышу, добрался до шпиля, держа под мышкой громко кричащую дикую утку, и привязал её к флюгеру. Два дня потом утка летала по кругу над башней, натягивая верёвку с аршин и оглашая криканьем весь двор и королевскую опочивальню. На третий день верёвка оборвалась и птица улетела. Но, лишившись сна на две ночи, королева самолично оттрепала мальчишку за уши и за нос,

которые целый день потом горели огнем, и суровый мальчик, страдая, поклялся отомстить.

В ту же ночь Жито намазал ей пятки смесью горчицы и уксуса, так королева криком подняла полдворца, многие тогда поседели и упали на колени, приняв её голос за трубы ангелов, возвещающие о конце света! И как только удалось юному Жито проскользнуть в спальню королевы через охрану, которую утроили — королева всерьёз опасалась погибнуть от рук «дьявольского бастарда», — никто не понимал.

Герцогу Братиславу, собравшемуся поохотиться на вепря в королевском лесу, Жито намочил порох, и не отличавшийся предусмотрительностью, а больше рассеянностью и сонливостью во всё время, как и сопровождавший его слуга, герцог обнаружил это только, когда уже стоял в лесу, глядя глаза в глаза на матерого вепря-вожака. Причём вепрь, отличавшийся большей внутренней силой и властью взгляда, его переглядел, и посрамлённый герцог вынужден был, опустив взгляд, уступить победителю лесную тропинку.

Страдали от проказливого сына прачки и менее знатные обитатели дворца. Например, цветочные часы теперь по три раза на дню показывали время обеда, что путало поваров, выходявших на двор вылить помой и не имевших других часов, поскольку все песочные были выкрадены и разбиты Жито, а священник, служивший в дворцовой часовне, давно не звонил в колокол, по которому определяли время. Едва ему удавалось задремать, как мальчик наливал ему в уши воск. И отец Януш теперь пребывал в постоянном раздражении, постепенно забросил все свои обязанности и думал только о том, как отомстить маленькому негоднику, лелея мечты о применении к мальчишке самых изощрённых пыток, какие только были изобретены к четырнадцатому веку гуманным человечеством.

Говорят, много чего ещё успел натворить во дворце Жито, пока не был отослан многотерпеливым отцом в Париж, учиться сапожному ремеслу у лучшего в Европе сапожника. Ибо, какое бы поприще ни избрал (или за него ни выбрали) королевский отпрыск, пусть даже незаконнорождённый, должен был он в своём деле превзойти всех остальных. Не посрамить крови великой династии Пршемысловичей!

Так это было или не так, мы не знаем. Но как-то раз юношу-сапожника, которого звали Жито, посетил Сатана. Сидя в своей каморке на чердаке, Жито, коренастый темноволосый парнишка с умными, пронизательными карими глазами и широким лбом, в этот момент как раз задумался о том, что годы, потраченные на освоение профессии сапожника, прошли зря. Ведь он всегда чувствовал, что не его это дело, душа его никогда не лежала к башмачному ремеслу, как бы ни хвалили его за успехи заказчики. И он понял вдруг, что тщеславие, подстёгивавшее его когда-то стать лучшим женским башмачником славного королевства Чехии и тачать модельные туфли для герцогинь, жен и дочерей членов городского управления, владык, рыцарей и высшей шляхты, не приносит ему больше даже мнимого удовлетворения.

Он хотел настоящей, великой славы, чтобы его уважали и боялись владыки, чтобы гремела его известность по всем селениям и городам королевства и достигла других государств. И уж среди поприщ, на которых можно достигнуть такого, не было сапожного дела. Но где уж этому сбыться? Войны давно не было, и ему, безродному юноше, всё равно не прославиться, не достичь таких высот в ратном деле. Да и не стремилось его сердце к военному искусству, так же как и к его нынешнему ремеслу.

Он досадливо повёл густыми бровями, поджал губы и, глубоко вздохнув, принялся дошивать бархатные башмачки для жены бургграфа, которые надо было дошить до утра вместе с ещё пятью парами. Если будешь отвлекаться на глупые мечты — и дело не успеешь закончить, и на сон совсем времени не останется. Ему и так, с тех пор как все улицы города выложили булыжником, спать приходилось по два-три часа в сутки. Обувь уж больно быстро у людей стаптывалась на каменной мостовой. А завтра очередной из бесконечных дней работы под присмотром и окриками мастера Пепика, владельца обувной мастерской «Для дам, а панам — не дам!» И послезавтра, и после-после, и всю неделю, весь год, всю жизнь... Эти мысли приводили честолюбивого юношу в ужас!

И вот в такой подходящий момент в приоткрытое окно влез Сатана. Хотя принято считать, что он для лучшего эффекта неожиданно возникает из ниоткуда, с глухим хлопком воздуха, распространяя вокруг удушливый запах серы. Но на этот раз, по известным ему одному причинам, нечистый предпочел вскарабкаться по стене пятиэтажного дома до самого чердака и влезть в окно. Жито в первый момент, конечно, принял его за вора, недоумевая от такой наглости — мыслимо ли лезть в освещенную комнату совершенно беззастенчиво, не обращая внимания на хозяина?!

Да и что у него воровать? Куски кожи, обрезки бархата? Нитки? Больше в чердачной комнате, которую он снимал, отдавая хозяйке половину своего скудного жалованья, не было ничего, что хоть сколько-нибудь могло бы приглянуться вору. Разве что одежда? Но и на это барахло ни один уважающий себя вор не позарился бы. В комнате с серыми обшарпанными стенами даже мебели почти не было, только стол посередине, за которым парень работал по ночам перед свечным огарком, табуретка да скрипучая сосновая кровать, застеленная старым покрывалом.

Гость был одет в чёрный шёлковый плащ с красной оторочкой, высокие сапоги, а на голове шляпа с плюмажем. Худое подвижное лицо и очень живые жёлтые глаза его были устремлены на юношу и глядели изучающе. Было в них ещё что-то такое, отчего у парня чуть более робкого похолодели бы уши, но Жито отличался бесстрашием.

— Кто вы такой? И что вам от меня понадобилось? — громко поинтересовался молодой подмастерье, не выказывая ни капли страха перед ночным гостем, ведь не он залез без приглашения по водосточной трубе в чужое окно в полночную пору.

— Приветствую тебя, славный юноша! Я тут услышал твои тщеславные мысли и решил заглянуть. Как насчет сделки? — без лишних предисловий деловито предложил новоприбывший, энергично отряхивая плащ от прилипшей штукатурки и пыли.

Хоть слова его и звучали туманно, но не для жителя Праги четырнадцатого века. Жито сразу понял, кто перед ним, но и это его не испугало. Казалось, что в глубине души он даже ждал этого гостя и был готов к встрече с ним.

— Что ты мне предлагаешь?

— То, что сам выберешь.

— И заберёшь в обмен мою душу? — Голос Жито не дрогнул, когда он произносил эти слова.

— Как положено, — кивнул нечистый, усаживаясь на табуретку, постаравшись расположиться на ней с максимальным удобством. Только это было непросто, и Сатана недовольно поморщился. — Вовремя ты меня позвал. Да-да, я не являюсь к тем, кто не готов к заключению со мной стандартной сделки. Но ты весьма вовремя сообразил, что жизнь пора менять. К чему и далее влачить столь жалкое существование? Это просто глупо. Я дам тебе все блага мира, и для начала этой комнате, раз уж нам предстоит провести здесь некоторое время, не помешает стать чуточку уютнее. Люблю окружать себя комфортом...

Он взмахнул полый плаща, и каморка, служившая Жито жилищем последние несколько лет, приобрела такой роскошный облик, каким не обладала даже во времена своей юности, когда дом был только построен. Стены, потолок и пол заблистали свежей краской, вместо единственной табуретки появились два роскошных кресла с резными дубовыми ножками и изящный столик красного дерева, на котором лежали исписанный лист пергамента и большое гусиное перо.

— Значит, в аду комфортно? — спросил Жито.

Ночной посетитель пожал плечами.

— Кому как.

— Понятно, — кивнул Жито, косясь на пергамент и перо.

— Прошу ознакомиться, — неторопливо предложил Сатана, протягивая пергамент Жито. — В наше время много неграмотных, зачитываешь им договор, а они потом жалуются, что их обманули, что такого пункта там не было, они ничего о нём не слышали, а я просто лгун и обманщик.

— Я умею читать, мастер Пепик меня научил, но я ведь ещё не сказал, чего хочу.

— А то я не знаю! Пожалуйста, читай побыстрее, мне надо успеть до петушиного крика заключить сделку с одним иудеем-процентщиком из Еврейского Города. Это, как ты знаешь, на другой стороне Влтавы, и старик, сам понимаешь, до рассвета будет торговаться.

Жито принялся за чтение, пальцы его дрожали, чего с ним до этого никогда не случалось. Но на первой же строчке брови его поползли вверх.

— Я стану колдуном?!

— Тебя в этом что-то не устраивает? Ты станешь величайшим колдуном своего времени! Ты же хотел прославиться и получить богатство и уважение, да плюс чтобы тебя все боялись?

— Твоя правда, всё верно, это меня устраивает, — кивнул Жито, отважно взявшись за перо. — Расписываться кровью? Знаю я ваши ритуалы...

Жито шилом глубоко кольнул свой палец, набрал побольше крови в перо и аккуратно подписался. Только протягивая готовый договор Сатане, увидел, что тот брезгливо морщится и как-то даже позеленел лицом.

— И кто придумал, что я всегда требую подписи кровью? — проворчал он, прикрывая рот рукой в чёрной перчатке. — Мне от её вида плохо становится. Наследану!² Увидимся...

Он полез обратно в окно.

— Надеюсь, что это не скоро случится! — крикнул вслед ему Жито и сунул уколотый палец в рот.

Ночной гость помахал ему ручкой, прежде чем его довольно улыбающаяся физиономия растворилась за подоконником.

С этого момента исчез из Праги молодой башмачник, а на его месте появился великий колдун и фокусник Жито!

Много дивных дел натворил он в Праге и за её пределами, разные короли восхищались его искусством, и многие из них мечтали, чтобы он перешёл к ним на службу. Но Жито остался верен своей родине и не захотел покидать Праги и служил только своему государю.

Говорили, что чёрт ему подарил седло, на котором можно домчаться за доли секунды до места назначения, и плащ-невидимку. Обычно ходил колдун в красной курточке и чёрно-красных полосатых лосинах, а лицо его всё темнело из года в год. Пражане называли его за глаза черномазым — в лицо бы никто не осмелился, потому что всяк знал: Жито такое с ним может сотворить, что и на том свете помнить будешь.

Одного трактирщика, говорят, он превратил в чёрного осла только за то, что тот подал ему разбавленное пиво. Целую неделю тот был ослом и, крича по-ослиному, низко кланялся Жито, пока тому не надоело, что за ним повсюду ходит осёл с унылой мордой, и он превратил его обратно в человека, только уши ему оставил чёрные и волосатые. С тех пор трактирщик отращивал волосы, а пиво разбавленное подавал, только как следует приглядевшись к посетителю: мало ли в каком облике явится Жито? Ведь Пражский колдун, как его прозвали, надо сказать, был мастером перевоплощений.

Выходил из дома в одном платье, а до места доходил совсем в другом, обычно гораздо более нарядном и дорогом. Так, раз как-то отправился на приём к королю, надев на себя пыльный мешок и подвязавшись грязной веревкой, так что люди на улице дивились, а кто не узнавал его, открыто посмеивались. Пока шёл по улицам, одежда его постепенно менялась, вот на ногах появились красивые остроносые башмаки с золочеными пряжками. Ещё улицу прошёл — и на плечах его уже дорогой бархатный кафтан с пышными рукавами и со шнуровкой. Ну и диковинно же он выглядел в таком кафтане, с прежней верёвкой на поясе и в дорогих башмаках на голую ногу! Но вот на нём уже тонкие штаны-чулки, на голове шляпа-шаперон, а на золотом поясе висит расшитый парчовый кошель. И во дворец он

² До свидания!

входил уже при полном параде, разодетый знатным щеголем!

А идёт назад — на нем монашеская ряса или балахон отшельника.

Любил его чешский государь и миловал. Как-то пригласил он Жито погостить в своём загородном замке и поохотиться заодно. Ехать должны были вместе, вот уже сидит король в своей карете, запряжённой четверкой прекрасных лошадей, пора уже выезжать, а Жито всё нет. Не привык король ждать, но без Жито отправляться не хочет, скучно будет без любимца ему отдыхать, и охота не в радость. Уже и посылали за ним, но посыльный не смог Жито отыскать, осерчал его величество, но что поделаешь, не ждать же вечно, пора трогаться.

Вдруг зазвенели бубенчики, раздался петушинный крик, и все увидели, как в замковые ворота въезжает диковинная процессия — повозки, запряжённые петушиными парами, а управляют ими, стоя на маленьких двухколесных тележечках, коты, разодетые в ливреи и маленькими кнутиками погоняющие птиц. Одна повозка с парой петухов, вторая, в ней уже две пары, в третьей — три, а следом едет тележка, запряжённая уже четырьмя парами петухов. И только восемь здоровущих петухов могли осилить едущего на тележке Жито, одетого в королевский плащ с пелериной!

Долго король и придворные смеялись и умилялись котам, с чинным видом управлявшим своими колесницами. Так и поехали бок о бок две процессии, и всю дорогу среди сопровождавших короля придворных и челяди царили удивление и веселье. И народ бежал за ними, а потом все в городе рассказывали об этом, добавляя подробности ещё более невиданные. Когда доехали до места и распрягли птиц, котов оставили жить в почёте в замке, а петухов отправили на птичий двор, где те благодаря своей породистости и стати сразу взяли бразды правления в свои крылья.

В тот же день Жито учинил ещё одну шутку. Надо сказать, что королевские шуты очень его боялись, частенько доставалось им от Жито. Может, ревновал он их к королю, считая своими конкурентами, а может, просто шутов не любил. Но в тот день, увидев, что шут Янек слишком налегает на еду, Жито учинил над беднягой такую шутку. Едва тот принялся за очередного жареного карпа, держа его обеими руками и с жадностью откусывая большую его часть, как почувствовал, что рыбка соскальзывает и падает обратно в тарелку. Пытается снова её взять, да руки не слушаются. Глядь, а это уже и не руки, а конские копыта! Ну и лицо у него стало в тот момент... Сначала ничего не понял, а потом ужасно испугался и даже заплакал:

— Ваше величество, ваше величество! Что же это за безобразие?

Обжора Янек впервые в жизни при короле без шуток, серьёзно заговорил!

— Ладно, Жито, верни ему его шаловливые пальчики, — смеясь, велел государь.

— Хорошо, ваше величество, один момент. Ой, что это, кажется, я забыл, как это делается! — притворно воскликнул Жито, до полусмерти напугав бедного шута этими словами.

Копыта толстого Янека раздвоились и превратились в свиные.

— Сейчас-сейчас... Сию минуту...

Теперь они начали увеличиваться и стали бычьими.

— Ослиные! Козлиные! Нет, опять лошадиные! — Копыта всё продолжали меняться, и присутствовавшие уже хором угадывали, ноги какого животного на этот раз выросли у шута.

Бедолага уже в отчаянии бил ими себя по голове, как королева и многие дамы начали просить за несчастного обжору, и Жито, низко поклонившись королеве, тут же вернул шуту его руки. Янек почти сразу же куда-то скрылся и объявился только на следующий день, да и долго ещё после этого старался держаться от Жито подальше...

Как-то подшутил он над знаменитыми фокусниками из Баварии, которые приехали вместе со своим герцогом, чтобы показать своё искусство королю на празднике святого Вацлава и приуроченного к этому дню торжества в честь юбилейного переиздания «Чешской хроники» Козьмы Пражского.

Что только не вытворяли баварские фокусники на Староместской площади Праги! Глотали длинные железные пруты, давали себя ими протыкать, пыхали огнём или фонтаном воды изо рта... Из маленького ларца у них вышел удивлённый монах-цистерцианец, одно пузо которого выглядело втрое вместительнее этого ларца.

Жито смотрел на всё это, стоя в толпе, и стоящие рядом слышали его недовольное фырканье всякий раз, как баварцы выкидывали что-то особенно удачное. А народ был в неописуемом восторге. Мало было тогда у горожан развлечений, и баварцы даже почти побили успех казни Петроушка, знаменитого разбойника с Кутной Горы, вдова которого до сих пор гордилась успехом смерти мужа и купалась во внимании и почете. Тут надо добавить, что месячной давности казнь Петроушка горожане обсуждали с большим восторгом, чем даже фокусы Жито...

Гордость пражанина и мастера колдовских дел была задета тем, что жители его родного города предпочли ему каких-то иностранцев.

И решил Жито, что покажет, кто тут лучший колдун и фокусник. Дождавшись, когда баварцы закончат свое выступление, и скрипя зубами вытерпев бурные овации, которыми наградили зрители его соперников, поднялся он на помост.

Люди ждали, что сейчас покажет Жито, и баварцы не спешили уходить, насмешливо поглядывая на колдуна, готовые после его фокуса повторить то же самое или показать свой ещё лучше. А Жито молча поклонился и вдруг пальцами обеих рук начал растягивать рот.

Народ замолк, и круглыми глазами все смотрели, каким огромным становится его рот. Вот Жито растянул его уже размером с лохань и, неожиданно схватив одного из баварцев (тот был так поражён, что и сделать ничего не успел), поднял его в воздух и проглотил целиком. Только сапоги точёные с железными носками выплюнул.

На сцене как раз стояла кадка с водой, в ней иностранцы фокус с птицами показывали. Появятся в ней утки и гуси, поплавают чуток по кругу, расправят крылья, да и улетят в синее небо. И Жито, с трудом передвигаясь, подошёл к этой кадке, наклонился над ней и выплюнул туда своего фокусника.

Плюхнулась, перелилась через край вода и высунулась из кадки голова мокрого баварца; его товарищ поспешил помочь ему выбраться. С него ручьями текла вода, и он никак не мог прийти в себя. А народ счастливо смеялся над приезжими фокусниками и аплодировал Жито!

Ещё и в другой раз подшутил Жито над баварскими фокусниками. Во время пира во дворце, устроенного в честь гостя короля, баварского герцога, в день его отъезда со двора вдруг послышалась немецкая речь. Двое фокусников, сидевших рядом с окнами, поднялись с мест и высунулись в резные пролёты узких окон. Двор оказался пуст, одураченные кем-то баварцы хотели снова сесть, но на головах у них вдруг выросли ветвистые оленье рога, и они головы свои всунуть назад не могли. Только кричали перепуганно да стукались рогами по каменной стене...

Конечно, поднялось веселье среди пирующих, больше всех смеялся король, а баварский герцог улыбался сквозь зубы, недобро поглядывая на Жито. Все уже знали, чьих это рук дело. Но наконец, отсмеявшись, король велел любимцу отпустить фокусников, что тот в то же мгновение и исполнил: рога исчезли, а пристыженные баварцы вернулись за стол. Так и не смогли или не захотели они отомстить своему сопернику, поняв видно, что искусство его простирается далеко дальше самых лучших их фокусов, с настоящей и сильной магией шарлатанством не поборешься...

Однажды наказал Жито за жадность и бессердечность одного пекаря по имени Михал. Проходил он как-то мимо его лавки и увидел, как тот выгоняет в дверь бедную вдову с ребёнком, крича на всю улицу, будто его режут:

— Убирайтесь отсюда! Чтоб я вас тут больше не видел, попрошайки! Здесь вам не паперть и я милостыню не подаю!

А у пекаря этого было небольшое стадо свиней, и очень он их любил, может потому, что внешностью они были похожи на него, как родные братья — такие же толстые, с носами-

пяточками и оплывшими жиром маленькими красными глазками.

Взял Жито ивовые прутьи, заколдовал их, и превратились они в свинок, да таких крупных да румяных, куда там Михалевым откормышам. И выпустил он их пастись у реки, где обычно пас своих свинок и Михал. Увидел тот, какое стадо у Жито, была возможность сравнить, и загорелись его глаза жадностью.

— Сколько за них возьмешь?

— Зачем мне их сейчас продавать? Вот откормлю и на Рождество сделаю себе на них состояние, будет что на старость отложить, — отвечал Жито, с любовью похлестывая палочкой своих свинок по крутым бокам, подгоняя их к водопою.

Но Михал начал его уговаривать, и колдун, поломавшись, в конце концов согласился продать их за большую цену. Но предупредил Жито, что его свинки боятся мочить копытца. И чтобы он их глубже чем по колено в воду не загонял! Неделю Михал помнил о наказе Жито, а потом подумал, что подшутил над ним колдун. В самом, деле, что ж это за свинья, которой ножки промочить страшно?! Вон, в грязной луже небось целыми днями нежатся — и ничего! Перекрестился да и погнал сдуру всё стадо через знаменитый Свиноброд, что на Эльбе, к границе немецкой на сосиски продавать. Жадность его обуяла до Рождества ждать...

В тот же миг обратились свинки обратно в прутья. Увидев такое, Михал чуть с ума не сошёл от ярости и горя, испугавшись, что не вернёт теперь своих денег. Разломив и растоптав в гнев прутьи, отправился он на поиски Жито. А колдун отдал вырученные деньги той вдове, которую обидел Михал, и только скромно кивнул в ответ на её благодарности и остановил, когда она хотела упасть перед ним на колени.

Найдя его в корчме, Михал с порога начал буяннить и кричать на Жито, видно, ещё в ум не вошёл, а то бы поостерёлся:

— Грязный ты обманщик, я найду на тебя суд, я к королю пойду! Поплатишься ты за это! А ну возвращай назад моё серебро, я с тебя ещё проценты возьму за убыток! — кричал он, топая ногами и размахивая кулаками у Жито перед носом.

Мужики в корчме обомлели, сразу видно, пришлый этот Михал, недавно в городе, а то бы не вёл себя так глупо, ждали они, что Жито с ним сейчас сотворит. А тот и бровью не повёл, продолжает глушить свое пиво у стойки и говорит хозяину:

— День сегодня какой хороший, даже не хочется отвечать злом на зло, всем врагам прощаю.

Услышав такое, Михал совсем рассвирепел, думая, что Жито над ним смеется.

— Зато я не прощаю! Получай же, проклятый колдун!

И заехал ему кулаком в живот, а рука-то его прошла насквозь; когда он её вытащил, увидел, что в животе у Жито большая дыра образовалась, через такую и солнце с месяцем увидеть можно. Все закричали, а Жито спокойно так говорит:

— Хороший был день, пока ты меня не изувечил. Теперь я инвалид, работать не смогу, придется мне отвести тебя в суд, может, с тебя что взыщут, и будет мне на кусок хлеба. Кто из свидетелей хочет развлечься с нами на суде, милости прошу!

Все, кто в корчме был, рады были засвидетельствовать в пользу Жито. Ещё столько же, сколько за свиней выручил, получил колдун от Михала в суде, жадный пекарь там все больше молчал и вёл себя смирно, только вздрагивал, видя дырявого Жито, и безропотно отдал деньги. Так наказал Пражский колдун жадного пекаря. А выйдя из суда, промолвил задумчиво:

— Что-то сквозит меня насквозь, холодный нынче ветер. — И снова стал целым, дыры размером с кулак в нём будто и не бывало.

Смеялись люди над пришибленным пекарем, который вышел следом. Но, видя, что и тут Жито снова его обманул, Михал уже не возмущался и не требовал возврата серебра, а поспешил быстрее скрыться в толпе с глаз колдуна, чтобы тот с ним ещё чего не сотворил.

Но это была последняя шутка Жито; когда он вернулся домой из суда, довольный и веселый, увидел вдруг, что кто-то пробрался в его дом через окно. Только одно существо на

его памяти предпочитало ходить через окна, и это был не квартирный вор. Радостная улыбка сползла с его лица. Он ждал этого гостя, но не думал, что тот явится так скоро.

Нечистый сидел за столом в центре комнаты и, встретившись взглядом с помрачневшим Жито, как будто прочитал его мысли.

— Сам понимаешь, у каждого срок в разное время подходит. Но ты, вижу, зря времени не терял и успел пожить. — Сатана с масляной улыбкой повёл рукой по сторонам.

Комната была богато обставлена, и здесь было много дорогих и памятных сердцу хозяина вещей. Под ногами шкура медведя, которого он завалил на охоте на пару с королем, а вот позолоченные оленьи рога, которые прислал ему герцог Баварский в память о шутке, учинённой Жито над фокусниками герцога. Всякие безделушки, подаренные поклонницами его таланта, среди которых была не одна особа королевского рода. Сколько приятных воспоминаний было связано у него с этими дамами...

— Я стал чище душой. Многие будут молиться за меня, эти люди удивились бы, если бы узнали, что моя душа принадлежит тебе.

— Уговор есть уговор. Если ты был добр и помогал людям, тем приятнее мне получить твою душу. Час настал...

— Но я неплохо себя чувствую, у меня ничего не болит, — возразил Жито нахально, откидываясь в кресле. — А ты ведь можешь забрать мою душу только после моей смерти.

— Это произойдет через несколько мгновений.

— Но я же говорю: я ощущаю себя живым как никогда!

— Хорошая комната, отделал ты её со вкусом, но надо было проследить, чтобы люстру получше закрепили, — ехидно промолвил гость.

Жито поднял глаза на потолок, но успел увидеть только стремительно падающую на него огромную медную люстру. Так и не стало Жито. Но душу его Сатана не получил, прилетел ангел и забрал её на небо, отвесив Сатане пинок под хвост, когда тот попытался с ангелом побороться. Так, может, и Всевышнего на небесах веселили знатные шутки Пражского колдуна? Кто знает...

Три легенды о евреях

Первая легенда говорит о великой любви и крестившемся еврее, ставшем призраком...

Иссахар Киши родился в Еврейском Городе, что является частью старой Праги. Еврейский Город вырос в четырнадцатом веке, и ни один еврей не мог жить за территорией этого города. Шесть высоких ворот отделяли Прагу от обособленного еврейского района, и по ночам они закрывались, чтобы ни один еврей не мог выйти в Вышеград или Староместо. Таковы были жёсткие условия пражского гетто...

Доныне эту историю о стойком юноше, вышедшем из рода Аарона, что, правда, не имело в его судьбе особого значения, вам расскажут в любой синагоге Праги.

Детство Иссахара прошло так же, как у всех еврейских мальчиков, выросших в следующей традиции своего народа иудейской семье. Он посещал хедер, ходил в синагогу и соблюдал Шаббат. Когда он подрос, родители, будучи людьми бедными, отдали его обучаться торговому делу к одному богатому негоцианту. Тот имел несколько ювелирных магазинов, торговавших серебряными украшениями на территории Еврейского Города, а также в Пльзени, Пардубице и славном моравском городе Брно, где находилась резиденция маркграфа. Богата была Чехия на серебро, много его добывалось в Кутногорских рудниках, как ни в одном европейском государстве того времени.

Понемногу постигал юноша науку торговли. Как привлечь покупателя добрыми речами, умением расположить к себе, скромностью и вежливостью. Как правильно разложить товар, чтобы дочери богатого старосты остановили свои прекрасные взоры на искусно выполненных украшениях. Научился вести приходную книгу, рассчитывать

работников, умножать прибыль. Богатый хозяин постепенно проникся большим доверием к исполнительному и всегда почтительному Иссахару. Видел он и тёплое отношение своей единственной дочери Суламифи к бедному юноше, но не придавал большого значения их детской дружбе, решив не тревожить себя заранее.

Славное то было время для молодого Иссахара. Красивые, хорошо одетые девушки заходили в его лавку и одаривали его жемчужными улыбками и шутливыми словами. Среди них была и Юдифь, дочь раввина, гордая и непокорная красавица с толстыми чёрными косами, которая трогала какие-то струны в душе неискушенного юноши. Год проходил за годом, и большеглазый худенький мальчик превратился в очень красивого высокого и стройного мужчину. Чёрные волнистые волосы, тонкий нос и прекрасные карие глаза, в которых можно было увидеть сияние тысяч звёзд на небосклоне в святой праздник Шевус и красоту Млечного Пути, не оставляли равнодушной ни одну девушку на выданье...

По-прежнему и всё чаще заходила в лавку, в которой он постоянно работал, и Юдифь, она почему-то всё не выходила замуж, несмотря на то, что сватались к ней много достойных мужчин. В ответ на предложение любить до гроба каждый из них с порога получал в руки большую тыкву, что означало отказ, а из дома слышался серебристый смех жестокой красавицы.

В один из дней заглянула в лавку молодого торговца незадолго перед закрытием и Сула-мифь. Иссахар не видел её ровно год, девушка уезжала с родителями в Брно, где отец открывал несколько мастерских ювелирных украшений. Суламифь очень изменилась, но Иссахар узнал ее сразу, сердце его при виде дочери хозяина радостно затрепетало. Волосы Суламифи, всегда густые и прекрасные, стали ещё длиннее и завивались в тугие чёрные кольца, лицо её, подобное лицу библейской красавицы Вирсавии, пленившей самого Давида, к роду которого Суламифь принадлежала по материнской линии, стало ещё краше. Из-под длинных шелковистых ресниц глаза её сверкали, как солнечные зайчики в окнах Староновой синагоги. Она скромно потупилась, а Иссахар, и сам смутившийся непонятно отчего, приветствовал её дрогнувшим, но счастливым голосом. Молодые люди не могли наговориться и болтали до самого закрытия лавки, им на радость мало заходило в тот день покупателей.

Закрыв лавку, Иссахар пошёл проводить девушку до дома.

— Хорошо, что мы, евреи, живем отдельно, можем спокойно ходить под окнами, не боясь, что на голову упадёт какой-нибудь католик, — смеясь, заметила девушка, хотя время было тревожное.

В Праге было восстание, которое возглавил вождь городской бедноты Ян Желивский, и по улицам распевали «Восстань, восстань, великий город Прага!». Но молодость не замечает туч и не теряет лучика счастья...

Юноша, обеспокоенно посмотрев наверх, все равно заботливо отвёл девушку подальше от окон. Мало ли...

— Ты права, в гетто нам бояться нечего.

— Этот бунтарь Ян Желивский и его виклефиты³ такие буйные... Как бы они не добрались и до евреев, — вдруг насупившись, сказала Суламифь, но тут же снова рассмеялась, ничто не могло больше чем на мгновение омрачить её чистого счастья от долгожданной встречи с Иссахаром.

— При чём тут мы? Он борется за реформацию католической церкви, — сквозь полуулыбку начал оптимистично объяснять юноша, как вдруг почувствовал чей-то взгляд и встретился с пронзительными, полными ненависти глазами Юдифи, стоявшей на другой стороне улицы со своей няней.

Но девушка сразу отвернулась, накинула капюшон и поспешила скрыться в переулке,

³ *Виклефиты* — последователи Джона Уиклифа (Виклифа), английского реформатора, идеолога бюргерской ереси, предшественника Реформации.

увлекая за собой удивленную нянюшку.

Юный продавец украшений был обескуражен, никогда ещё не смотрела она на него такими глазами. Но, конечно, в следующее же мгновение осознал, что это был взгляд ревности! Об отношении Юдифи к нему он и раньше догадывался, но не питал к ней тех же чувств, а потому и не делал первого шага, которого, как он теперь понял, ждала от него жестокая девица, заглядывая в его лавку. Она надеялась на взаимность...

С этого дня богатая наследница и красивый продавец начали встречаться, свидания эти были тайными. Суламифь уже получила выговор от отца, когда в тот вечер он увидел молодых людей вдвоем, и он чуть было не уволил юношу, но сдержался, не хотелось ему терять хорошего работника. На первый раз он поверил словам Иссахара, что долг велел ему проводить девушку до дома. Суламифь и Иссахар начали встречаться и вскоре поняли, как крепко любят друг друга, и даже думали пожениться тайно от её родителей, которые готовили для дочери другую судьбу, уж никак не замужество с бедным сыном закройщика.

Но Суламифь была воспитана очень строго, в почитании отца и матери, и не могла решиться на тайный брак. Дочерняя любовь и чувства к Иссахару разрывали её душу, потому что не чаяла она жизни ни без одного из этих дорогих ей людей, а отец пообещал Суламифи своё проклятие вместо свадебного подарка, если она ослушается.

Вскоре нашли ей и жениха, зажиточного еврея-процентщика вдвое старше, по мнению родителей, настала пора выдавать её замуж, не пристало дочери засиживаться в невестах. Её заперли дома, чтобы до времени не портила репутацию. Бедняжка Суламифь впала в горе и начала чахнуть с каждым днём, так что, когда её предъявили жениху, он от неё отказался, посчитав чахоточной.

— Мне дети нужны, наследники, которым я смогу передать своё дело, а она, извините, и года не протянет. Ни одного ребёнка мне родить не успеет, со всем моим к вам уважением, драгоценный Моше, — в приватной беседе откровенно сообщил жених её отцу.

— Так, значит, моя единственная дочь Суламифь не слишком хороша для тебя, уважаемый Вацик Цимес?! Так знай же, это не ты от неё отказываешься, а я не отдаю её за тебя! И вот тебе твоя тыква!

В конце концов родители Суламифи, уступив силе любви, дали согласие на её брак с Иссахаром, зверьми-то они не были и в принципе ничего не имели против того, чтобы их дочь была счастлива.

— Надоело мне с вами бороться. Будь по-вашему! В конце концов, Киши — уважаемая семья из колена Аарона, а богатство можно и приобрести. Забирай себе лавку на улице Рабби Иегуды, в которой ты работаешь уже давно, отдаю её тебе в безвозмездное пользование всего за пять процентов годовых. Она хоть и маленькая, но за год ты должен вдвое повысить доход от неё, — великодушно повелел богатый негоциант.

— Ай-ай, отец. — Дочь одарила его укоризненным взглядом.

— Что, мало? Ладно, можешь забрать в придачу лавку на Башмачной улице, — смущённо добавил торговец. — Но больше не дам, сами наживайте, а то нам с мамой что останется? — надулся он.

Накануне свадьбы, о которой говорил весь Еврейский Город, Юдифь подстерегла Иссахара в Староновой синагоге и пригрозила убить Суламифь, поклявшись в этом прямо перед арон хакодеш — скрываемой завесой священной скинией⁴ — если он не отменит свадьбу и не откажется навсегда от своей невесты. Но юноша не поверил её словам. Он был слишком доверчив и слишком счастлив, чтобы в таком состоянии души поверить в то, что зло всегда рядом.

— Ты не способна на это, не наговаривай на себя, Юдифь, — мягко произнёс он,

⁴ *Скиния* — еврейский переносной походный храм; создан Моисеем как место пребывания Иеговы и для отправления торжественнейшего богослужения.

пропуская её полный ярости взгляд.

Он уже успел позабыть, какими глазами она на него смотрела в день его первой встречи с любимой Суламифью. Все готовились к свадьбе...

Но Иссахару и родителям Суламифи предстояло выдержать горесть. В день свадьбы Юдифь подсыпала невесте, которую считала своей соперницей, несмотря на то что никаких прав на Иссахара у неё самой не было, смертельную дозу яда. Юная красавица умерла на месте.

Юдифь впала в безумие, и, когда невесту уносили, в пиршественном зале раздался громкий хохот. Злодейка не скрывала своей вины, а на следующий день её нашли мертвой, она отравила и себя. Когда всё выяснилось, родители Суламифи обвинили в её смерти Иссахара, и он больше не мог работать у её отца, вина гнала его прочь. Ведь он знал о том, что замышляет Юдифь, и ничего не сделал, чтобы предотвратить трагедию, даже не поверил в то, что она замыслила это всерьёз.

Чтобы остаться жить в «стобашенной столице», как называли Прагу, но вне пределов Еврейского Города, Иссахар должен был креститься. Прагу он и не хотел, и не мог покинуть, магия этого города притягивает людей. Крестившись, он ушёл в религию, окончил духовную семинарию и принял сан, став отцом Войтехом.

— Католический священник не может жениться, значит, это мой путь, — говорил Иссахар. — Только так я могу оставаться верным моей возлюбленной Суламифи...

Но новая вера, в которой он искал утешения, не принесла покоя в его душу. Живя в прекрасной, величественной Праге, он тосковал по маленькому родительскому дому, по улочкам еврейского квартала с бедными, обшарпанными зданиями и по родной старой синагоге. Но больше всего его тянуло на кладбище Еврейского Города, увидеть родную могилу своей Суламифи, где покоилась она в тишине и мире в тени благоухающей бузины.

Однако дороги назад не было, его народ отрёкся от него так же, как он отрёкся от них и от веры отцов. Тоска в конце концов унесла молодого капеллана в могилу. Но он успел оставить завещание, где просил похоронить его на родном кладбище рядом с дорогой могилой невесты. Родители Суламифи выполнили волю покойного — из милосердия к страдальцу, но без особого желания. Его отречения в родном племени так и не простили...

Но не нашёл он долгожданного успокоения и в вертограде мертвых среди родного народа. Остался Войтех изгоем для евреев и после своей смерти. И беспокойная душа его не дала ему уснуть вечным сном — многие видели, как разверзалась его могила, а это происходило еженощно, и сутулый мертвец шаркающей походкой медленно шёл к Влтаве. Там в лодке ждал его скелет, единственный его приятель, с которым он сблизился уже после смерти. Скелет приветственно ему кивал и взмахивал костлявой рукой; надо сказать, что, по замечаниям очевидцев, нрав у него был более веселый, чем у его вечно печального товарища Иссахара-Войтеха. Умело работая веслом, скелет перевозил его на другой берег Влтавы.

И шли они вместе до собора святого Витта, где отец Войтех проводил службы при жизни, когда был капелланом. Там они вместе играли на органе, иногда в четыре руки. Но больше всего любил скелет надувать мехи или ещё нажимать на педали. Когда они вместе играли, выходила странная мелодия: партия Иссахара была скорбной и жалостливой, а скелета — разудалой и весёлой, насколько только можно было выжать из органа радостных звуков.

Когда часы на башне Святовиттского собора били час ночи, концерт заканчивался, и приятели в обнимку возвращались к реке. В такие минуты скелет утешал товарища, которому как будто ещё тоскливее и горше становилось от музыки, в которой он искал успокоения, но не находил. Но это не мешало ему каждую ночь возвращаться сюда, чтобы снова излить отчаяние неуспокоенной души в звуках органной музыки.

А ещё, говорят, порою видели, как ночного капеллана, бредущего к Влтаве по кладбищу, пыталась догнать прекрасная девушка в белых одеяниях и с безумным взглядом, и утверждали, что это была Юдифь. Но хоть бежала она гораздо быстрее уныло бредущего Иссахара, ей никак не удавалось догнать его, когда же отравительница осознавала всю

тщетность своих усилий, она впадала в ярость, и горестный вопль тогда раздавался над вертоградом мертвых. До Страшного суда будет искупать она свой грех ревности, толкнувшей её на страшное преступление...

А на могиле Суламифи каждую весну расцветают розы. Считается, что если еврейский юноша преподнесёт такую розу своей девушке, то их любовь будет такой же преданной и вечной, как любовь дочери богатого торговца и бедного сына закройщика...

Вторая легенда рассказывает о кладе карликов и предусмотрительном уме старого ребе...

Однажды уважаемый рабби Исаак, староста Еврейского Города, ехал через дремучий лес, возвращаясь в Прагу из дальней поездки. Вдруг лошади встревоженно запрядали ушами, зафыркали и... встали. Ни в какую не хотели они двигаться с места, а время уже было позднее. Рабби вдруг увидел золотистые всполохи, что змейкой мелькали невдалеке от дороги, он вышел из повозки и, оставив её на возчика, который, ругаясь, безуспешно возился с лошадьми, пошёл за огоньком, полагая, что так можно найти сокровище.

Но всполохи золотистого света, как и положено таинственным огонькам, тут же начали углубляться в лес. Это оказалась саламандра, рабби успел разглядеть ящерку с золотистой кожей, она-то и привела его к цели. Отодвинув ветки боярышника, он увидел поляну, по которой там и тут были рассыпаны горки золотых и серебряных монет. А среди этого богатства, орудуя лопатами, шныряли крошечные бородачи. Белые волосы и бороды у них были длинные и опускались до земли. Староста понял, что встретил карликов, по преданию являющихся хранителями подземных кладов.

— Я рабби Исаак, и жутко извиняюсь, если помешал вашему милому труду, но позвольте спросить: кто вы такие?

Карлики остановились, и все как один воззрились на старого еврея.

— Мы ваши праотцы, — с важным достоинством ответил ближайший к ребе и, судя по более внушительному виду по сравнению с остальными, главный из карликов.

Рабби Исаак тут же припомнил еврейских праотцев.

— Не те, — сердито проворчал карлик, тут у него, видно, зачесалось в ухе, и он яростно поковырял в нем черенком лопаты. — Наш народ жил задолго до вашего и властвовал на этой земле! Но потом пришли вы, гиганты чертовы, и истребили нас, а кого не смогли, загнали под землю!

— В священной Торе этого нет, — с некоторым чувством превосходства сообщил уважаемый рабби. — Но не буду спорить, всё равно огромное вам спасибо за добросердечный и искренний ответ.

Однако он не собирался уходить, не решаясь задать главный волновавший его вопрос: кому принадлежит это золото? Почему-то он подозревал, что деньги эти предназначались для человека и возможно даже, что этим человеком был он сам, рабби Исаак. Иначе зачем тогда его к перебирающим золото карликам привела саламандра?

— Можешь даже не спрашивать, не тебе. — Единственный заговоривший с ним карлик как будто прочитал его мысли.

Рабби смутился и опустил взгляд. Остальные же продолжали свою работу, по-видимому прерванную появлением человека. Они подгребали деньги в одну большую горку и ссыпали в появившийся неведь откуда огромный железный сундук.

Наконец дело было сделано, и карлики, все кроме одного, исчезли вместе с золотом и серебром. Осталось валяться на траве, посверкивая, только три золотых дуката.

— Эти тоже не тебе, но могу поменять по курсу один к двум, — предложил практичный карлик.

Любопытный еврей согласился. Он был достаточно богат и заплатил шестью дукатами за три волшебных. Потому что таким образом собирался выяснить, кому предназначается это богатство, и вовремя приблизить к себе этого человека...

Благополучно выбрался старый рабби из леса. Лошади уже успокоились и быстро довели благочестивого старика до дома. Едва дождавшись утра, рабби взял одну монету, подержал в руках — на первый взгляд ничего волшебного в ней не было. Тогда он завернул её в бумажку и выбросил на улицу, после чего уселся у окна и не спускал с неё глаз,

— Ты не собираешься сегодня в синагогу, дорогой Исаак? — спросила его вошедшая в комнату жена, с удивлением обратив внимание на то, что рабби что-то пристально высматривает на улице.

— Нет, драгоценная Сара, я слишком занят.

Позже она снова заглянула.

— Тогда хоть поешь, муж мой. Я поставлю твою мацу на подоконник, чтобы ты не пропустил то, что так тщательно там высматриваешь. Что бы это ни было, надеюсь, это принесет нам прибыль.

Так и просидел Исаак у окна целый день, а когда собирался было бросить это, время уж шло к закату, как к тому месту, где лежала монета, подбежал какой-то бедно одетый мальчишка, нагнулся за бумажкой, подобрал её и тут же убежал дальше по улице.

На следующий день рабби проделал то же. Жена начала опасаться за его рассудок, и благочестивые евреи уже не ждали своего рабби в синагоге, а с любопытством глядели на него, сидящего в окне, и обсуждали его психическое здоровье. Вечером опять произошло то же, что и накануне. Тот же мальчик почти на бегу подобрал бумажку и убежал.

А на третий день к нему повалили члены общины, чтобы повидать своего больного наставника и попытаться вытащить его из сетей безумия. Однако он велел никого не впускать, а если вдруг какому-нибудь особо ревностному другу удавалось прорваться, Исаак отвечал на его вопросы неохотно, даже не оборачиваясь, после чего сердито требовал, чтобы тот его не отвлекал, а во имя гневливого Яхве занялся лучше своими насущными делами.

К вечеру опять прибежал тот же юный иудей, подобрал бумажку и стремглав унесся прочь. После этого рабби Исаак окончательно понял, что клад карликов в будущем будет принадлежать этому мальчику. Он вскочил с места и побежал в синагогу, где сделал заявление о пропаже трёх дукатов.

Жители Еврейского Города окончательно уверились в помрачении рассудка своего ученого ребе, все ведь знали, что он просидел все эти дни у окна и негде ему было потерять эти дукаты, да ещё на протяжении трёх дней. Каждый день по одному дукату. Все пересказывали его слова своим близким, соседям, знакомым и полностью уверились в том, что несчастный рабби Исаак сошёл с ума и ищет какие-то дукаты.

И уж конечно никто не ожидал, что объявится человек, нашедший все потерянные деньги. Но мальчик по имени Мордехай Майзл, который подобрал монеты, пришёл к ребе, сразу как только узнал, чьи это деньги. Просто ребёнок увидел сон, в котором какой-то подозрительный господин очень низкого роста, с наклеенными пейсами и в кастановой шляпе, слишком большой для него, раздражённым голосом велел ему каждый день приходить на то место напротив дома ребе и подбирать бумажки, в которых он найдет дукаты. Так вот, как только он узнал, что монеты эти принадлежат их рабби, Мордехай тут же прибежал к его дому и честно вернул ему его деньги.

— Третий ты оставил себе как вознаграждение? — Старый Исаак поражённо, но с уважением посмотрел на Мордехая. — Ты далеко пойдешь, мой расчетливый мальчик!

Мордехай обиженно затряс головой.

— Нет, ребе, я отдал его маме. Отец мой слепой, мать больна, дома нечего было есть и не на что купить лекарство, без которого ей не прожить и недели, — поспешно объяснил он, глядя на ребе большими печальными глазами. — Вчера мы наконец-то увидели хлеб...

— Ты меня разжалобил, добрый мальчик. Скажи, как тебя зовут?

— Мордехай Майзл, ребе!

— И как же ты нашёл эти дукаты?

Мордехай заколебался, вспомнив сердитого коротышку из сна, который велел ему прокутить эти деньги в кабаке, но ни в коем случае не отдавать их никому, но потом честно

рассказал обо всем ребе.

— Теперь можно я пойду, господин? Меня ждёт мать, я должен помогать ей.

— Подожди, во-первых, эти два дуката твои, они принадлежат тебе по праву... — остановил его рабби.

— По какому праву, господин? Переодетый евреем карлик во сне то же самое говорил, — набравшись храбрости, сказал Мордехай. Уж больно странно это было, ведь он даже не вернул рабби третий дукат и, пока шёл сюда, боялся, что ему за это достанется.

— В своё время ты сам узнаешь. А пока, Мордехай Майзл, послушай меня: ты достойный мальчик, переезжай жить в мой дом, я буду заботиться о тебе как о родном сыне, которого у меня никогда не было, и сам оплачу твою учебу.

— У меня уже есть отец, и я вожу его в синагогу, без меня он пропадет, — твёрдо отказался Мордехай от выгодного предложения.

На следующей неделе богатый ребе появился в бедной скобяной лавке Майзлов. Родители Мордехая, скромные люди, были польщены посещением уважаемого во всём Еврейском Городе рабби Исаака. Но с того дня он часто к ним заглядывал по дороге в синагогу и беседовал с юным Мордехаем. А вскоре родители мальчика сами уговорили его ходить в гости к доброму раввину, тем более что тот постоянно приглашал. Вскоре Мордехай стал в его доме частым гостем и познакомился с дочерью Исаака. Дети сразу же подружились, чему рабби Исаак только обрадовался.

Теперь Мордехай учился и очень скоро преуспел и в торговом деле, и в различных науках. Но и родителей своих не забывал, каждый день помогая им в лавке и по хозяйству. Так прошли годы, и выросший Мордехай с благословения ребе Исаака женился на его дочери, которую звали, как и спасительницу еврейского народа, Эсфирью. Но сокровище к Мордехая так и не попадало, может быть, рабби Исаак ошибся и выдал единственную дочь за бедняка?

Не в силах дольше ждать, предприимчивый Исаак пригласил зятя съездить в лес, сказав, что-де грибной сезон уже давно начался и нельзя долго откладывать этот поход, иначе карлштейнские крестьяне — лес этот находился недалеко от королевского замка — все хорошие грибы соберут, а честным евреям мелочь одну оставят.

Не смог даже очень занятый делами Мордехай отказаться от предложения тестя, так сильно тот настаивал, хотя никогда раньше не увлекался сбором грибов. Поехали они в сторону Карлштейна, заехали в лес. Исаак велел кучеру остановиться на том же самом месте, где у него много лет назад вдруг встали лошади. Пока ехали, уже стемнело. Огонёк в траве не мелькал, и рабби повёл зятя в чащу.

— Смотрите, отец, здесь полно грибов! — воскликнул Мордехай.

— Нет, я знаю одну поляну, где, слава Иегове, можно накопать чёрных трюфелей без всякой свиньи, так много их там.

Ну ладно, не пристало спорить с опытом старших. Пришли они на ту поляну, но Мордехай, видя, что тесть поступает очень странно, был начеку. Он заподозрил, как и евреи много лет назад, когда рабби просидел у окна три дня, что старик тронулся рассудком. Но на поляне не было ни золота, ни карликов, ни даже трюфелей...

Ребе был в раздражении и до того уверился в том, что жестоко просчитался, обманули, сбили с толку его карлики, что с того дня постоянно злился на Мордехая. Всё его раздражало в зяте. Бедный молодой человек, не выдержав долго несправедливого обращения, вскоре переехал с женой от её родителей. Эсфирь не возражала, ей самой давно хотелось жить с мужем собственным домом.

Но вскоре, после того как они переехали, приключилась с Мордехаем такая история. Произошло это как-то ночью, когда он, устав ждать Эсфирь — та засиделась в гостях у матери, — решил ложиться спать. И забыл помолиться перед сном...

А как известно, к забывшим о молитве евреям по ночам приходит сама Лилит, прекрасная черноволосая демоница! Наивный Мордехай ещё только недавно женился и, отличаясь душевным целомудрием, был неискушён во многих вопросах. Первая жена Адама

попыталась соблазнить Мордехая, применив для этого все женские ухищрения, но, слава Саваофу, тут вернулась его жена и как раз только успела спасти бедного запуганного демонией мужа, прогнав Лилит гневными криками и сковородкой.

— Как ты могла забыть, жена, что священный Талмуд запрещает мужчине оставаться ночью одному, почему ты меня бросила? Из-за тебя на меня напала Лилит, — упрекнул он жену, но глупая женщина ему не поверила.

— Стоит мне задержаться в гостях, как ты тащишь в дом всяких продажных девок! — кричала она, награждая честного мужа той же сковородой...

А надо сказать, что Мордехай имел мастерскую по изготовлению всяких инструментов, а при ней лавку. Как-то пришёл к нему один крестьянин очень маленького роста с сердитыми глазами, сверкавшими из-под густых белых бровей. И, поглаживая окладистую бороду, выбрал в лавке вилы, пару серпов и кос. Мордехай не спускал с него взгляда, уж очень посетитель был похож на карлика из его сна, который, кстати, с тех пор больше ему ни разу не снился. Только на этот раз карлик был одет в штаны, подвязанные верёвкой, широкую рубашку, а на голове была остроконечная шапочка из неокрашенного полотна.

— Мне это всё нужно, человек, но денег нет. Не возьмёшь ли ты взамен у меня старый ржавый сундук? Остался от прошлых хозяев, не знаю, куда девать. Не открывается, но тяжёлый, что-то, видать, там есть, — старательно выговаривая слова, как будто заученный текст, сказал низкорослый крестьянин. И сердито уставился на хозяина лавки.

Мордехай сразу согласился, он был милосердным человеком и всегда помогал тем, кто в этом нуждался. Конечно, это и вправду просто бедный крестьянин, а не переодетый карлик к нему пришёл, такое только в сказках случиться может. Он и сундук с собой сразу прихватил, тот возвышался у него на телеге. Работники Мордехая, четверо здоровых парней, с трудом втащили его в лавку.

Оставшись один, Мордехай попытался открыть ларь. К его удивлению, крышка тут же отвалилась, кажется, не успел он и лом протиснуть под неё. А внутри оказалась целая грудa золота и серебра, сундук был буквально набит деньгами. Наверное, никто ещё в Еврейском Городе не видел столько золота, хотя каждый второй там был ростовщиком.

Подумав, Мордехай решил придержать внезапно свалившееся на него богатство. Может быть, крестьянин опомнится и вернется за своим сундуком. Ждал он долго, а потом рассказал о случившемся своему тестю. Вот уж рабби Исаак был на седьмом небе и сразу поведал Мордехая о том, чему был свидетелем в лесу много лет назад. Он, конечно, сразу же изменил отношение к зятю и помирился с ним, радуясь, что сбылось то, чего он так долго ждал. Но Мордехай всё равно ещё немного подождал. Однако крестьянин, похоже, действительно был карликом, хранителем клада, предназначавшегося молодому еврею. И в положенное время передал ему сокровище лично в руки...

— Так вот что это были за грибы, старый лгун, — бормотал он, припоминая откровения ребе.

Мордехай Майзл умело и достойно использовал доставшееся ему сказочное богатство. Он построил Еврейскую ратушу, Высокую синагогу и частную Майзелову синагогу, приют для сирот, женские бани, вымостил улицы, стал старостой, а ещё ему посчастливилось многие годы дружить с легендарным ученым и раввином Иегуди Левом бен Безалелом, который создал Голема. И при помощи шема, таблички, вкладываемой в голову «глиняного человека», научил его работать на себя и чтить Шаббат вместе со всеми евреями.

Но так много было написано уже о Големе и его знаменитом отце-создателе, что хочется здесь упомянуть только, что сила легендарного ученого и мага бен Безалела была настолько велика, что продолжает действовать и сегодня. Если вы будете в Праге и, прийдя на старое Еврейское кладбище, где он похоронен, загадаете желание на его могиле, оно обязательно сбудется. Но будьте осторожны; известная поэтесса и журналист Елена Камская положила на могилу рабби записку с просьбой остаться в Праге навсегда — так ей понравился этот пронизанный магией город — и на следующий же день погибла. Так рабби Иегуди «исполнил» её желание, и теперь она покоится на том же кладбище...

Последняя, третья легенда повествует о еврейской девушке по имени Ребекка, её сестре-колдунье и шляхтиче пане Янеке...

В давние времена жили в Еврейском Городе две сестры, обе с чёрными как смоль волосами, тёмными как глубины шеола⁵ глазами, обе статные и красивые. Но у Ребекки было сердце голубки, она любила весь мир и радовалась всему, что её окружало. У сестры же её Эсфири было сердце более чёрствое, может, потому, что она была старше и пережила два погрома, в последнем они потеряли родителей. Обе девицы работали в швейной мастерской на улице Иегуды Баруха. Но отец оставил им небольшое состояние, и они могли позволить себе не слишком надрываться.

Иногда днём Ребекка выходила из Еврейского Города прогуляться по Праге под предлогом того, чтобы купить продукты на Староместском рынке, дескать, там они более разнообразные и свежие, чем на маленьком рынке Еврейского Города. На самом деле улицы Праги были более широки, красивы и богаты, чем в гетто, везде стояли величественные статуи святых и королей, и ей очень хотелось переехать сюда жить из бедного Еврейского Города.

Однажды, прогуливаясь по Карлову мосту, она встретила молодого человека в богатом кафтане. Высокий, темноволосый и худощавый, с узким красивым лицом — сразу видно, что благородного происхождения, даже если бы не было на нём богатых одежд. От неожиданности — никогда ещё не видела она юношу столь прекрасного — Ребекка уронила корзину, рассыпав яблоки прямо посреди моста.

— Я вам помогу, не волнуйтесь. — Юноша быстро опустился на корточки на мостовую и начал собирать яблоки, ничуть не чинясь.

Ребекка смутилась, с ней, еврейкой, ещё никто так вежливо не заговаривал в Праге, она удостаивалась только презрительных взглядов, несмотря на свою красоту, достойную возлюбленной библейского царя.

— Спасибо, господин, — тихо поблагодарила она, так и не решившись больше взглянуть в лицо этому человеку.

— Как вас зовут, прекрасная пани? — спросил он, когда корзинка была собрана; только одно яблоко успела подхватить и унести какая-то ушлая ворона.

Видно, он принял девушку за христианку, но нельзя стыдиться своего рода и имени, и Ребекка отважно и даже немного с вызовом произнесла:

— Ребекка, господин.

Она по-прежнему боялась взглянуть в глаза понравившемуся ей молодому человеку. А тот с самого начала смотрел на неё прямо, и она удивилась, что иудейское имя его не оттолкнуло.

— Как красиво... Ребекка... — как будто пробуя её имя на вкус, произнёс он.

И тут же спросил, где её можно увидеть. Она сказала, что иногда ходит на Староместский рынок, но тут же, опустив голову, добавила, что ей уже давно пора домой, и, не слушая возражения молодого человека, заспешила в сторону гетто.

— А меня зовут Янек! — крикнул он ей вслед.

Ребекке казалось, что больше никогда она не увидит этого красивого христианина, но распорядитель судеб Яхве решил иначе. Молодые люди вскоре встретились снова в лавке суконщика. Ребекка закупала ткань по приказу хозяина швейной мастерской, в которой работала.

Янек в рыцарском облачении, на богато убранном коне проезжал у ворот Еврейского Города. Ребекка сразу его узнала. Глаза молодого пана заблестели, когда он увидел девушку, он сразу спешился и подошёл к ней.

⁵ Шеол — преисподняя.

— Дядя, мой опекун, погиб на войне с германцами, милая! И теперь всё наше состояние будет принадлежать мне. Отныне я главный в семье, и никто не запретит нам пожениться. Гляди, неплохо я смотрюсь в новом жупане?

Покрасовавшись, он вновь вспрыгнул на коня и на прощание послал девушке воздушный поцелуй. Позже они тайно встречались ещё не один раз...

Однако Эсфирь, от которой у Ребекки не было секретов, тревожилась за неё.

— Вы с ним не пара, — говорила она сестре. — Он не из колен Израилевых и принесет тебе только горе. И если узнают об этом, тебе будет грозить смерть и от иудеев, и от его народа.

— Да, он христианин, но я люблю его, сестра. И мы очень осторожны, а Янек хочет жениться на мне.

— Не говори ерунды, за это его могут лишить всех привилегий, и даже семья отвернется от него, так же как от тебя откажется весь Еврейский Город.

Ребекка не сказала ей, что готовится принять христианство, чтобы выйти замуж за любимого. И она наконец-то сможет жить в любимой Праге с молодым красивым мужем, в которого она была влюблена до безумия.

— Тебе тоже нужно полюбить кого-нибудь, у тебя одно увлечение, эта твоя магия, — смеясь, сказала она сестре.

Да, Эсфирь ворожила, умела гадать и заряжать силой амулеты, читая над ними Каббалу. Но то, что сестра её считала легким увлечением, на самом деле много значило для Эсфири. Она открыла в себе силы настоящей чародейки. Одним из подтверждений этого было то, что недавно у неё появились собственные курдуши, маленькие чертенята, которые есть у любой ведьмы или колдуньи. Они были её слугами в магических ритуалах и ворожбе, всегда готовые прийти на помощь. Их никто не мог ни видеть, ни слышать, кроме неё, если они сами того не хотели. Людям знающим это говорило о том, что она сильная чародейка.

Но сестра её не ведала об этом. Она присела на колени перед Эсфирью и, обняв её ноги, смотрела на неё счастливыми глазами.

— Не обижайся, моя Аэндорская волшебница, но и ты забудешь про своё колдовство и гадание, лишь только у тебя появится свой любимый.

Мудрая Эсфирь загадочно улыбнулась.

— Ладно, не отвлекай меня, скоро праздник Пурим, и мне надо дошить тебе нарядное платье.

В святой для евреев день, надев обновку, младшая сестра ушла в Прагу — на любимом Староместском рынке купить муки и сладостей на стол — и не вернулась. Эсфирь в ту ночь не спала, в ожидании сестры раскладывала она карты, и они показали ей, что большая беда случилась с Ребеккой. Наутро пошла она в Прагу искать сестру, везде, где та бывала, спрашивала о ней. Но никто ничего не мог ей сказать или не хотел, многие просто презрительно отворачивались от еврейки, и только когда она во второй раз обходила торговые ряды на Староместе, один мальчик, помощник зеленщика, пожалев её, сказал, что, кажется, видел, как схватили какую-то еврейку по имени Эсфирь. Её обвинили в колдовстве, и сейчас она, скорее всего, дожидается своей участи в городской темнице.

— Но как же это? — в ужасе пробормотала Эсфирь.

— А вам лучше уйти отсюда, если не хотите, чтобы и вас схватили, — тихо посоветовал ей мальчишка. — Уж больно вы на неё похожи.

Но Эсфирь уже и сама стремглав полетела прочь. Она решила отыскать Янека, отец которого был знатным войтом и мог заступиться за Ребекку. Ведь она безвинна, и Эсфирь чувствовала себя виноватой, видимо, сестру перепутали с ней, она своим тайным ремеслом погубила самого близкого человека!

С трудом отыскала она дом Янека. Молодой господин с родителями жил в огромном старинном, ещё времён Яна Люксембургского, доме. В дверях слуга ей сказал, что юноши нет и неизвестно, вернётся ли он сегодня, поэтому ей лучше уйти. Но она осталась караулить и не отходила далеко от дома, пока не дождалась. Она увидела его, когда стояла вжавшись в

холодную стену и дрожа мелкой дрожью.

Янек подъехал весь разнаряженный, будто с королевского приёма, и лицо его было довольным, как у кота в молочной лавке. Но, увидев подскочившую к нему девушку, весь вид которой выражал отчаяние, похолодел.

— Что произошло? Что-то с Ребеккой? Я узнал вас, вы очень похожи с сестрой. Говорите же скорей!

И Эсфирь с вновь обретенной от его слов надеждой сбивчиво передала ему то, что случилось с Ребеккой. Янек выслушал её серьёзно, ни словом не перебив.

— Вы поможете? — Эсфирь с надеждой посмотрела на него.

— Конечно, ступайте домой и займитесь делами, здесь вы будете только мешать, — сурово произнёс он.

— Но я и не собиралась... мешать.

А времена тогда были тёмные и суровые, эпоха правления святой инквизиции. Она находила где-то ведьм и колдунов. Хотя в Праге по такому обвинению было казнено людей гораздо меньше, чем где-либо, всё равно обычно евреек чаще, чем христианок, осуждали за чернокнижие и ведьмовство, возводя на костёр.

Без долгого суда и следствия, в праздничном платье, сшитом её сестрой, девушку повели на казнь. Сжигать ведьм было принято в рубище. Но городские власти сэкономили и на этом, попросту изорвали на еврейке платье. Так что теперь оно свисало грязными лохмотьями с её прекрасного тела.

В толпе не было видно Янека, он так и не появился, хотя Ребекка выглядывала его до последнего. Казалось, она не замечает оскорблений и плевков, летящих в неё, ни того, как укладывают дрова вокруг столба, к которому её накрепко привязали. Только одного хотела она сейчас: успеть перед смертью увидеть любимого...

Это произошло через два дня после того, как Эсфирь узнала о том, что случилось с её сестрой. Потому что день был воскресный, и именно в этот день недели тогда было принято сжигать ведьм во многих государствах.

Эсфирь успела провести один магический ритуал, но он не помог. Попыталась подкупить стражника у темницы, но тот оказался принципиальным и только из жалости не арестовал девушку за взятку, позволив ей уйти. Потому что по приказу строгого начальства должен был хватать и допрашивать всех, кто интересовался «ведьмами».

Она могла бы применить более сильное колдовство, попробовав расправиться с воинами, охранявшими темницу, но боялась помешать Янеку, веря, что он в это время доступными ему способами делает всё, чтобы освободить возлюбленную. Но красивый пан не спешил...

... И вот теперь Эсфирь стояла на площади среди народа, вынужденная наблюдать неминуемую гибель своей сестры.

— Верные мои курдуши, помогите!

— Прости, хозяйка, но что ты от нас хочешь? Задуть костер? — услышала она писклявый голосок и следом увидела его обладателя, маленького сморщенного демона с острыми клыч-ками, ощеренными в довольно ехидной улыбке.

— Хотя бы!

— Но мы не можем даже приблизиться к помосту, рядом с ней стоит священник, отец Теодорих. А он так силен в вере! — сказал другой голосок.

Появившийся следом демон был очень похож на своего товарища, только на голове у него был чубчик из рыжих волос, в то время как череп первого курдуша был лыс как колено.

Их никто не видел, кроме хозяйки. Священник не переставая читал молитвы на латинском языке, а костёр разгорелся в мгновение ока, окончательно поглотив в дыму и огне несчастную девушку. Она больше не кричала...

— Но мы можем отомстить этому Янеку, он ведь трусил, злодей, — добавил второй курдуш, засучивая маленькие рукава.

— Он испугался и предпочел остаться в стороне, чтобы не потерять обещанную ему

королём должность командира одного из отрядов дворцовых стражников, — презрительно сообщил лысый курдуш.

— Он предал мою Ребекку и не выступил в её защиту, как обещал... — произнесла Эсфирь, с трудом выговаривая слова, её сердце было разодрано на куски болью, а её помощники напомнили ей о том, ради чего стоило жить дальше.

Мсть! Она отомстит Янеку со всей беспощадностью настоящей, а не мнимой ведьмы.

Три дня спустя Янек, всё ещё грустный и раздосадованный историей с сожжённой за колдовство Ребеккой, историей, в которую он чуть не оказался замешан, сидел в своей спальне. Как и многие легкомысленные мужчины, он спешил переложить всю вину на погибшую девушку...

И как она смогла его провести? Обманула его своими невинными глазами и чистым голосом, прокралась к нему в душу. А может, она его приворожила к себе? Скорее всего. Он ещё легко отделался. Женив на себе, она бы из него все соки выпила и свела в могилу, завладев богатством, которое ему досталось после смерти дяди, всё, что тот добыл своим мечом в походах. Хорошо ещё, другие успели вовремя разглядеть её ведьминскую сущность и спасти жизнь молодого чешского пана...

Злостью и обвинениями пытался он заглушить внутренний голос, который говорил ему, что она была чиста перед всеми. А он погубил её тем, что не захотел опозорить имя князей Нетворжичей заступничеством за какую-то еврейку... Но с другой стороны, теперь, когда он возглавил семью, на нём ещё больше ответственности! Он пример для младших братьев и кузенов. Что было бы, узнай они об их истинных отношениях?! Стыд...

Но ему пора было идти во дворец, сегодня первый день службы, его отец бы гордился сыном. Воспрянув духом от этих мыслей, он, отпустив слугу, начал быстро одеваться. Теперь ему надо учиться всегда одеваться самому.

— Добрый день, господин Янек.

Молодой человек быстро обернулся, но, естественно, в комнате никого не было.

— Кто здесь?

— Чёрт, конечно.

— Какого чёрт... То есть что за святые пророки? Кто посмел в этом доме меня разыгрывать? Покажись, где ты прячешься, трус?

— Сам ты трус, — обидчиво произнёс голос. — Но не надо меня сердить, я здесь для того, чтобы передать послание твоей Ребекки, которую ты бросил погибать.

— Я ничего не мог поделать! Но покажись же, я тебе не верю! Что за послание? Она умерла.

— Ещё бы, но вернулась и теперь хочет поговорить с тобой. Сегодня в полночь. На Карловом мосту, на том месте, где вы впервые встретились.

— Бред какой-то! Откуда ты узнал?!

Разговаривая с голосом, Янек метался по комнате, мечом протыкая и откидывая все занавеси, полог, ширму.

— Позволь поинтересоваться, что ты делаешь? — спокойно произнёс голос.

— Не прикидывайся дурачком, я найду тебя!

— Можешь не трудиться, я рядом с тобой, — насмешливо ответил курдуш — это был тот, который с хохолком.

— Покажись мне, я тебя не боюсь!

Напуганный Янек начал рассекать воздух вокруг себя, кружась на одном месте.

— Так не забудь. В полночь. Она хочет поговорить прежде, чем уйдет навсегда. Не знаю, может, хочет сказать, что прощает тебя...

В это время Эсфирь, не в силах смириться с тем, что потеряла сестру безвозвратно, начала готовиться к страшному ритуалу, который решила провести ночью на могиле сестры. Вся еврейская община поднялась, все знали Ребекку и её доброту, но привыкли к несправедливым убийствам евреев. У самого короля было испрошено разрешение похоронить её по еврейским обычаям на своем кладбище. И им дано было такое

соизволение...

Но зачем человеку тогда нужно чародейское искусство, если и оно тут будет бессильно? Эсфирь решила попытаться вернуть свою любимую сестру из глубин могилы. Он зарядила талисманы с помощью магии Каббалы и, как Аэндорская волшебница, вызвавшая дух пророка Самуила, вызвала настоящего демона.

— Моя бедная сестра как-то назвала меня Аэндорской волшебницей. У чародейки, колдовавшей для царя Саула, получилось, значит, и у меня получится!

И сама себе ответила:

— Самое большее, что сделала та волшебница, был вызов бесплотного духа, если то был не обман. Но если так, значит, я буду лучше!

В эту ночь почти одновременно произошло два события, связанных с именем Ребекки. На мосту рядом с распятием появился закутанный в плащ молодой человек. Лицо его было бледно, он озирался по сторонам и шёпотом ругал себя, что пришёл сюда.

— Господи, помоги! Ладно, подожду немного и пойду. Дьявол привёл мои ноги сюда, как будто я не понимал, что делаю. Но только чувство вины перед Ребеккой заставляет меня оставаться здесь.

Он думал, что тут будут прохожие, как обычно в это время. На Карловом мосту и ночью жизнь оживлённо кипела. Но сейчас как будто проклято было это место. Пустынно и мрачно, ни одной фигуры. Сейчас он и грабителю бы обрадовался как родному отцу, только бы не стоять здесь одному.

Янек подошёл к краю, чтобы быть поближе к распятию, как будто входя под его защиту. Заглянул в мутные воды Влтавы, с мрачным шорохом бьющей свои волны о сваи моста.

— Как ты глубока, бездонна, Влтава... Как манящи твои воды, ты, как мать, принимаешь в свои волны заблудших, прими же и меня, как сына, ищущего покой. Я убил её! — С этими словами перегнулся он через перила и упал в тёмные воды Влтавы. Только тихий всплеск раздался, и сомкнулись над ним серые волны.

— Чёрт меня подери, он прыгнул! — заметил один из компании бродяг, всё это время следивший за подозрительными действиями молодого господина. Они лелеяли надежду пойти за юношей и ограбить где-нибудь в переулочках...

— Ты видел его лицо? Как будто он уже был мертвец, так что нечего сокрушаться.

— Да я и не сокрушаюсь, это не наше дело, что какой-то дворянчик решил душу свою загубить. Вещички его жалко...

— Небось в кости проигрался.

— Что-то холодно стало. Пошли выпьем, что ли, помянем беднягу.

В это время на кладбище Эсфирь приступила к ритуалу.

— Ангел тайн Разиэль, ты открыл священную Каббалу прародителю нашему Адаму, помоги! Амацарак, ты научил людей волшебству, помоги! Слуги мои, курдуши, приказываю вам явиться!

— Да, хозяйка, мы здесь, — раздался писклявый голос.

— Не надо так волноваться, мы тебе поможем, — добавил иной, но такой же тонкий голосок. — Как помогли с Янеком, его тело уже на дне Влтавы.

Сердце Эсфири радостно дрогнуло.

— Спасибо вам, я этого не забуду. Теперь же возьмите амулеты и молчите.

— Как скажешь, хозяйка. Не мне бы тебе это говорить, но только добром это не кончится.

Но ей казалось, что выбора нет, она была одержима.

— Замолчи и делай, что велено!

Начертив звезду Давида и встав в её центр, она сжала на груди амулет с именем Уриила, обучающего вселенским знаниям, и начала читать заклинания. Вскоре Эсфирь услышала гулкий голос из-под земли, показавшийся ей близким и знакомым.

— Ребекка, милая, это ты? Вернись, умоляю тебя!

И она продолжила читать заклинания. Над могилой за клубился туман, и какой-то чёрный дым начал выходить из него, всё сгущаясь и принимая очертания человеческой фигуры.

— Ребекка, это ты? Молю, произнеси хоть слово, если можешь!

— Нет, я Ог, правитель Васана...

— Упс, ну, что я говорил? — пискнул голосок кудуша.

— Библейский царь рефаимов, гигантских людей, древнейших обитателей земли Ханаанской? Я тебя не вызывала. Что тебе нужно? — дрожащим голосом спросила Эсфирь, задрав голову и глядя с колен на ставшую просто огромной фигуру. Теперь она увидела у него бороду и шлем.

— Да, дочь Израиля, но душа, которую ты вызывала, никогда не явится, она давно в раю...

— Ясно, а ты воспользовался случаем заглянуть, — заметил один из маленьких чертенят, на этот раз лысый.

Но дух, назвавшийся Огом, словно не слышал.

— За многие прегрешения Господь заточил мой народ в глубинах шеола. Я хочу вернуть его на землю, и чтобы он снова стал правителем земли...

— Вот куда... колесо повернуло. Вот это запросы!

— Но я тут при чём? — пробормотала Эсфирь, быстро листая книгу заклинаний. И начала заклинять его вернуться назад: — Там тебе место, именем Уриила, который сторожит твою грешную душу в аду...

— Да, мы не слишком-то праведно жили, идолопоклонство, колдовство и всё в таком духе, — пробормотал курдуш с хохолком.

— Не трудись, волшебница! Моя мощь тебе не под силу. Ты смогла мне помочь выйти, но вернуть не сможешь. Но твоя поддержка мне ещё понадобится. В вашем молельном доме есть несколько камней из Иерусалима...

— Да, из иерусалимского храма, ныне разрушенного, — произнесла Эсфирь, хмуря брови.

Ей хотелось убежать отсюда подальше, но, похоже, своими заклинаниями она вызвала в Еврейский Город большое зло и теперь должна была вернуть Ога назад, однако хватит ли у неё на это сил? Может, Ог прав, и она слаба перед ним, и он её просто раздавит? Но она бы только приветствовала смерть. Ребекка отомщена, душа её в раю — и что делать здесь, на земле, одинокой Эсфирь? Лучше пожертвовать жизнью и исправить свою вину. Один раз она уже не сделала этого, и тогда из-за её медлительности казнили Ребекку.

— На одном из камней древние письмена, написанные на языке моего народа. Принеси его на эту могилу к следующей ночи! Но будь осторожна; если хоть один осколок отколется с того места, где начертаны письмена!.. Ибо гнев мой будет велик, я сотру тебя в песок...

— Откуда его выковыривать? Ты забыл сказать, — заметил лысый демонёнок.

В отличие от людей дух его слышал.

— Вы должны найти его сами, я там не был...

На следующий день, едва дождавшись открытия Староновой синагоги — только о ней мог говорить Ог, в неё действительно были заложены камни из иерусалимского храма, — Эсфирь была уже там. И с ней два верных её помощника.

— Хорошо, что это не храм, как у христиан и мусульман, а просто молельный дом, и нам есть сюда ход. А то служили мы как-то одной сарацинке...

— Мне это неинтересно! Лучше скажи, где же тут искать камень с письменами, — озабоченным голосом заметила Эсфирь, уперев кулачки в бедра.

— Что ты сказала, дочка? — тут же поинтересовался старый полуглухой рабби, открывший синагогу. Больше в ней никого не было.

— Ничего, рабби. А впрочем, не поведаете ли вы мне, где тут иерусалимские камни? Я слышала о них, но давно хотела увидеть своими глазами.

— Ковчег стоит на одном из них, дочка. Взгляни, если хочешь.

Рабби прошаркал к ковчегу, подведя её туда за руку.

— Видишь, вот. На нем ещё какая-то надпись на древнем языке, но это не древнееврейский.

— Понятно, спасибо, ребе.

— А вот тут ещё два камня, за почётными сиденьями для старосты и его семьи. — Ребе показал и их. На них тоже были письма.

— Наш план, похоже, провалился. Когда мы их вытаскивать будем? Здесь же они целый день читают Тору! И ещё неизвестно, насколько твёрд камень.

— О-о. Кажется, он гранитный.

— Забери меня, Вельзевул! — тяжело вздохнул курдуш с хохолком.

Тем не менее этой ночью, открыв замки с помощью магии и верных курдушей, Эсфирь вместе со своими помощниками прокралась в синагогу. Она зажгла специальную заколдованную свечку, света от которой никто не мог увидеть, кроме неё.

— Помогите же мне! — нетерпеливо велела Эсфирь.

— Слушай, если бы ты не была такой красивой, мы бы давно от тебя ушли, твой характер не всякий курдуш выдержит.

— Да, более своенравной и властной хозяйки у нас ещё не было, — подтвердил курдуш с хохолком.

Через полчаса адского труда, а скребли они когтями, что были тверже стали, лысый курдуш заметил:

— Дядя был не слишком-то умен, не надо было ему говорить: «Если хоть один осколок отколется...»

— Скреби, не болтай, — натруженным голосом сердито велел его партнер.

И в этот момент в синагоге появился дух Ога. Он заслонил своей широкой спиной весь потолок и оперся о перила галереи, на которой в синагоге сидели женщины.

— Как же ты тут?... — обалдел от неожиданности лысый курдуш.

— Я вас не дождался...

Демонёнок с хохолком усиленно доскребал последнюю букву, оставшуюся на последней плите.

— Что вы наделали... Этим заклинанием я мог бы вызывать всю мою армию, весь народ рефаимов...

— Уходи, — твердо произнесла Эсфирь. — В преисподнюю.

Ог закричал страшным голосом и исчез.

В ту ночь во сне она видела рефаимов, древний народ. Они и вправду были гигантами — мощными, сильными, загорелыми под Ханаанским солнцем. Настоящими воинами с суровыми лицами, копьями, набедренными повязками из кожи и треугольными щитами.

— Спасибо, что не дала Огу потревожить нас. Мы не хотим идти против воли Господа. А Ог — царь и вечно хочет первенствовать, но теперь хоть на какое-то время успокоится.

...Потом, спустя месяц, в Еврейский Город нагрянула чума, а с ней как всегда пришли вампиры. В то ужасное время они появлялись в домах, и люди не успевали спастись от них, как и от чумы. Возглавлял их молодой вожак с чертами лица, говорившими о благородном происхождении, но не души, его звали Янек...

Она узнала его сразу. И он её помнил, она увидела это по его глазам.

— Это ты, ведьма, погубила меня, — спокойным голосом произнёс он.

— Больше всего сожалею, что испортила этим твою будущую блестящую карьеру, — сказала она, подбоченившись и без особого сожаления в голосе.

— Удачный ответ! — похвалил хозяйку чертёнок с хохолком.

— А теперь я убью тебя, высосав всю твою кровь, — сказал Янек. — Долго же я этого ждал. Моё тело прибило к берегу, никто не замечал его в траве. В ту же ночь я почувствовал зов.

— Ну прямо оборотень! А с виду обычный упырь, — издеваясь, заметил на это лысый

курдуш.

— Так я встретил моих братьев. И с каждым днём приближался к тебе всё ближе... ближе... И наконец-то добрался. А теперь я хочу твоей крови. — Он провёл по пересохшим синим губам острым языком и медленно направился к Эсфири.

— Может, не стоит, вдруг я уже заразилась чумой? — притворно взмолилась Эсфирь, медленно протянув руку к рябиновому колу, который заранее приготовила.

Ожидая прихода вампиров, она по совету курдушей приняла меры, разлив масло и рассыпав по комнатке бусы... В следующий момент Янек уже поскользнулся и начал падать, размахивая руками, чтобы удержать равновесие. И курдуши, и Эсфирь, тоже скользя, уже бросились на него.

— Обычно еретики и воры становятся упырями, вот оно как раскрывается тёмное прошлое даже шляхтичей, — заметил демонёнок с хохолком, выкручивая Янеку руку.

— Он проклят, потому что убил мою сестру! — возразила Эсфирь на насмешки демонёнка с хохолком.

Сжав зубы, она боролась с Янеком, который в следующий момент, вывернувшись, повалил её на пол.

— Да знаю, я же забавляюсь. Но согласен, это была не самая удачная моя шутка. Дай-ка помогу.

В этот момент в дом ввалилась целая шайка упырей и застыла на пороге.

— Вы что, не заперли дверь?

— Что ты всё время на нас надеешься, мы, курдуши, вообще забывчивые.

— Да, хоть бы напомнила, нам-то двери не нужны, и мы забываем об их важности для людей и... вампиров. Чёрт, он не боится щекотки!

— Да, дружище?

— Да нет, это я к слову.

— Почему заклятие не работает? — спросила Эсфирь. — Я же наложила на дом заклятие, вампиры не должны были сюда проникнуть, а если бы попытались, то сгорели бы заживо.

— Да, ты многому научилась в последнее время, — даже не слушая, похвалил её курдуш с хохолком, оседлавший Янека и прижимающий его к полу. Второй в это время пытался удержать его за ногу.

— Не подходите, я своими клыками хочу сам разорвать ей горло! — велел Янек вошедшим упырям и, извернувшись гибко и сбросив с себя курдушей, придавил девушку своим телом к полу.

В тот же миг он вдруг весь вспыхнул огнем и закричал, пытаясь затушить пламя.

— Ну наконец-то, — выдохнула Эсфирь, держась за поданный одним из помощников рябиновый кол, который воткнула прямо в сердце мерзкому вампиру.

Этим же колом она прогнала других упырей из его шайки...

Эсфирь пережила чуму, Бог проявил милость, и смерть на этот раз унесла лишь несколько жизней, а Эсфирь нашла любимого человека, веселого и доброго портного по имени Иаков. Как и обещала ей когда-то Ребекка, полюбив, она постепенно забросила свою магию, но курдуши, верные друзья и помощники Эсфири, и после её замужества оставались с ней, помогая по хозяйству. По-настоящему заниматься которым иногда куда сложнее, чем колдовством...

Сестра Шарка и дьявол

...В далекие века, давно сокрытые во тьме прошлого, жила в Праге, в монастыре клариссок, одна монахиня — сестра Шарка. Монастырь, в котором в покое и беспрестанных молитвах проводили свои дни монахини этого ордена, и церковь Святого Спасителя поныне можно увидеть и даже посетить. Ибо стоит монастырь Святой Агнессы на самом краю

Йозефова района, называвшегося некогда Еврейским Городом, на набережной Влтавы. Монастырь этот один из первых готических построек в чешской столице. И основала его святая Агнесса, родная сестра самого короля Вацлава Первого, именно для ордена клариссок.

Так вот, Шарка была миловидной молодой девушкой двадцати лет, хотя для монахини внешность не должна ничего значить. Но она тайком любила свою красоту и даже смотрелась украдкой в зеркало, которое прятала под жёстким матрасом из соломы. Хоть мать-настоятельница и не разрешала держать в кельях зеркал, чтобы не возбудили они в душах сестёр грех тщеславия и любострастия...

Однако Шарка привыкла к другому, скромная жизнь в монастыре была для неё тяжела. Ибо происходила она из древнего рода и была единственной дочерью Летенского князя, отданная в монастырь силой, когда овдовевший отец женился во второй раз и заимел наследника мужского пола...

Однажды после трапезы она работала в монастырском саду, рыхля землю под розами, и вдруг в мареве полуденной жары увидела будто сон наяву, что находится она не в саду вовсе, а в каком-то ином и чудесном месте. И стоит возле неё высокий юноша удивительной красоты, и говорит ей чарующим голосом:

— О, нежная и прекрасная Шарка, отрави мать-настоятельница!

Шарка вскрикнула, и видение исчезло.

Весь день она думала об этом странном юноше, а после вечерней молитвы попыталась заснуть, но не могла, ибо его глаза преследовали её. Встревоженная, в одной сорочке, села она на кровати и достала зеркальце. Прежде вид собственной молодости и красоты утешал и обнадёживал её, но этой ночью из зеркальной глади на неё глянули пылающие очи того юноши! Испугалась Шарка, словно почувствовала, что в келье её ещё кто-то есть. Схватив распятие, она села на кровати и спросила дрожащим голосом:

— Кто здесь?

Но никто ей не ответил, только протяжно скрипнула рама в окне. Когда Шарке наконец-то удалось заснуть, то приснился ей дивный сон. Как будто находится она в чудесном саду. И стоит посреди этого сада прекрасный мужчина, и лицо у него, как у юноши, которого она видела днём, только возмужавшего.

— О, нежная и прекрасная сестра Шарка, приблизься ко мне!

И она подошла к нему. И позволила целовать и ласкать себя, думая, что это сон. Но мужчина вдруг остановился.

— Отрави этим мать-настоятельница, — сказал он, протягивая ей маленький флакон.

Тут Шарка испуганно воскликнула:

— Уходи, нечистый, никогда я не сделаю этого!

— Ты уже подошла ко мне, ты целовала меня, ты — моя-я-я!.. — страстно и страшно закричал мужчина.

В тот же миг Шарка проснулась, ещё разгорячённая, и увидела, что мужчина этот на самом деле уже стоит в её комнате! Не выдержала она его пылкового взгляда и близости его и возлегла с ним. Глубокой ночью он покинул её, обещав возвратиться, и Шарка не могла возразить ему.

Наутро проснулась она и, вспомнив свое «ночное бдение», испытала глубокий стыд. Хотела на утренней службе в церкви отмолить свой грех, но не могла. Отвлекали её от чистой молитвы Иисусу воспоминания о горячих ласках любовника.

В этот день во время обеда под высокими стрельчатыми сводами трапезной вдруг послышался гулкий шум. Многие монахини подняли головы, чтобы посмотреть, что там, но только Шарка вдруг увидела лицо своего ночного посетителя. Оно недобро усмехалось из лица барельефа святого Дворжака. В тот же миг с грохотом рухнула одна из колонн, поддерживающих свод, и сломала надвое длинный деревянный стол, за которым трапезничали сестры. Все едва успели отскочить, чудом никого не задело. Тем не менее монахини с криками и визгом побежали из трапезной. Хотя знали — в стенах святой обители

дьявол не мог причинить им настоящего вреда. Он и колонну-то посмел свалить потому только, что в тот день мать-настоятельница приболела и осталась в своей келье на весь день. Но Шарка поняла его силу...

Ночью посетитель опять возник в её комнате. Теперь это был зрелый муж.

— В таком облике отныне я буду являться тебе каждую ночь, — сказал он, приближаясь к Шарке.

— Зачем ты сломал стол в трапезной? — спросила Шарка.

— Чтобы показать тебе, кто я! Настоятельница ваша давно докучает мне своей святостью. Я уж с ней разберусь...

— Но как ты смеешь появляться здесь?

— Ты сама дала мне проход в этот монастырь — сначала манила зеркальцем, а теперь и постелью...

Сестра Шарка пришла в ужас от того, что сотворила её греховная слабость к любострастию.

— Не бойся, если ты слушаешься меня, я одарю тебя своей милостью, а нет — разрушу ваш монастырь. Отрави мать-настоятельницу!

От последнего Шарка твердо отказалась, а вот от ласк опытного мужа — не смогла...

На следующий день она прогуливалась по галерее. Поцелуи нечистого до сих пор жгли её тело. Спустившись в сад, она услышала голос своего возлюбленного:

— Как понесешь питьё матери-настоятельнице, подсыпь туда яду.

В тот же миг кармашек её монашеского платья отяжелел маленький синий флакон. Нечистый сумел подложить его так осторожно, что Шарка даже не успела испугаться. За синим стеклом плескался сильнейший яд...

Через некоторое время к ней подошла сестра Ивона и сказала, чтобы она покормила мать-настоятельницу. Взяв поднос с едой на кухне, Шарка незаметно подлила туда содержимое флакончика и понесла аббатисе. Но когда она была уже у дверей матери Бланки, так звали настоятельницу монастыря Святой Агнессы, вдруг откуда-то выскочила мышь. Шарка взвизгнула, подпрыгнула и опрокинула поднос...

Ночью в келье соблазненной им монахини дьявол в гневе мерил комнату шагами.

— Это не случайная мышь была, а сам Ян Непомуцкий строит мне козни! Ну да мы с ним ещё померимся силами...

А Ян Непомуцкий, как известно, это великий святой, покровитель чехов, как и святой Вацлав Пржмысл. Не терпит он происков Сатаны и верх над ним берёт постоянно... Да так, что нечистый только плюётся от горя, а у людей животы со смеху сводит!

На следующий день Шарка опять понесла матери-настоятельнице еду, подлив туда яда из нового флакона, который дал ей накануне нечистый. И опять у самых дверей поднос выскользнул у неё из рук, потому что под ноги ей бросился огромный серый котяра. И дьявол опять не смог добиться того, что хотел...

— Это была не простая кошка, а Ян Непомуцкий хочет помешать моему делу!

В эту ночь он уже не был так ласков с Шаркой. Но девушка привязалась к нему, к тому же она знала, что за такие грехи — не видать ей прощения. Она уже не могла молиться, равнодушно простаивая службы и бессмысленно произнося слова требника.

— Если сегодня не убьёшь её, завтра же я заберу тебя в ад! — строго сказал ей на прощание дьявол-любовник, оставляя яд в третий раз.

Не спав всю ночь, она решила выброситься из окна, мысля, что хоть и потеряла душу, но зато не причинит никому зла и не погубит мать-настоятельницу. После обедни вышла она на стену монастыря, посмотрела вниз, и слёзы показались у неё на глазах. Вдруг слышит, вроде кто-то чешскую песенку насвистывает... Обернулась она и увидела самого Яна Непомуцкого с нимбом из звёзд над головой, в коричневой рясе, и такое нежное сияние вокруг...

Мягко улыбаясь, молвил святой заступник, отчего светло и легко вдруг стало на сердце

у провинившейся монахини:

— Не спеши, дочь моя, расстаться с жизнью. А лучше сделай то, что я тебе скажу. Сегодня вечером срежь в саду пять роз, соответствующих количеству звёзд над моей головой, да положи под простыню в форме святого креста и жди дьявола. Когда он явится, уложи его на кровать и прижми сверху своим телом. Увидишь, что будет...

— Он не заберет мою душу? — с надеждой спросила девушка.

— Нет, ты будешь спасена, — обещал Ян Непомуцкий.

Она сделала всё по его велению и в положенное время уже ждала своего любовника в тонкой ночной рубашке. Ровно в двенадцать ночи он как всегда поскрёбся коготком в дверь и тут же вошёл сквозь неё. Дьявол был глубоко не в духе:

— Этот Непомуцкий совсем обнаглел! Кажется, ему доставляет удовольствие издеваться надо мной! Всё время мне препятствует, что бы я ни задумал в Чехии! — возмущался он. — Опять явился тебе и помешал отравить настоятельницу?! Наверное, теперь в образе собаки. Мм... а ты неплохо выглядишь.

Тогда Шарка, не отвечая, обняла и ласкала его. А потом сделала то, что велел святой Непомуцкий — повалила его на кровать. Но едва она прижала его к постели, как дьявол взвыл дурным голосом и, сбросив её с себя, вскочил и начал метаться по комнате, всё опрокидывая и круша. На волосатой спине его явственно обозначился кровотокающий святой крест! Погрозил он девушке пальцем, плюнул на пол да и исчез, так что Шарка его больше не видела...

Так раскаявшаяся монахиня одолела свои слабости и самого нечистого. Однако, когда пришёл её смертный час, в рай Шарку всё же не взяли. Но не попала она и в ад! Доныне душа её ищет успокоения, предупреждает об опасности. Люди видят, как бродит она по коридорам и галереям монастыря и шепчет всем, кого встретит:

— Не смей и думать отравить мать-настоятельницу!